

Е.В. КУДРЯШОВ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
КУЛЬТУРА
КОСТРОМСКОГО КРАЯ
XVI-XIX ВВ.

Комитет по охране и использованию историко-культурного
наследия администрации Костромской области

Е.В. Кудряшов

**Художественная
культура
Костромского края
XVI-XIX вв.**

Кострома
2004

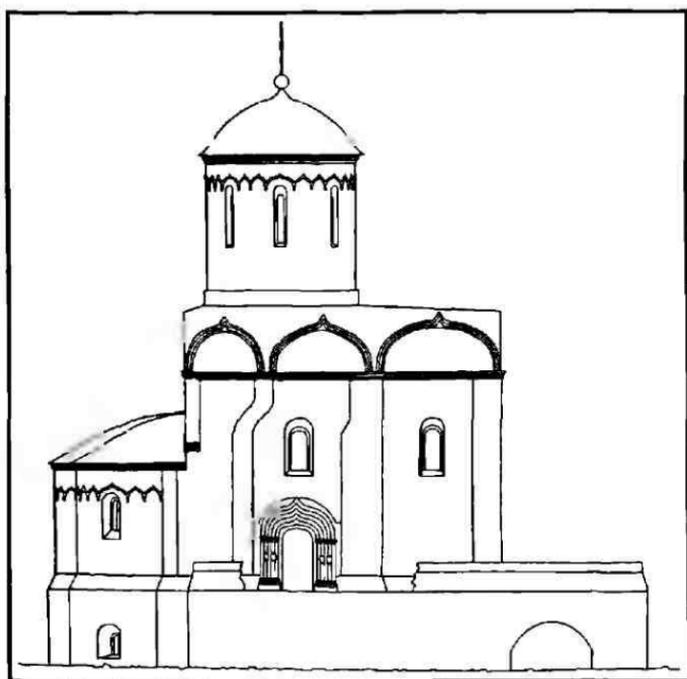
От составителя

Предлагаемая вниманию читателя книга является сборником статей, написанных в разные годы исследователем художественной культуры Костромского края, кандидатом искусствоведения Е.В. Кудряшовым (1936-1985). Одни из этих статей публикуются впервые, другие были опубликованы при жизни автора или после его смерти. Как правило, они выходили в специальных сборниках, издававшихся небольшими тиражами и известных узкому кругу специалистов. Несмотря на то, что эти работы написаны много лет назад, они не потеряли своего значения, так как выполнены на высоком научном уровне, а вопросы, которым они посвящены практически не затрагивались исследователями в последующие годы.

Темы статей разнообразны — творчество местных архитекторов и других зодчих, работавших на костромской земле, выдающиеся произведения архитектурного искусства, некоторые процессы развития зодчества и художественной культуры края в целом. Отдельные статьи объединены общими темами, разработкой которых автор занимался в разные годы своей жизни.

Хочется надеяться, что собранные вместе эти работы помогут читателю получить более полное представление о развитии художественной культуры Костромского края и будут интересны не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

**КОСТРОМСКОЕ
КАМЕННОЕ
ЗОДЧЕСТВО
XVI-XVII веков**

К вопросу о первоначальных формах Успенского собора в Костроме

К началу XVII в. в Костромском детинце уже существовали каменные Успенский и Троицкий соборы. Выстроенные, несомненно, еще в XVI в. оба храма могли сыграть роль архитектурного прототипа при возведении в XVII столетии первых каменных культовых сооружений на костромском посаде.

Если первоначальные формы Троицкого собора воссоздать уже не представляется возможным (церковь была разобрана С.А. Воротиловым после пожара 1773 г. вместе с обгоревшими каменными постройками Крестовоздвиженского монастыря),¹ то облик Успенского собора реконструируется на основании тех натурных наблюдений, которые были проведены во время его архитектурных обмеров в 1934 г. Л.К. Любимовым, С.С. Чижовым и Н. Чудаковым за несколько дней до взрыва собора, а также после взрыва.² В рунированном после взрыва соборе были обнаружены на фасадах фрагменты разновеликих килевидных закомар XVI в., интересные по форме “косые” уступчатые лопатки переменной ширины и большого выноса и древние оконные проемы — раструбы, заложенные кирпичом XVII в. В обнажившейся бутовой кладке восточной стены здания (над апсидами) открылись два неодинаковых по конструкции канала, следующих с севера на юг и расположенных друг над другом. Нижний из каналов был достаточно широким, имел прямоугольное сечение и завершался тремя нависающими один над другим рядами кирпичной кладки (так называемый ложный свод). Он открывался внутрь помещения тремя отверстиями — “продухами”, имевшими тот же самый характер перекрытия. Так как внутри нижнего канала не было обнаружено следов заливки его известковым раствором и вследствие особенностей его перекрытия, допустимо предположить, что он был своеобразным конструктивным приемом, применение которого оправдано положением восточной стены здания, опиравшейся непосредственно на своды апсид.³ Наличие же верхнего канала говорит за то, что в соборе XVI в. имелась система деревянных

брусчатых связей кольцевого типа, заложенных в толщу стен на уровне пят сводов и связывавших все стены здания в продольном и поперечном направлениях. Врубki деревянных связей в углах были усилены их абордажем металлическими связями типа скоб, также скрытыми в кладке при большой толще самих углов здания. Таким образом, на первом этапе натурного изучения руинированного памятника были выявлены некоторые формы первоначального архитектурного убранства его фасадов и отдельные конструктивные особенности. Было установлено также, что костромской Успенский собор XVI в. перестраивался дважды — во второй половине XVII в. и после пожара 1773 г.

Второй этап изучения памятника — выяснение первоначального конструктивно-планировочного типа здания и характера его перекрытия. Оказалось, что во второй половине XVII в. Успенский собор был расширен в западной части с возведением дополнительной западной пары подкупольных столбов и превратился вследствие этого в совершенно заурядный, по словам Л.К. Любимова, храм с крестово-купольной системой плана и перекрытия. К такому заключению склоняют, во-первых, безрезультатные поиски древних оконных проемов на западном фасаде собора и на западных же пряслах его боковых фасадов (зондажи в нижней части окон XVII-XVIII вв. производились на площади около 2 кв. м). Во-вторых, внутри собора была найдена перевязка кирпичной кладки так называемых старых и новых стен (XVI-XVII вв.), находившаяся на оси западных столбов. В-третьих, при осмотре подклета обнаружилось, что он, оказывается, был двухстолпным и имелся только под частью здания — простирался от апсид до западной пары подкупольных столбов: "...на запад в стене обнаружено окно XVI в. с сохранившейся железной решеткой..."⁷⁴. Наконец, зондажами было раскрыто на северной стене внутри здания заложенное гнездо пяты подпружной арки, расположенное напротив северо-восточного опорного столпа. Совокупность открытий, сделанных в процессе натурного обследования и архитектурных обмеров руинированного памятника, дала возможность С.С. Чижову предложить реконструкцию первоначальных форм Успенского собора в Костроме — его плана, продольного

разреза и северного фасада⁵. Принимая во внимание, что первоначальное перекрытие собора и его венчание были уничтожены еще при перестройке во второй половине XVII в. (стены нового храма и своды, по наблюдениям Л.К. Любимова, были подняты на высоту не менее 1-1,5 м), реконструкция С.С. Чижова верхней части здания XVI в. представляется нам спорной. Система сводчатого перекрытия храма XVI в., пропорции его светового барабана и переход от барабана к закомарному перекрытию до сих пор остаются неизвестными.

Реконструкция плана храма допускает иное решение его верха, а именно — световой барабан мог быть выложен не между подкупольными столпами и восточной стеной четверика, а непосредственно над столпами. Такого рода храмовые сооружения были известны в Московской Руси XVI в. и именно о них писал в свое время В.А. Богусевич⁶.

В XVI и начале XVII вв. костромской Успенский собор представлял собой двухстолпный, одноглавый, трехапсидный храм с позакомарным покрытием и высоким сводчатым подклетом⁷. Придельная церковь Федора Стратилата была устроена или в одной из апсид (скорее всего в северной), или “отдельною статьею” около северо-восточного угла собора⁸. Фасады храма членились горельефными лопатками на три прясла, в верхней части которых были узкие оконные проемы, лишенные наличникового обрамления. Ступенчатый излом лопаток объясняется, по всей вероятности, стремлением совместить каждую из межпрясельных лопаток с пятами закомар, которыми венчались фасады собора. В храм вели разнотипные белокаменные перспективные порталы — с килевидным архивольтом на северном и южном фасадах и с полуциркульным завершением с запада. Выше верхнего ряда архивольта каждого из порталов в кладке стен были выложены разгрузочные арки.

Конструктивно-планировочная особенность памятника (двухстолпие) предопределила местоположение порталных входов на боковых фасадах здания — они были сдвинуты к апсидам и выводили непосредственно в подкупольное пространство, расположенное между крестчатыми в сечении опорными столпами и ико-

ностасом. Световой барабан оказывался, таким образом, сдвинутым по своду в том же направлении; он опирался на восточную стену храма и, возможно, на ступенчато-пониженные подпружные арки, выложенные между барабаном и опорными столпами (предположение автора). Напротив восточных граней подкупольных столпов из восточной стены храма выступали две лопатки, переходившие сверху в подпружные арки. Нижнюю часть стен и столпов внутри храма оживляли глубокие ниши — печуры, перекрытые ложными многоступенчатыми сводами. В верхней части стен имелись оригинальные по конструкции нишки с тем же характером перекрытия (ложный свод).

Одной из немногих известных нам архитектурных форм первоначального декоративного убранства фасадов Успенского собора является обнаруженный под карнизом апсид поясok килевидных арочек. Из некоторых особенностей объемно-пространственной композиции памятника следует указать на ориентацию апсид собора к северу — в сторону Запрудни, где в XIII в. “явилась” икона Федоровской Богоматери⁹. Собор был выстроен в технике однородной кладки из кирпича размерами 81x139x285 мм. Поставленный на самой бровке костромского детинца, собор казался органичным завершением городского холма.

Значение Успенского собора в общественно-религиозной, политической и культурной жизни Костромы XVII в. трудно переоценить. В нем находилась важнейшая икона города — его палладиум — “Богоматерь Федоровская” (XIII в.), широко известная за пределами Костромы и являвшаяся в XVII в. живописным эталоном икон на этот сюжет. Не меньшее значение в художественной жизни города имела архитектура собора. Можно с полным основанием считать, что Успенский собор сыграл основополагающую роль в развитии местного типа культового архитектурного сооружения — двухстолпного храма, получившего в XVII в. большую популярность как в посадском, так и в монастырском каменном строительстве Костромы и ее пригородов.

1. Г. Холмогоров. Материалы для истории Костромской епархии. Вып. 4. Костромская десятина. Кострома, 1908. С. 53.

2. Л.К. Любимов. Дневник хода работ по научной фиксации собора XVI-XVII вв. в г. Костроме Ивановской области. Машинопись. Лл. 1-13. Июль-август 1934 г. (ГНИМА, инв. № арх. 280/1-13).

3. Выход этого канала внутрь помещения в виде "продухов" дает возможность высказать и другое предположение: отверстия являются здесь одним из видов древней системы акустики храмового помещения. В таком случае эти "продухи" могут считаться своего рода голосниками.

4. Л.К. Любимов. Дневник хода работ... Л. 7.

5. ГНИМА, отдел фондов, Р. V, № 405-407.

6. В.А. Богусевич. Новый архитектурный тип в русском зодчестве XVI и XVII столетий // ГАИМК. Бюро по делам аспирантов. Сб. 1. Л., 1929. С. 93-100.

7. Таким образом, догадки П. Островского, Г. Лукомского и др. о том, что Успенский собор в Костроме был выстроен с самого начала как двухстолпное сооружение, получили полное подтверждение. См.: П. Островский. Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора. М., 1855. С. 46; ИАК. Вып. 31. СПб., 1909. С. 72; В.К. и Г.К. Лукомские. Кострома. СПб., 1913. С. 127.

8. ГАКО, ф. 558, оп. 2, ед. хр. 133 (Писцовая книга г. Костромы 1628 года), л. 565об.-566

9. Поворот апсид на север имел место и в некоторых надвратных церквях Костромского и Галичского уездов XVII в., например, в Никольской надвратной церкви Авраамьева Городецкого монастыря под Чухломой (около 1650 г.).

Архитектурные памятники Ипатьевского монастыря XVI-XVII вв.

Комплекс архитектурных сооружений бывшего Ипатьевского монастыря — ныне Костромского историко-архитектурного музея-заповедника — представляет значительный интерес с точки зрения его возникновения и развития. Достаточно обширный круг вопросов, связанных с реставрационными работами по этому ансамблю, может быть успешно решен лишь в том случае, когда будет более или менее точно восстановлена вся последовательность возведения в монастыре тех или иных зданий, хронологически сменявших друг друга, неоднократно перестраивавшихся и много раз менявших свое назначение.

Строительство монументальных каменных сооружений в монастыре началось в середине XVI века. Около 1560 года не без участия “праведчика” В.П. Годунова была построена каменная соборная Троицкая церковь с приделом Филиппа и Ипатия¹. О первоначальных формах этого несохранившегося храма сейчас трудно судить. Нам известно только, что это был двухстолпный пятиглавый, трехапсидный храм с подклетами и с открытыми папертями. Неизвестно, был ли придел Филиппа и Ипатия самостоятельным архитектурным объемом или же он располагался в дьяконнике. В храм вводили три портала, двери которых были обиты медными листами с сюжетными изображениями (сохранились). Покрытие собора было позакомарным по три килевидных закомары на каждый фасад. Габариты годуновского собора XVI в. отличались скромностью по мерам конца XVI в. ширина четверика внутри составляла пять сажень, а в длину — только четыре сажени. В 1595-1596 гг. собор был расписан присланными Д.И. Годуновым из Москвы живописцами, причем роспись соборной церкви была осуществлена не только внутри, но и снаружи, в тимпанах закомар. В 1586-1593 гг. собор и паперти достраивались на деньги Д.И. и Б.Ф. Годуновых. После событий 1613 г. (скорее всего в 1613-1614 гг.) к Троицкому собору был пристроен придел Михаила Малеина. Этим исчерпывается

фактологический материал по не дошедшему до нас “годуновскому” Троицкому собору середины XVI в.

1559-м годом можно датировать не сохранившуюся даже к XIX в. трапезную монастырскую палату длиною в 8 сажень². Она располагалась к юго-западу от Троицкого собора в непосредственной близости к каменной зимней церкви Рождества Богородицы (1564), вследствие чего эта церковь в документах XVII в. именовалась не иначе как “трапезная”. Монастырская трапезная палата была одностолпной архитектурной постройкой и до 1742 г. сохраняла “трапезный рундук”³. Что же касается церкви Рождества Богородицы, то это был шатровый храм на подклетах, с приделом Иоанна Златоуста (Рождественская церковь была разобрана вместе с трапезной в 1760-1764 гг.)⁴. К апсидам церкви примыкали две большие каменные палаты — скорее всего, усыпальницы представителей рода Годуновых. К западному фасаду трапезной палаты в конце XVI в. были пристроены различные каменные жилые здания — келарская с каменной шатровой колоколенкой, кельи и т.д.

Последующая каменная застройка монастыря в конце XVI начале XVII вв. осуществлялись при деятельном участии Д.И. и Б.Ф. Годуновых, считавших монастырь своей родовой, фамильной “усадьбой”. Именно в конце XVI в. складывается дошедшая до нас периметральная застройка т.н. Старого города с выразительным силуэтом его стен и башен, с лаконичной композицией всего монастырского ансамбля, расположенного вдоль рек Костромы и Игуменки.

Настоящая строительная лихорадка, которой “заболевает” монастырь в конце XVI в., может быть объяснена лишь на фоне того грандиозного каменного строительства, которое вела в различных местах Московского государства рвущаяся к власти боярская династия Годуновых. После работ В.В. Косточкина и П.А. Раппопорта⁵ следует считать историческим фактом, что многие каменностроительные работы конца XVI — начала XVII вв. велись т.н. “зодчими Бориса Годунова”, среди которых особенной популярностью пользовался автор “Смоленского чуда” “государев мастер” Федор Конь.

Сейчас, пожалуй, уже невозможно даже предположить, кто был автором архитектурных сооружений Старого города Ипатьевского монастыря, Им не мог быть местный автор, как об этом писал А.И. Некрасов применительно к шатровой Богоявленской церкви в дворцовом селе Красном на р. Волге (1592). Им не мог быть и “строитель” Ипатьевского монастыря конца XVI в. Гурий Ступишин, присланный в Кострому из Иосифо-Волокаламского монастыря⁶.

Строительство велось, скорее всего, под руководством опытного “каменных дел подмастерья”, присланного Годуновыми из Москвы. Непосредственное наблюдение за ходом строительных работ осуществлял Д.И. Годунов, чуть ли не ежегодно приезжавший в монастырь и к своему близкому родственнику, костромскому наместнику С.В. Годунову. Таким образом, ни в коем случае не будет натяжкой проводить архитектурные параллели между тем, что было построено в монастыре в конце XVI — начале XVII вв., и тем, что строилось приблизительно в то же время в других годуновских вотчинах (с. Б. Вяземы, например).

После пожара в Ипатьевском монастыре в 1581 г. и начались, собственно, те каменностроительные работы, которые на первых порах не прекращались даже на год. Приходно-расходные книги монастыря за 1600 г. отмечают хорошо налаженный обжиг кирпича и производство железа на связи и орудия труда⁷.

Каменное строительство в монастыре велось, как уже указывалось, почти без перерывов. В 1586 г. начали строиться Святые ворота и каменная ограда вокруг монастыря. Схематическое описание этого довольно низкого “города” дает уже писцовая книга по г. Костроме 1628 г.: выстроенная монастырская ограда имела 4 угловых башни и 5 ворот — Святые и Водяные ворота выходили на р. Кострому, задние ворота были сориентированы на хозяйственный двор, еще двое ворот вели из монастыря к речке Игуменке и в подмонастырскую Богословскую слободу; стены получили т.н. “бой”, т.е. имели щелевидные отверстия для стрельбы и каменные переходы⁸.

Ввиду того, что “Годуновский город” был надстроен еще в XVII столетии, мы не в состоянии что-либо добавить к этому описа-

нию. Очень короткий отрезок этой ограды 1580-х гг. все же дошел до нас: это та часть стены Старого города, которая находится между погребями и угловой Квасной башней. Сами угловые башни Старого города уже в XVII в. получили следующие названия: Пороховая, Водяная, Квасная и Кузнечная. Восточная стена монастыря, обращенная в сторону р. Костромы и костромского посада, была закончена только к 1595 г. Здесь находился главный въезд в монастырь со Святыми и Водяными воротами, перед которыми вплоть до угловой северо-восточной Пороховой башни был протянут сторожевой захаб с колодцем прохода и герсами ворот. Захаб более простой конструкции выступал от Воскобойной башни в сторону р. Игуменки.

Над Святыми воротами в 1595-1597 гг. был выстроен двухшатровый храм Ирины и Федора Стратилата с папертью, каменной хозяйственной палатой и с сенями (надвратная церковь была разобрана в 1775 г.). В июле 1600 г. Святые ворота и т.н. “киоты” у них были расписаны. Художников, которые как раз в это время работали в монастыре, следует считать “пришлыми” — это были московские иконники, которых в августе 1600 г. сопровождал в обратный путь монастырский слуга Васька Шепел⁹. Имена этих живописцев нам известны: москвич Баженко (Савин), “наугорец” Андрюша и другие. Вместе с московскими мастерами в росписи Святых ворот и надвратной церкви принимал участие монастырский иконник Григорий¹⁰. В том же 1600 г. надвратная церковь Ипатьевского монастыря была освящена¹¹.

В 1586-1593 гг. были выстроены три вместительных монастырских погреба, у которых в 1732 г. надстроили “апартамент” для сушилен. Построенное и надстроенное исключительно в хозяйственных целях (для погребов и сушилен) и в разное время (XVI и XVII вв.), это здание кажется, тем не менее, очень цельным по исполнению и является едва ли не самым привлекательным архитектурным памятником всего монастырского ансамбля. Горизонтальная тяга, выложенная из двух рядов кирпича-поребрика, отмечает верхний уровень коробовых сводов погребов и зрительно делит все здание на два яруса. Широкие лопатки выявляют внутреннюю трехчастную композицию помещений. Архитектурный

декор на фасадах почти отсутствует: мерное чередование простых наличников у оконных проемов верхнего света не нарушает аскетичной архаики плоскости стен. Ничто не отвлекает от восприятия этого гармоничного архитектурного объема, построенного на хорошем знании пропорциональных отношений и прежде всего с учетом его функционального назначения. К западному фасаду этого “корпуса над погребями”, встроенного в монастырскую стену XVI в., были пристроены деревянные лестничные входы на каменных столбах: они вели непосредственно в сушильни.

Монастырские погреба кажутся сейчас отдельно стоящей изолированной постройкой. На самом же деле, в XVI столетии они примыкали к находящемуся у юго-западной (Квасной) башни Старого города т.н. “черному двору”, где были сосредоточены почти все хозяйственные постройки монастыря. Наиболее правдоподобную пространственную реконструкцию этих очень важных для монастыря зданий дал в свое время П. Островский. Он писал: “...от погребов к полудню [т.е. к югу — Е.К.] палатка каменная в один апартамент для квашения пив и квасов, на 5-ти саж. длины и двух ширины; далее к востоку при ограде три палаты каменные в одну связь; в 1-й пивоварня, во 2-ой поварня для братской пищи, в один апартамент, а в 3-й кладовая, в два апартамента, на 11 1/2 длины и 6 1/2 саженьях ширины...”¹².

У пивоварни имелся и шатровый колодец глубиною в 6 сажен. Здесь же располагались монастырские каменные житницы, разобранные около 1835 г. Датировка всех этих хозяйственных построек крайне запутана. П. Островский, например, датирует их 1723 г. По П. Подлипскому они “...строены в 1604-1605 годах на хлебо-провизные деньги”. Еще одну дату для каменной поварни — 1700 г. — дает А.А. Титов³. Несомненно одно: “черный двор” у Квасной башни строился не сразу и — что вполне естественно много раз перестраивался.

Во время реставрационных работ 1960-1962 гг. были выявлены только два из построенных в 1584-1593 гг. зданий хозяйственного двора — двухэтажная кладовая палата и одностолпная постройка, называемая в настоящее время “трапезной”. Последняя представляет собой квадратную в плане палату, перекрытую по

углам четырьмя крестовыми сводами. Амбразуры окон на северном фасаде выявляют большую толщину стен и придают внешнему облику здания черты аскетизма и суровости. Низ стен внутри палаты оживлен многочисленными нишами-печурами. Эта постройка соединялась тремя дверными арочными проемами с располагавшейся к западу пивоварней. Дверной проем простых очертаний выводил в кладовую — вместительное сводчатое помещение с большими остrokонечными распалубками, в верхний этаж которого вела тяжеловесная лестница с разворотом.

И “трапезная”, и кладовая вплотную примыкали к южной монастырской стене. Восточный торец кладовой палаты в свою очередь примыкал к целой веренице других хозяйственных построек, протянувшихся до Воскобойной башни и двухъярусной “келарской” с подвалами и с каменной шатровой колокольней (на их месте сейчас находится т.н. “Свечной корпус”, построенный архитектором К. А. Тоном в середине XIX в.).

В этих трех сохранившихся зданиях конца XVI в. (погреб, поварня, и кладовая) нетрудно заметить ту общность стиля, которая их сближает с южным объемом звонницы (1603 г.) и суровым обликом монастырских стен и башен. В них больше всего т.н. “архаики”, почти полностью отсутствует архитектурный декор, подчеркнуто прежде всего функциональное назначение всех этих зданий (у башен и стен Старого города — оборона; у звонницы — “звон”; у погребов — их “охранные” и, конечно, складские функции). Во всех этих постройках хорошо чувствуется толщина их стен, гладь которых оттеняют редкие оконные амбразуры. Суровый архитектурный образ зданий поварни и погребов, лаконизм их форм и выразительность массивных объемов наводят на мысль, что их мог строить один зодчий, одна артель каменщиков.

Еще одно здание можно датировать 1586-1593 гг. — это одноэтажные братские кельи. Они состоят из пяти одинаковых жилых секций, каждая из которых имеет сени и келью. Прямоугольные в плане кельи перекрыты сомкнутыми сводами. Их интерьер увеличен за счет распалубок над окнами и сопряжением тех же распалубок в углах помещения. Такое перекрытие заметно деформирует свод, но как бы “раздвигает” в ширину и высоту размеры

самой кельи. Дверной арочный проем выводит из сеней в т.н. “за-
сень” (внутренний проход между зданием и монастырской сте-
ной).

Оконные проемы на фасадах келий устроены таким образом, что
постепенно расширяются наружу и внутрь помещения. Этот “рас-
труб” завершается внутри кельи сводчатой распалубкой, а на фаса-
дах здания — наличником своеобразной формы. Собственно, это
даже не наличник, а заглубленный в стену маленький арочный
проем. Верхняя часть суживающейся к оконному проему ниши сде-
лана в виде нависающих друг над другом рядов кирпичной клад-
ки, также “суживающихся” по направлению к т.н. “световой оси”
окна. Развитие наличника происходит, таким образом, не на плос-
кости стены, а внутри оконной ниши — путь, по которому могло
бы пойти развитие древнерусского наличника в XVII в. (этот тип
наличника получил также развитие в жилых и хозяйственных по-
стройках конца XVI в. Новоспасского монастыря в Москве).

В голодные для Московского государства 1601-1603 гг. в Ипа-
тьевском монастыре велось строительство каменной колокольни,
законченной к 1604 г. Это одно из наиболее совершенных архи-
тектурных сооружений монастыря. Звонница построена по схе-
ме уже знакомой нам по годуновской усадьбе Б. Вяземы, что под
Москвой. И здесь и там зодчими использован один и тот же мо-
тив многопролетной аркады в трехъярусном прямоугольном бло-
ке. Когда-то окруженная открытой папертью (быть может, двухъя-
русной), звонница казалась менее стройной, чем сейчас, но бо-
лее живописной и теснее связанной с другими монастырскими
постройками (Троицким собором и церковью Рождества прежде
всего). Верхний многопролетный ярус был наиболее “звонкой”
частью всего сооружения. Его аркада на прямоугольных в сече-
нии столбах отделялась от нижеследующего яруса очень простым
по профилю карнизным пояском-тягой со скромным выносом по-
лицы кровельного покрытия. По мнению В.Г. Брюсовой, в XVII
в. на звоннице “...были установлены часы с боем”¹⁴.

В 1645-1646 гг. северный торец звонницы 1604 г. был закрыт
столпообразным объемом новой монастырской колокольни с шат-
ровым завершением. Заказчиком этой постройки следует считать

А.Н. Годунова, который около 1645 г. наказал "...устроить на Костроме в Ипатском монастыре в вечный поминок по своей душе и по родителем своим колокол в 3000 рублей, да колокольницу каменную, связи железные..."¹⁵. А.Н. Годунов в своей духовной грамоте уточнил и само назначение колокольни: его волей было "...колокольню каменную устроить, где тому колоколу стоять"¹⁶.

Построенный уже в XVII в., новый архитектурный объем звонницы несет на себе следы художественных вкусов того времени, Это четырехъярусное сооружение столпообразного типа декорировано сдвоенными полуколонками, фризом из ширинок, многообломными и далеко выступающими карнизами и завершается каменным шатром, в свое время покрытым зеленой черепицей. Два оконных проема третьего яруса, выходящие в сторону собора и Святых ворот, обрамлены выразительными по рисунку наличниками с килевидным завершением. Что же касается окон второго яруса колокольни, выходящих на "черный двор", то они трактованы гораздо проще, не имеют наличников и лучше выявляют толщину стен этого сооружения. Верхний и нижний ярусы прорезаны сводчатыми пролетами — верхний для колокола, нижний для прохода к собору или "черному двору". Г.А. Штейман считал, что в толще стен колокольни 1646 г. была сделана винтовая белокаменная лестница, подводившая непосредственно к колоколу¹⁷. На самом же деле лестница такой конструкции у колокольни отсутствует: на верхнюю смотровую площадку можно было попасть лишь через лестничные переходы внутри звонницы 1604 г.

До 1767 г. вытянутый с севера на юг архитектурный объем звонницы 1604-1646 гг. зрительно как бы "раскручивался" при входе в монастырь со стороны р. Костромы и по мере приближения к соборному крыльцу. Сначала был виден высокий нарядный восточный фасад колокольни 1646 г. Сквозь ее нижний сводчатый проем виднелись хозяйственные постройки "черного двора" у Квасной башни. Лишь оказавшись у северного крыльца собора, можно было увидеть многопролетную аркаду более древней части звонницы и окружавшие ее паперти. В непосредственной близости к южному торцу звонницы стояла шатровая церковь Рождества Богородицы 1564 г. с одностолпной трапезной палатой.

То каменное строительство, которое велось Годуновым в Ипатьевском монастыре в XVI-XVII вв., сопровождалось и другими актами внимания этой боярской династии к своей фамильной родовой вотчине. Чтобы еще выше поднять духовный сан и престиж монастыря и подчеркнуть его выдающееся положение, Годуновы вводят в нем с 1599 г. архимандрию, а в своих официальных документах именуют его не иначе “как преименитой лаврой”. Не меньшее значение в жизни монастыря имели вклады Годуновых конца XVI — начала XVII вв.

Переписные книги Ипатьевского монастыря 1595 года содержат имена следующих монастырских “вкладчиков” — Д.И. Годунова (ум. 1606 г.), Б.Ф. Годунова (ум. 1605 г.), И.В. Годунова, Л.В. Годунова, Я.А. Годунова, С.В. Годунова, Я.М. Годунова, Е. Годуновой... Среди годуновских вкладов упоминаются: иконы, лампы, подсвечники, кадила, паникадила, пелены, ризы, епитрахили, стихари, поручи, пояса, оплечья, судари, воздухи, улары, блюда, ковши, чарки, потиры, лжицы, блюдца, диски, звезды, ладоницы, панангии, покровы, книги, “тощие” свечи, складни и т. д.⁸

Среди этих вкладов нет, пожалуй, ни одного, который был бы исполнен непосредственно в Костроме. Все (или почти все) вклады Годуновых были творческой работой московских иконописцев, ювелиров, миниатюристов и т. д. “Строитель” монастыря Г. Ступишин, управлявший монастырским хозяйством при игумене Варлааме, с 1587 г. бывал неоднократно в Москве, откуда и привозил в монастырь годуновское “данье”. Характерна, например, такая запись в переписных книгах Ипатьевского монастыря 1595 года: “В лете 7097 (1588) году декабря в 7 день был государев боярин Дмитрий Иванович Голубцов в Ипатцком монастыре похоронять семьи своей Агрипены иноки Александры, привез Дмитрей Иванович окладных и складных 86 образов... Да к местным образом Дмитрей же Иванович прикладывал и с Москвы присылал и из Ярославля с строителем Гурьем...” и т. д.¹⁰

Не следует думать, что события т.н. Смутного времени начала XVII в. прошли бесследно для монастырских построек. В 1621-1625 гг. присланный из Москвы подмастерье Иван Неверов был вынужден чинить поврежденную в 1609 г. ограду, причем долгий

срок этого ремонта (пять лет) и указание, что И. Неверов оставался в монастыре “до окончания”,²⁰ дают возможность предположить, что в эти годы монастырские стены и башни были надстроены в высоту. В пользу такого предположения говорит хотя бы тот факт, что стены Нового города, имевшего вспомогательное или второстепенное значение в жизни монастыря, не могли быть выстроены в 1642-1643 гг. выше стен древнейшей части Ипатьевского монастыря — Старого города.

Таким образом, автором ныне существующего Старого города Ипатьевского монастыря следовало бы, как нам кажется, считать московского “каменных дел подмастерья” Ивана Неверова, работавшего по указанию Приказа каменных дел в различных городах Московского государства. И. Неверов (?) создал целую вереницу фортификационных укреплений, исходя из композиции монастыря конца XVI в. Монастырские стены протянулись вдоль рек Костромы и Игуменки, поворачивали под прямым углом на север и затем шли параллельно соседней Богословской слободе. Со стороны мелководной Игуменки стена получила выгнутую кривизну, вследствие чего сам план Старого города напоминал пятиугольник неправильной формы.

Углы Старого города были укреплены тяжелыми и приземистыми, круглыми в сечении башнями, из которых лишь северо-восточная Пороховая башня была “о дву поясах”, т.е. выше и стройнее других. Выступая на 2/3 своего объема за монастырскую ограду, угловые башни имели круглые отверстия для пушечного боя, смотровые окна, навесные бойницы-машикули. Внутри башен устраивался деревянный настил из трех и шести полов. Башни венчались шатрами с тесовым покрытием, в верхней части шатров крепились металлические прапоры. У межпрясельных квадратных башен и у Святых ворот снаружи имелись “приделы” каменные, т.е. захабы.

Из квадратных в плане башен, являвшихся важным связующим звеном в системе укрепления Старого города, особенно эффектной была т.н. Воскобойная башня, “...что наперед сего под нею была кузница...”. Она находилась над южными воротами, и сейчас “ее замкнутый, приземистый массив вырастает при входе в

монастырь из-за бугра центральной площади молчаливым и суровым стражем. Корпус расширяется едва заметными уступами вверх, скупые линии профилировки стены почти не нарушают цельности объема башни. На белом фоне контрастно выступает темный зев проема ворот, силуэт которого повторен двумя окошками-“печурами” второго яруса: это осязательно подчеркивает своеобразную и сильную пластику сооружения”²². В середине западной стены находились проезжие ворота с шатровыми деревянным завершением и смотровой площадкой.

Стены Старого города выложены из двух рядов кирпичной кладки, а промежуток между ними заполнен бутом. Надстройка стен в высоту сопровождалась выведением боевых переходов на столбах, устройством варниц, ритмически чередующихся арочных ниш с внутренней стороны и зубчиков типа “ласточкин хвост” в завершении стен. Вокруг монастыря тянулся глубокий ров, выложенный булыжником и делавший монастырскую усадьбу неприступной твердыней.

Следующей по времени монастырской постройкой было возведение в 1642-1643 гг. т.н. Нового города, который увеличил занимаемую монастырем площадь почти вдвое. Строительство Нового города затянулось до 1645 г. и было окончено каменщиком соседней с монастырем Богословской слободы Андреем Аврамьевым сыном Кузнецом.²³ Он построил регулярный по своей планировке каменный город, углы которого были закреплены круглыми массивными башнями. Точно посередине западного участка Нового города встала “Зеленая” четырехугольная башня с далеко выступающим за стены захабом. Восьмерик башни завершался каменным восьмигранным шатром, обитым зеленою черепицею, захаб у башни имел односкатное тесовое покрытие. В проезжих воротах находилась опускающаяся деревянная решетка. Новые монастырские стены получили не только каменные переходы на столбах, бойницы, варницы и ряды нависающих машикулей, но и “подошвенный бой”. Декоративное оформление новых крепостных стен и Зеленой башни состояло из ширинок, карнизного валика и двухлопастных зубцов в завершении стен.

Амбразуры в толще стены устроены в форме восьмигранных розеток, обрамленных круглым валиком. В основании граней шатра Зеленой башни выложены треугольные кокошники. Почти одновременное строительство новой колокольни и Нового города (1642-1646) дает реальную возможность предположить, что их могла строить одна артель каменщиков. В пользу такого предположения говорит не только схожесть декоративных форм обоих сооружений, но и применение при возведении их весьма архаичных конструктивных приемов (например, нависающие друг над другом ряды кирпичного “треугольника” с аркой на переходе от четверика к восьмерику в Зеленой башне и в колокольне 1646 г.).

Новый город пустовал до 1672-1673 гг. — в эти годы богоявленские каменщики Лифан Иванов “с товарищи” построили в северо-восточном углу Нового города церковь с папертью и две больничные кельи²⁴. Окна келий выходили в засенье. Больничная церковь была одноглавой, имела маленькую колокольню и изразцовый декор. Сами же кельи были одноэтажной постройкой с подвалами. По всей вероятности, одновременно с постройкой церкви Иоанна Златоуста неподалеку от больничных келий были пробиты в стене проезжие ворота “с ростесками розными”.

Центральным сооружением архитектурного ансамбля Ипатьевского монастыря является Троицкий собор, построенный в 1650-1652 гг. (древний годуновский собор середины XVI века был разрушен в 1649 году взрывом пороха, хранившегося в его подклетах). По своему архитектурно-художественному образу и объемно-пространственной композиции он примыкает к ярославской архитектурной школе первой половины XVII века: это четырехстолпный, пятиглавый, трехабсидный храм с позакомарным покрытием. Собор стоит на подклете, окружен с трех сторон папертями и имеет с юга одноглавый трехщипцовый приделный храм Михаила Малейна. Маленький по своим размерам придел перекрыт сомкнутым сводом, в южный лоток которого врезан оконный проем. Главным фасадом собора является северный, выходящий в Старый город шатровым крыльцом. Он украшен аркатурно-колончатый поясом, который обрамляет асимметрично расположенные по фасаду оконные проемы. Последние лишены налич-

ников и своими простыми формами повышают строгую выразительность западного фасада. Мотив аркатурно-колончатого пояса повторен в барабанах пятиглавия, в основании которых выложены килевидные кокошники. Паперти храма широки и светлы. Снаружи они декорированы перекрещивающимися под прямым углом лентами ширинок и килевидными наличниками широких окон.

В четверик храма вводят три белокаменных перспективных портала, два из которых имеют килевидные и один полуциркульный архивольты. Ввиду того, что западная пара подкупольных столбов расставлена широко, в интерьере собора доминирует центральный неф и залитое светом средокрестие. Восточная пара опорных столбов сдвинута далеко на восток и расположена в непосредственной близости от восточной стены (между столбами и восточной стеной перекинуты даже арочные перемычки). В основании центрального и угловых барабанов употреблена система взаимно перпендикулярных ступенчатых арок, применение которой обусловило покрытие храма по т. н. ложным закомарам.

Стенопись в соборе исполнена в 1684 г. артелью костромских живописцев, во главе которых стояли Гурий Никитин и Сила (Савелий) Савин. Монументальный по размерам резной иконостас в стиле барокко построен в 1756-1758 гг. костромскими посадскими резчиками во главе с П.С. Золотаревым и М.Д. Быковым. Изысканная резьба иконостаса еще более подчеркивает яркую красочность фресок на стенах, сводах и столбах. В XVII в. собор был расписан и снаружи (древняя стенопись на фасадах храма подновлялась в 1912 г.).

Среди целого ряда более или менее сложных конструктивных приемов, к которым прибегли строители Троицкого собора 1652 г., следует обратить внимание прежде всего на устройство в толще кирпичной кладки западной стены винтовой лестницы, выведившей через прямые лестничные марши прямо на своды здания. Остов этой винтовой лестницы и ее консольные плиты сделаны из белого камня-известняка. Еще одна особенность кладки стен Троицкого собора была обнаружена во время его реставрации Д.В. Милеевым в 1911 г.: "...в стенах Троицкого собора,

докладывал Д.В. Милеев местному комитету по делам ремонта собора, — обнаружены пустоты, образовавшиеся от вложенных при стройке деревянных балок и впоследствии сгнивших”²⁵.

Заложенные в 1911-1912 гг. у стен собора глубокие шурфы показали, что кладка цокольной части здания в разных местах различная. Одновременно с этим было доказано, что южный придел собора был построен позже четверика храма. Все эти, а также другие особенности в конструкции памятника не столько атрибутируют его в стилистическом отношении (храмовые постройки в Костроме первой половины XVII в.), сколько связывают его с разобранным, видимо, далеко не полностью годуновским собором середины XVI в.

В 1659 г. “...Ипатцкой монастырь погорел...”²⁶. Через 44 года (15 ноября 1703 г.) в монастыре сгорели верхний деревянный этаж на кельях казначея, кровля на кельях архимандрита и шатер на Пороховой башне. Имеются основания считать, что в промежуток между этими двумя пожарами были выстроены большая часть второго и третий каменные этажи т.н. “архиерейского корпуса” Ипатьевского монастыря (костромского Архиерейского Дома). В композицию этого здания, находящегося в северо-восточном углу монастырского Старого города, входит большое число взаимосвязанных помещений, имевших различные назначения и неоднократно перестраивавшихся. Из многих аспектов многопланового изучения этого уникального памятника — историческая периодизация его возведения, реконструирование первоначальных форм и т.д. — нам представлена возможность выявить лишь некоторые особенности архитектурно-художественного образа тех его частей, которые можно датировать XVII в.

Архиерейский дом в Костроме строился в несколько приемов и был тесно связан с монастырским хозяйственным засеньем, северо-восточной Пороховой башней и казначейскими палатами. Его многочастная внутренняя структура была впервые отражена в поэтажных планах 1820 г., сделанных губернским архитектором Н.И. Метлиным в связи с предполагавшейся кардинальной реконструкцией фасадов здания⁷.

Архитектурные обмеры 1820 г. при сверке их в натуре с уже отреставрированными помещениями дома оказались довольно точными, — они зафиксировали первоначальную внутреннюю планировку двух верхних этажей здания с пристройками XVIII в. со стороны засенья (северный фасад корпуса).

Первый этаж Архирейского дома, на котором были поставлены игуменские палаты и хозяйственные службы, не был обмерен Н. И. Метлиным (этот этаж можно датировать также XVII в.).

Декоративное убранство фасадов Архирейского дома — его восточного торца и той стороны дома, которая была обращена в сторону Троицкого собора, — было, несомненно, той основой, на которой был построен архитектурно-художественный образ памятника. Дворовый фасад здания имел так много окон и они были так близко расположены друг к другу, что основным средством художественной выразительности этого фасада стал наличник. Более того, закономерность того общепринятого положения, что форма наличника в гражданском сооружении отражала назначение внутреннего помещения и “степень его значимости в комплексе жилья”²⁸, полностью подтверждается применительно к архитектурному декору второго этажа костромского Архирейского дома — на дворе фасаде “игуменских келий” покои и службы монастырского архимандрита выделены четырьмя оконными проемами с индивидуально трактованными наличниками.

В тимпан килевидного завершения одного из этих наличников вделан прямоугольный блок белого камня на выходном торце которого с размерами 17,5x17 см вырезано изображение двуглавого орла — эмблемы государственной власти. Двуглавая птица имеет опущенные крылья, слабо выделенное насечками округлое тулово и распущенный веером хвост. Изображение орла не могло быть в данном случае обычным декоративным мотивом, т. к. оно единично и тяготеет к примитиву (знаку). Очевидно смысловое назначение этого резного клейма, которое было “наполнено” определенным, конкретным общественным содержанием, — выделять на фасаде здания те из его многочисленных внутренних помещений, которые были административными (т. е. государственными) службами монастырского архимандрита. Принимая во вни-

мание опущенные крылья “ипатьевского” орла и тот факт, что сам камень находится в стене на своем первоначальном месте, постройку этой части каменных покоев монастырского архимандрита можно отнести к первой половине XVII в.²⁹

Быть может, уже после пожара 1659 г. к “игуменским кельям” с востока были пристроены дополнительные жилые и хозяйственные помещения, перекрытые коробовыми и сомкнутыми сводами. Оконные проемы этих служб имеют изнутри распалубки, а их узорчатые, насыщенные мелким геометрическим орнаментом однотипные наличники исполнены не без влияния деревянных резных форм (мотивы деревянных подзорных досок-причелин). Имеются основания предполагать, что вход в новопостроенные хозяйственные помещения был устроен в углу здания, в том месте, где “игуменские кельи” примыкали к казначейским палатам, и имел, по-видимому, деревянный лестничный всход-рундук.

У расположенного как раз в угловом помещении входного проема прямоугольных очертаний декоративное обрамление выполнено в тех же орнаментально-узорчатых формах, что и у наличников окон, — это тесаные и кирпичные “кубышки”, жгутовые витые тяги, кругляши, ромбики, украшенные “елочкой” косяки и т. д. Многие декоративные мотивы, использованные в кирпичном убранстве дверных и оконных проемов этой части Архиерейского дома, — квадраты, ромбы, звездочки, кругляши, “елочка” и т.п. — встречаются также в составе карнизного пояса этого этажа и в декоративном убранстве папертей Троицкого собора. Самодовлеющую декоративность дворового фасада дома подчеркивало и то обстоятельство, что торцы некоторых разделительных внутренних стен на этом фасаде выявлены не были.

В процессе реставрационных работ 1962-1970 гг. по костромскому Архиерейскому дому были также обнаружены и раскрыты такие древние формы этого здания, которые позволяют поставить вопрос о возможно существовавших в конце XVII в. моментах влияния архитектуры зрелого украинского барокко на монастырское каменное строительство в Костроме. Мы имеем в виду декоративное убранство фасадов и порталных входов в сенях тре-

тьего этажа Архиерейского дома, постройку которого правомерно относить к концу XVII в.

Если второй этаж Архиерейского дома декорирован разнотипными наличниками, то третий “апартамент” этого здания, обращенный в сторону монастырского двора и на реку Кострому, характеризуется беспрецедентным для костромского каменного зодчества XVII в. однообразием архитектурных форм с их мерным, повторяющимся от наличника к наличнику ритмом. Прямоугольные отверстия окон обрамлены по сторонам трехчетвертными колоннами, раскреповывающими своеобразный антаблемент наличника с тесаными в кирпиче завитками, полочками и балясинами “сандрикообразного” венчания каждого из окошек.

Вертикальная ось симметрии наличников была выделена изразцовой вставкой и повтором декоративных форм в пределах барочного навершия. На уровне трехчастного, типично ордерного карниза здания устроены восьмигранные перспективные окна-люкарны, являвшиеся дополнительным источником света для т.н. “архимандрицкой” палаты. Излом стены верхнего этажа и границы планировочной структуры внутренних сводчатых помещений отмечены стройными, суживающимися вверх колонками, упирающимися на кронштейны. В сени покоев монастырского архимандрита и в т.н. “архимандрицкую палату” вводило двухмаршевое каменное крыльцо, украшенное многоцветными изразцами³⁰. Необычное архитектурно-художественное решение фасадов третьего этажа Архиерейского дома значительно повышало общую декоративность этого здания и заметно выделяло его среди остальных монастырских построек.

Поиски аналогий к декоративному оформлению третьего этажа Архиерейского дома ни в самой Костроме, ни в соседнем с нею Ярославле не дали каких-либо результатов (декоративный стиль т.н. “московского барокко” конца XVII в. не получил в Верхнем Поволжье столь развитых архитектурных форм). Было установлено, однако, что в 1692 г. костромской подмастерье Г.Л. Мазухин построил для рязанского митрополита Авраамия третий этаж Архиерейского дома¹ и завершил один из его торцов динамичным по рисунку барочным фронтоном с парными “пинакля-

ми” и волютами на углах, круглыми окошками-люкарнами и овальным киотом посередине композиции фронтона. Исследователи рязанской средневековой архитектуры — М.А. Ильин, П.А. Тельтевский, Г.К. Вагнер и др. — сходятся на том, что Г.Л. Мазухину хорошо было известно, по всей вероятности не только декоративное убранство, но и некоторые композиционные приемы украинских храмовых и гражданских сооружений конца XVII в.³² Его осведомленность в области различных стилистических течений украинской архитектуры XVII в. была, видимо, подмечена рязанским митрополитом Авраамием, покровительственно относившимся к тем художественным новшествам, которые проникала в древнерусское зодчество с Украины.³³

В данном случае факт творческой работы Г.Л. Мазухина по митрополичьему двору в Рязани имеет для нас двоякую ценность. Было выявлено, во-первых, что Г.Л. Мазухин происходил из крестьян села Здемирово Костромского уезда и в конце XVII в. был крепостным Ипатьевского монастыря.³⁴ Во-вторых, архитектурное решение и пропорциональный строй третьих этажей рязанского и костромского Архиерейских домов оказались настолько близкими друг другу, что позволили атрибутировать их возведение одному мастеру. Таким архитектором, который мог бы построить третий этаж Архиерейского дома в Ипатьевском монастыре представляется нам тот же Г.Л. Мазухин, которому в соответствии с его социальным происхождением (крепостной Ипатьевского монастыря) и профессиональной занятостью (“каменных дел подмастерье”) вменялось в обязанность вести ежегодные строительные и ремонтные работы в монастыре. Если это предположение считать правдоподобным, то не является ли рязанский памятник своего рода промежуточным звеном между украинскими архитектурными формами XVII века и выстроенным в конце XVII в. третьим этажом Архиерейского дома в Костроме? В таком случае не исключается возможность, что торцовый восточный фасад костромского Архиерейского дома был увенчан если не идентичным, то по крайней мере схожим с рязанским памятником, типично украинским фронтоном с теми же волютами и “пинаклями” на углах. Это гипотетическое определение имеет за собой

определенное обоснование: на составленном в 1820 г. Н.И. Метлиным чертеже восточного фасада костромского Архиерейского дома над его северным крылом зафиксирован предназначенный “к переправке” кирпичный фронтон с “пинаклем” в верхней части щипца³⁵.

В связи с предлагаемой и наиболее вероятной территориально-художественной принадлежностью надстройки Архиерейского дома в Костроме стоит весьма важный вопрос о том, носило ли влияние средневековой украинской архитектуры на монастырское жилое зодчество Костромы XVII в. прямой, опосредствованный или случайный характер. Более или менее точный ответ на этот вопрос объяснит нам прежде всего, почему Г.Л. Мазухин в 1692-1693 гг. оказался в Рязани. Здесь мы сталкиваемся с национальной принадлежностью заказчика постройки и выбором им архитектурного образца, т.е. с тем, что может с определенной степенью вероятности указать на пути проникновения мотивов украинской архитектуры в Верхнее Поволжье.

Наиболее вероятными заказчиками третьего этажа Архиерейского дома в костромском Ипатьевском монастыре могли быть два лица — архимандриты Феодосий (1685-1692) и Паисий (1693-1698). Об одном из них — Феодосии — нам известно, что он был родом “малороссиянин” и прибыл в Ипатьевский монастырь с Украины. Вполне возможно допустить вследствие этого, что монастырский “каменных дел подмастерье” Г.Л. Мазухин был отослан им куда-то на Украину для “смотрения” тех архитектурных образцов, которыми должен был руководствоваться зодчий при надстройке игуменских келий в Ипатьевском монастыре. В свете этого предположения нам становится более понятной задержка Г.Л. Мазухина в 1692-1693 гг. в Рязани и его работа для рязанского митрополита Авраамия.³⁶ Таким образом, не лишено оснований предположение, что декоративно-орнаментальные формы третьего этажа Архиерейского дома в Костроме восходят не столько к рязанскому памятнику, сколько к конкретному украинскому прототипу³⁷.

Далеко не случайный характер использования в костромском Ипатьевском монастыре некоторых украинских архитектурных об-

разцов подтверждается также косвенными данными, свидетельствующими о давних и прочных контактах между средневековой культурой Костромы и Украины. Нами было установлено, например, что игумен костромского Богоявленского монастыря Герасим (ум. в 1672 г.) был “киевлянин” по месту рождения и по воспитанию.³⁸ Став в 1642 г. келарем, а в 1645 г. игуменом одного из крупнейших верхневолжских монастырей, Герасим начал в своей “усадьбе” строительство большого числа гражданских зданий, имевших необычные для Костромы “kozyрьки” и “фронтоны”. Игумен Герасим собрал также богатую монастырскую библиотеку, составленную главным образом из “еретических” книг Львовской, Киевской, Оршанско-Кутейнской и Московской (1642-1652) “друкарен”. Среди близких к игумену Герасиму людей выделялся черный дьякон Митрофан, “киевлянин книгописец”, род которого был занесен в синодик XVII в. того же Богоявленского монастыря³⁹.

Влияние украинских архитектурных образцов на костромское монастырское строительство носило все же частный характер, т.к. эти новые веяния (в связи с появлением в Костроме нового типа заказчиков, украинцев по национальности и по образованию) не затрагивали архитектурно-художественного образа и конструктивно-планировочного решения строившихся в конце XVII в. в Костромском Поволжье двухстолпных и бесстолпных храмов. Одновременно с этим гражданские постройки типа третьего этажа Архиерейского дома в Костроме существенно меняли “образ мыслей” местных зодчих, направляя их на путь новых художественных поисков и решений (1 — здесь и далее №№ сносок в комментариях составителя).

В составе того же Архиерейского дома в Ипатьевском монастыре находится еще одна каменная постройка гражданского назначения — двухэтажные Казначейские палаты. Нижний этаж этого здания использовался, по всей вероятности, под складские помещения, причем некоторые из них были изолированы друг от друга и не имели четкой композиционной взаимосвязи. Асимметрия в расположении внутренних помещений первого этажа были выявлена на его фасаде т.н. “случайным” местоположением дверных проемов, лопаток и щелевидных окон. Один из дверных про-

емов был выделен плоским кирпичным порталом с килевидным архивольтом, над которым находилось круглое окно-люкарна, вкомпанованное в междуэтажный тяговый карниз.

Более цельный характер исполнения имеет декоративное убранство второго этажа Казначейских палат, где преобладают многочисленные горизонтальные тяги-валики и как бы “вдавленные” в стену большие ниши прямоугольных очертаний. Оконные проемы размещены в глубине ниши и окаймлены валиковыми бровками с кирпичными импостами. На выступах стены между окнами помещены округлые лекальные кирпичи, обрамленные круглыми валиками или заделанные в донца дополнительных нишек. Композиционным центром архитектурной декорации второго этажа палат является дверной проем с прямоугольным многоступенчатым порталом. Вследствие того, что планировочная структура внутренних помещений второго этажа Казначейских палат была усложнена двумя параллельными друг другу проходами к монастырской стене, восточный фасад здания был решен в общих с крепостными монастырскими стенами декоративных приемах.

Некоторая стилистическая общность декоративного убранства фасадов Казначейских палат и т.н. Зеленой башни Нового города Ипатьевского монастыря позволяет датировать эти палаты серединой XVII в.

Архиерейский дом в Ипатьевском монастыре вместе с Троицким собором и Святыми воротами входил в состав наиболее представительной, парадной части Старого монастырского города, противопоставленной т.н. “черному двору” около Квасной башни и комплексу братских келий. Определенная изолированность “архиерейского дворика” от остальных монастырских покоев и служб и его “камерная” планировка во многом создавались за счет т.н. “красных” крылец собора и Архиерейского дома, замыкавших перспективу двора при входе в монастырь. Одновременно с этим орнаментально-декоративное убранство северного фасада Троицкого собора и дворового фасада Архиерейского дома ставили эту часть Ипатьевского монастыря в исключительное положение среди других пространственных ячеек монастырского ансамбля и сообщали ей черты репрезентативности и парадного величия. Нет

оснований сомневаться в том, что здания и постройки, которые образовывали “архиерейское подворье” в Ипатьевском монастыре, и, прежде всего, трехэтажный Архиерейский дом имели общегородское значение, а их архитектурно-художественный образ носил общественно-светский характер.

Периметральная застройка Старого города, начатая еще Годуновым в конце XVI в., привела к тому, что композиционным центром Ипатьевского монастыря оказался не Троицкий собор с отдельно поставленной колокольней, а монастырский двор, точнее, та часть его, которая ограничена Святыми воротами, северным фасадом собора и “архимандрицкими” кельями. Вторая половина Старого города отделена от его более “парадной” части длинным массивом звонницы, закрывающей хозяйственные постройки “черного двора” у Квасной башни. Одинокой постройкой кажутся отдельно стоящие братские кельи. Таким образом тот принцип “архитектурной иерархии”, который так ясно ощущается в любом древнерусском монастырском ансамбле, в Ипатьевском монастыре ослаблен замкнутой “воронкой” Старого города и его архитектурных слагаемых.

В архитектурном ансамбле Ипатьевского монастыря нетрудно заметить и еще одну особенность — это стилевые контрасты и противопоставления как “внутри” отдельных сооружений так и между ними. Пустеющий Новый город (противопоставлен плотно застроенному Старому городу. Аскетизм архитектурных форм звонницы 1604 г. соседствует с богатым архитектурным нарядом колокольни 1646 г. Суровый западный фасад Троицкого собора “спорит” с декоративным узорочьем папертей. Эти стилевые особенности архитектурных памятников Ипатьевского монастыря неразрывно связаны с его историей и прежде всего с тем временем, когда монастырь был “колыбелью дома Романовых”.

В XVIII в. облик монастыря несколько меняется. Приехавший 22 марта 1721 г. в Ипатьевский монастырь его будущий архимандрит Гавриил Бужинский докладывал св. Синоду: “Прибыл я... на Кострому, в монастырь Троецкой Ипацкой марта 22. В нем же, осмотряся, обретох все ветхое, растащенное и опустошенное. Ризница тако изветшала, что пред честными людьми в самых лутчих

ризах служить нельзя, не вспоминая о других ризничных приборах. А и самая святая соборная церковь от воды большие вешние 1709 года разселась надвое, и все каменное строение подалось в Кострому реку; врата распались и столпами деревянными подперты; всего же разорения сея святая обители вкратце и описать сим известием невозможно⁴⁰. Монастырские ветхости были отремонтированы уже в 1742-1744 гг. синодальным архитектором И.Ф. Мичуриным, но впоследствии (в конце XVIII-го и особенно в XIX вв.) первоначальный облик многих памятников Ипатьевского монастыря был искажен многочисленными перестройками (работы в монастыре С.А. Воротилова, Н.И. Метлина, П.И. Фурсова, А.К. Тона, Ф. Рихтера и др.).

В настоящее время памятники архитектурного ансамбля бывшего Ипатьевского монастыря почти полностью отреставрированы и используются в качестве выставочных и фондовых помещений Костромского музея-заповедника, одного из крупнейших музейных комплексов РСФСР.

1. С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи. Вып. 2 (Костромские сотницы 1560-1563 гг.). М., 1903. С. 5.

2. ГАКО, ф. 558, оп. 2, ед. хр. 133, л. 648.

3. М.И. Соколов. Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 г. М., 1890. С. 40. См. также: ГАКО, ф. 712, оп. 2, ед. хр. 318, л. 4 об.

4. А. Соловьев. История Костромской иерархии // КЕВ, 1887, № 6, ч. неофиц. С. 154.

5. В.В. Косточкин. Государев мастер Федор Конь. М., 1964; П.А. Раппопорт. Зодчий Бориса Годунова // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 215-221.

6. Г. Ступишин стал иеромонахом Ипатьевского монастыря. В 1584 г. назначен Годуновыми "строителем". Был участником Московских соборов 1580 и 1584 гг. В 1589 г. присутствовал на соборе об учреждении патриаршества, а в 1598 г. участвовал в церемонии избрания Б.Ф. Годунова на царствование (М. Диев. Историческое описание Костромского Ипатьевского монастыря. М., 1858. С. 30-31). П. Островский справедливо отмечал, что в монастыри "...правительством на время значительных построек определяемы были особые строители..." (П. Островский. Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. Кост-

рома, 1870. С. 46). Они, "вероятно... управляли и монастырем в отсутствии настоятелей", — писал П. Островский (Указ. соч. С. 46).

7. ГАКО, ф. 712, оп. 2, ед. хр. 12, лл. 17 об., 18 об., 24-25.

8. ГАКО, ф. 558, оп. 2, ед. хр. 133, лл. 648-648 об.

9. ГАКО, ф. 712, оп. 2, ед. хр. 12, л. 36 об.

10. ГАКО, ф. 712, оп. 2, ед. хр. 12, лл. 30, 36 об.

11. ГАКО, ф. 712, оп. 2, ед. хр. 12, л. 10. Один из членов этой артели живописцев — иконник Устин — ездил с Василием Кривоперстовым в село Красное, что на р. Волге, для письма икон в Богоявленской церкви 1592 г. (ГАКО, ф. 712, оп. 2, ед. хр. 12, л. 22 об.). Бажен Савин мог участвовать и в росписи Троицкого собора 1595-1596 гг. "Наугорец" Андрияша писал также иконы "Минеи месешные" (ГАКО, ф. 712, оп. 2, ед. хр. 12, л. 30).

12. П. Островский. Указ. соч. С. 34.

13. А. Титов. Летопись Костромского Богоявленского монастыря. М., 1909. С. 17 (см. также П. Островский. Указ. соч. С. 34; П. Подлипский. Описание Костромского Ипатьевского монастыря. М., 1832. С. 24).

14. В.Г. Брюсова. Ипатьевский монастырь. Ярославль, 1968. С.26.

15. В. и Г. Холмогоровы. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии XV-XVIII вв. Вып. 5; Костромская и Плесская десятины. М., 1912. С. 201.

16. В. и Г. Холмогоровы. Указ. соч. С. 22. О датировке новой колокольни 1646 г. см. также: ГАКО, ф. 712, оп. 1, ед. хр. 37, л. 4 об.

17. Г.А. Штейман. Архитектурные конструкции русских каменных сооружений XVI-XVII вв.// Архитектурное наследство. Вып. 16. М., 1967. С. 29, рис. 3.

18. Художественные произведения годуновской школы иконописи и шитья хранятся в настоящее время в собраниях ГТГ, ГИМ и КИАМЗ.

19. М.И. Соколов. Указ. соч. С. 55 (см. также с. 5, 20, 30, 42-43).

20. А. Титов. Указ. соч. С. 17-18.

21. ЦГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 34, л. 224.

22. В.Г. Брюсова. Указ. соч. С. 24.

23. ГАКО, ф. 712, оп. 2, ед. хр. 140, л. 4.

24. ГАКО, ф. 712, оп. 2, ед. хр. 66, л. 1.

25. ГАКО, ф. 712, оп. 1, ед. хр. 797, л. 1 об.

26. В.П. Сторожев. К истории сельскохозяйственного быта Костромских Ипатьевского и Богоявленского монастырей. М., 1894. С. 2.

27. Эти чертежи были обнаружены автором данной статьи в фондах ЯМЗ (отдел архитектурной графики, Ар-370-372, 616) в виде фотокопий.

28. А. А. Тиц. Русское каменное жилое зодчество XVII века. М., 1966. С. 212.

29. "До Алексея Михайловича крылья у орла изображались опущенными вниз... На печатях Алексея Михайловича крылья у орла подняты вверх, а в лапах он держит скипетр и державу" (Е.И. Каменцева и Н.В. Устюгов. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963. С. 120). Эта часть "архиерейского корпуса" могла быть выстроена около 1642 года.

30. Было разобрано Н.И. Метлиным в 1821 году (П. Подлипский. Указ. соч. С. 22).

31. И. Добролюбов. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. Т. 1. Зарайск, 1884. С. 7.

32. М.А. Ильин. Рязань. М., 1954. С. 68-69; Г. Вагнер. Черты традиций и новаторства в рязанской архитектуре конца XVII — начала XVIII веков. // Архитектурное наследие. Вып. 12. М., 1960, стр. 112; Г.К. Вагнер. Рязань. М., 1971. С. 29; А.А. Тиц. Указ. соч. С. 247.

33. Г.К. Вагнер. Рязань. М., 1971. С. 29.

34. К.Н. Тихонравов. Сведения о русских мастерах XVII и начала XVIII столетий. // Известия импер. Археологического общества. Т. III, Вып. 3. СПб., 1861. Стлб. 215.

35. ЯМЗ, отдел архитектурной графики, Ар-371. Этот "пинакль" не был деревянным, так как в перечне ветхостей на кровле Архиерейского дома он не упоминается (см. надписи к чертежу Ар-371 в ЯМЗ)

36. В январе 1693 г. Г.Л. Мазухин участвовал в торгах на постройку Успенского собора в Рязани (Л.А. Тельтевский. Зодчий Бухвостов. М., 1960. С. 31, 137). После неудачи на торгах имя Г.Л. Мазухина в рязанских архивных документах конца XVII века больше не встречается: мастер уехал, по всей вероятности, в Кострому.

37. См. западный фасад Ильинской церкви в Суботове, 1653 г.

38. См. надпись на надгробии игумена Герасима в подклете собора Костромского Богоявленского монастыря: "Лета 7181 (1672) ноября в 20 день преставился раб божий обители сея настоятель игумен Герасим, киевлянин, на память преподобнаго отца нашего Григория Декаполита".

39. ГАКО, ф. 558, оп. 2, ед. хр. 561, л. 35 об; ед. хр. 563, л. 76.

40. ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 1, ед. хр. 209, л. 1.

Особенности архитектурно-конструктивного решения церкви Рождества Христова на Городище в Костроме

Церковь Рождества Христова на Городище можно считать первым посадским храмом, построенным в костромском Поволжье во второй половине XVII века. Вплоть до недавно опубликованных работ о Костроме и ее художественных памятниках XVI-XIX вв. эту церковь неправильно называли “Ильинской”, а строительство ее необоснованно относили к XVI в. или же датировали 1683 г.¹ Тем большее значение приобретают новые данные об одном из интереснейших памятников костромского культового зодчества XVII в. Необходимо отметить при этом, что церковь Рождества Христова на Городище в течение длительного времени не подвергалась всестороннему натурному исследованию.

Лишь сравнительно недавно, после проведения такого исследования с использованием ранее неизвестных архивных документов, появилась возможность воспроизвести первоначальные архитектурные формы Рождественской церкви и установить ее место в ряду других костромских храмовых построек XVII в. В связи с этим из многих характерных черт, определяющих облик Рождественской церкви, необходимо выделить наиболее главные и прежде всего такие, которые характеризуют типологическую структуру этого архитектурного сооружения, своеобразие его покрытия и его преемственность от местных памятников первой половины XVII в. В первую очередь это касается архитектурно-конструктивных особенностей храма.

В архивных документах каменная церковь Рождества Христова на Городище за рекой Волгой впервые упоминается в 1663 г.: “...село, что была дер. Городища, а в нем церковь каменная во имя Рождества Христова с приделы и со всяким церковным строением строение вотчинниково”². В середине XVII в. село Городище с церковным погостом, расположенное за Волгой на-

против города Костромы, принадлежало стольнику Г.И. Морозову. В 1662 г. после его смерти оно было унаследовано вдовой покойного — Ф.П. Морозовой (в девичестве Соковниной), авторитет которой среди раскольников и у самого протопопа Аввакума был непререкаем³. Боярыня Ф.П. Морозова в ночь на 16 ноября 1671 г. была взята под стражу, после чего ее костромские вотчины (села Минское и Городище) стали дворцовыми поместьями⁴. В составленной при этом описи упомянута в селе Городище "...церковь каменная о пяти главах во имя Рождества Христова... а в церкви образы местные и деисусы, да на колокольне три колокола — строение Глеба Ив. Морозова и сына его Ивана..."⁵.

В 1677-1678 гг. село Городище перешло к окольному И.Б. Хитрову, благодаря которому в церкви Рождества Христова и ее Феодосьевском приделе появились новые "образы честные и деисусы царские двери"⁶. В 1702 г. церковь освящалась вновь и именовалась как "новопостроенная"⁷. Можно предположить, что именно к этому времени в значительной мере изменился ее первоначальный облик — был разобран северный придел "Феодосии девицы", над четвериком устроено четырехскатное покрытие, перестроена паперть, ранее закрывавшая на половину высоты южный фасад памятника. Возможно, вскоре была перестроена и колокольня, увенчанная ныне существующим покрытием типа "восьмерик на четверике"⁸. В начале XIX в. церковь была уже одноглавой и только с одним приделом⁹(1).

Архитектурные обмеры памятника были выполнены в 1969 г. студентами Московского архитектурного института (обмерные чертежи хранятся в архиве Костромской СНРПМ). В настоящее время церковь Рождества Христова на Городище представляет собой двухстолпный одноглавый трехапсидный храм с четырехскатным покрытием. К юго-восточному углу четверика примыкает одноглавый придел Ильи Пророка, не имеющий алтарного выступа и перекрытый глухим сомкнутым сводом. К южному фасаду пристроена сводчатая паперть, первоначальные формы которой сильно искажены позднейшими перестройками. Продольную ось

здания акцентирует двухъярусная колокольня, соединенная с церковью низким притвором.

Вероятно, по аналогии с другими костромскими двухстолпными храмами первой половины XVII в. (например, с посадской церковью Троицы), имеющими двухстолпную схему, в церкви Рождества Христова смещена порталная ось боковых фасадов четверика к востоку, вследствие чего боковые порталы оказались недалеко от апсид. Одновременно оба столпа-пилона несколько отодвинуты на запад. Этими простыми композиционными приемами было увеличено подкупольное пространство в восточной части церкви, что было весьма существенно при ее небольших габаритах. Из-за тесноты интерьера, рассчитанного на малочисленный сельский приход, пришлось впоследствии (скорее всего в конце XVIII в.) стесать внутренние стороны опорных столпов-пилонов. Поэтому в настоящее время подкупольные столпы имеют переменное сечение — квадратное сверху и прямоугольное внизу. Многоступенчатые импосты у столпов сохранились в первоначальном виде. Входы в храм выделены на его боковых фасадах разнотипными кирпичными порталами.

Натурное исследование сложного перекрытия здания показало, что в XVII в. церковь действительно была пятиглавой, причем световым был только центральный барабан, установленный над подкупольными столпами и восточной стеной четверика. Отверстие в своде было квадратным. Свод опирался на перекинутую между столпами сильно пониженную подпружную арку и на тромпы, представляющие собой нависающие друг над другом горизонтальные ряды кирпичной кладки и также передающие распор от барабана на перекинутые от столпов к стенам подпружные арки.

Следует отметить, что такое решение для церкви Рождества на Городище не является единичным. Так, при исследовании колокольни было обнаружено, что переход ее четверика в восьмерик отмечен изнутри границей кирпичной кладки XVII и XVIII вв. Это сопряжение двух одновременных архитектурных объемов осуществлено при помощи сходственного конструктивного приема, а именно, путем устройства на переходе углов четверика в диаго-

нальные стены восьмерика нависающих один над другим и проходящих параллельно друг другу рядов кирпичной кладки, образующих ступенчатый треугольник.

Возвращаясь к рассмотрению основного объема храма, отметим, что переход от центрального барабана к восточной стене был решен в виде трехступенчатых арок. Нижняя из них служила перекрытием глубокого тайника, устроенного за иконостасом в толще восточной стены. Аналогичный по конструкции "тайник" с двухступенчатым арочным перекрытием имелся и в восточной стене посадской церкви Троицы в Костроме (ок. 1645 г.).

Конструктивная жесткость перекрытия подкупольного пространства основного объема храма была усилена конусовидным суживающимся кверху световым барабаном и периметральными железными связями брускового типа, которые закреплялись анкерами, углубленными в кладку стен. На участках коробовых сводов, где находились два глухих барабана, применена конструкция повышенных многоступенчатых арок с распалубками, расположенных в зеркальной симметрии параллельно оси здания. Ниже их в восточной стене четверика устроены арочные тайники (углубления).

Узкий западный поперечный неф, отделенный от подкупольного пространства столпами, достаточно хорошо освещен пятью окнами. Он перекрыт тремя коробовыми сводами с распалубками, расположенными чуть выше подкупольных подпружных арок. В кирпичную кладку верхних участков стен вставлено большое количество глиняных горшков-голосников.

В 1968 г. были обнаружены остатки декоративной закомары, примыкавшей к центральному световому барабану, в граненом основании которого хорошо сохранились кокошники, схожие по рисунку с кокошниками фасадов. Это позволяет высказать предположение, что первоначально (до перестройки) в композицию верхней части церкви входили декоративные закомары, которым в перекрытии соответствовали коробовые своды и система многоступенчатых подпружных арок. На одном уровне с этими закомарами, а также выше их располагались, по всей вероятности, килевидные кокошники, оформлявшие постаменты

барабанов пятиглавия. Возможно, что для такого решения образцом служила костромская посадская церковь Воскресения на Нижней Дебре.

Декоративное убранство церкви было выдержано в традициях костромского культового зодчества первой половины и середины XVII в. Например, по аналогии с собором Спасо-Геннадьева монастыря (1644-1647 гг.) аркатурно-колончатый пояс на фасадах церкви Рождества Христова проходит на уровне окон почти по всему периметру четверика и состоит из тонких плоских валиков с килевидными разводами. Между апсидами и в наличнике восточного окна Ильинского придела видна пятигранная колонка, впервые примененная еще в Троицком соборе Ипатьевского монастыря (1650-1652 гг.)

Форма оконных проемов церкви также несколько архаична. Окна лишены наличников, имеют двухсторонний "рассвет" с арочной перемычкой, выступающей четвертью и нависающей полочкой; распалубки над окнами отсутствуют. На расположении окон (два окна на каждом из боковых фасадов и три окна на западном фасаде), чувствуется влияние Преображенского собора Спасо-Геннадьева монастыря и Вознесенской церкви на Верхней Дебре (около 1654 г.). Наличники окон апсид и фриз четверика из квадратных нишек с каплеобразными углублениями выполнены так же, как и у церкви Воскресения на Нижней Дебре.

Объемно-пространственная композиция церкви Рождества Христова, повторяющая построение костромской посадской церкви Троицы (с далеко выступающими на восток тремя апсидами), была, однако, усложнена двумя приделами, из которых северный (Феодосьевский) не сохранился. Вместе с тем нельзя сказать, что все в церкви Рождества Христова было скопировано с других культовых построек первой половины и середины XVII в. Так, следует отметить, что так называемое щипцовое двускатное покрытие Ильинского придела имеет сходство с покрытием придела Михаила Малеина Троицкого собора Ипатьевского монастыря (вторая половина XVII в.), состоящим из трех сопряженных друг с другом пологих щипцов-фронтонов. Однако не исключено, что Ильинский придел был построен раньше придела Михаила Ма-

леина и послужил для последнего своеобразным архитектурным прототипом. Между обоими приделами имеется ряд сходных черт (отсутствие апсидальных выступов, использование глухих вторично сомкнутых сводов в перекрытии, зубчиковый пояс с полочкой в карнизе фасадов, одинаковая трактовка барабанов и т.д.).

Затем, нужно подчеркнуть, что в церкви Рождества Христова применены два новых вида оконных наличников, которые в значительной степени индивидуализируют ее архитектурно-художественный образ. Один вид наличников (у окон нижнего яруса колокольни) — крестообразный, так называемый тяговый в виде простой рамки — использован в 1685-1688 гг. для декора колокольни Спасской церкви за Волгой и других культовых зданий. Наличник другого вида — у южного окна Ильинского придела — представляется нам уникальным.

Он состоит из двух полуколонок по сторонам окна, упирающихся в сложнопрофилированный раскрепованный карниз. Карниз увенчан двумя маленькими фронтонами, фланкирующими многоступенчатый четырехлопастный кокошник. Трехчастная композиция верха наличника образует единое декоративное целое. Насколько нам известно, такие наличники в других костромских зданиях и сооружениях XVII в. не встречаются.

Результаты исследования церкви Рождества Христова на Городище в Костроме позволяют сделать ряд выводов:

— до специального изучения вопроса о связи строительства данного памятника с женитьбой Г.И. Морозова на Ф.П. Соковниной в 1648-1654 гг.¹⁰ его можно датировать около 1663 г.;

— двухстолпная конструкция церкви характерна для костромского культового зодчества XVII в.¹¹ Историко-архитектурная ценность церкви Рождества Христова заключается в том, что в ней в наибольшей степени сконцентрированы отличительные особенности так называемой костромской двухстолпной храмовой схемы;

— на архитектурные формы памятника оказало влияние то, что церковь была построена в переходное время в художественной жизни Костромы XVII столетия. С одной стороны, было значительное влияние местного храмового строительства первой по-

ловины XVII в., с другой стороны — налицо появление новых элементов (Ильинский придел);

— реконструкция церкви Рождества Христова должна быть осуществлена с учетом специфики ее позакомарного покрытия, следы которого сохранились. В противном случае оптимальной датой постройки церкви придется считать 1702 г.;

— два оконных проема нижнего света у северного фасада четверика должны быть заложены, так как они пробиты, очевидно, уже в XIX веке.

Воспроизвести первоначальные архитектурные формы Рождественской церкви и уточнить ее место среди костромских культовых зданий XVII века позволит продолжение тщательных натуральных обследований этого памятника и изучение архивных документов.

1. В. Иванов. Кострома. М., 1970. С. 103; А.Л. Мартынова. Кострома. М., 1970. Б/с; В.Н. Бочков, К.Г. Тороп. Кострома: Путеводитель. Ярославль, 1970. С. 186; К.Г. Тороп. Кострома. М., 1974. С. 7, 135; Ф. Кудрявцев. Золотое кольцо. Л., 1974. С. 107.

2. В. Холмогоров, Г. Холмогоров. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии XV-XVIII вв. Вып. 5. Костромская и Плесская десятины. М., 1912. С. 41.

3. П.С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе и XVII веке. СПб., 1898. С. 10.

4. В. Холмогоров, Г. Холмогоров. Указ. соч. С. 41, 62.

5. Там же, с. 41.

6. Там же, с. 37, 41, 62.

7. Г. Холмогоров. Материалы для истории Костромской епархии. Вып. 4. Костромская десятина жилых данных церквей 1628-1710 и 1742-1746 гг. Кострома, 1908. С. 257.

8. ЦГАДА, ф. Сената, кн. 483/4054, л. 212.

9. Отдел рукописных и книжных фондов Костромского историко-архитектурного музея-заповедника, № 685, л. 1. См. также прорисы с натурального рисунка Г.Г. Чернецова 1838 года, хранящуюся в рукописном архиве ЛОИА АН СССР, Р-1, арх. № 336, л. 5.

10. А.И. Мазунин. Из комментария к повести о боярыне Морозовой // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский дом). Т. XXIV. Л., 1969. С. 237.

11. ИАК. Вып. 31. СПб., 1909, С. 121, № 112.

Малоизвестный памятник древнерусского зодчества XVII века

На юго-восточном краю села Ликурги Буйского района хорошо сохранился до наших дней интересный архитектурный ансамбль XVII в., включающий два храма, усыпальницу бывших владельцев села и ограду со Святыми воротами.

О самом селе мы получаем некоторые сведения из опубликованной в 1833 г. статьи местного историка М.Я. Диева "О селе Ликурге"¹. Используя документальные первоисточники, М.Д. Диев писал: "Вместе с соседнею Шачебольскою волостью, "Ликурга" составляла в XV веке удельную собственность князей Галичских... Когда и при каких обстоятельствах это великокняжеское имение перешло в собственность частных лиц, неизвестно. Впрочем, митрополиты всероссийские в XV веке имели уже в Ликургской волости свои вотчины в селах: Георгиевском (что на Старом, ныне Солигаличского уезда) и Благовещенском, что в Унороже"². До XVI в. Ликургу-волость в разное время описывали писцы Михаила Волинский, Третьяк Долматов и Горяин Кулещин³, но переписных книг того времени по Ликурге не сохранилось. О судьбе села в XVI столетии известно также очень мало. В 1536 г. Ликурга вместе с соседними волостями и станами — Корегой, Андобой, Шачеболом и др — была челом царю Ивану Грозному и просила устроить в тех местах "городок-крепость". Можно с уверенностью предполагать, что до основания в 1536 году города Буя село Ликурга было самым крупным в этих краях.

С начала XVII и вплоть до середины XVIII вв. Ликурга была родовой вотчиной дворян Готовцевых, род которых восходит еще ко времени вел. кн. Василия Темного. После смерти в 1725 г. владельца села стольника Семена Васильевича Готовцева заказчика архитектурного ансамбля в Ликурге село перешло в собственность княжеского рода Нарышкиных, один из которых (Павел Петрович Нарышкин) известен нам из записи в синодике церкви Троицы, писанном Михайло Ушковым в 1783 г.

Название села — Ликурга — сравнительно недавнее. Раньше село называлось Троицкое, “Тригорьевское тож”. Лишь в 1775 г. при новом административном делении областей оно получило свое нынешнее название, сохранив таким образом за собою старинное название Ликургской волости.

Троицкая церковь в с. Ликурге почти не привлекала внимания советских исследователей древнерусской архитектуры. Историческое описание памятника впервые было сделано членом Костромской и Рязанской губернских ученых архивных комиссий В.А. Самаряновым в 1871 и 1875 гг. В дальнейшем памятник не раз упоминался в краеведческой литературе, но опять-таки оставался вне поля зрения исследователей-специалистов. Трудность изучения архитектурного ансамбля в с. Ликурге усугублялась еще и тем, что оказался утраченным архив церкви. Между тем, центральное сооружение ансамбля — церковь Троицы — заслуживает не только упоминания в истории древнерусского зодчества, но и специального изучения.

Текстовой состав надгробных надписей, сохранившихся в родовой усыпальнице владельцев села, а также ряд других указаний, позволяют нам с полной определенностью говорить о том, что до постройки каменной Троицкой церкви в начале XVII в. в селе уже была деревянная церковь⁴. Она была срублена, по всей вероятности, еще в XVI в. Под 1653 г. в Ликурге упоминается погост Георгиевский, деревянные храмы которого уже имели разную образную церковную утварь.

Общепринятая датировка каменной Троицкой церкви и связанного с нею архитектурного ансамбля 1685 г. требует уточнения. Как повествовала несохранившаяся надпись, помещенная в клейме цоколя иконостаса церкви против правого клироса, храм был построен в 1685 г. на средства стольника С.В. Готовцева. Если принять во внимание, что иконостас вместе с мемориальной записью в его цоколе был устроен в 1721 г., когда был еще жив строитель этого храма С.В. Готовцев (скончался в 1725 г.), то сомневаться в истинности содержания этой надписи как будто нет оснований. Тем не менее, сооружение слагаемых ансамбля церкви Троицы, теплого храма Михаила Архангела, усыпальни-

цы, ограды протяженностью около 400 метров и Святых ворот — не могло быть осуществлено за один строительный сезон. Как показали натурные исследования архитектурного комплекса, строительство одной только каменной Троицкой церкви было проведено за несколько строительных сезонов. Сначала был возведен четверик храма с приделами. Затем приступили к строительству колокольни. Что касается трапезной, папертей у приделов и усыпальницы Готовцевых, то их постройку можно отнести уже к концу XVII в. Все эти каменностроительные работы были выполнены по крайней мере в 2-3 строительных приема на протяжении 10-15 лет. Видимо, на 1685 г. падает освящение церкви, а возведение ее слагаемых было начато в самом начале 1680-х, если не в конце 1670-х гг. В пользу более ранней датировки Троицкого храма говорит и надпись на одном из напрестольных серебряных крестов, хранившемся в 1870-х гг. в Троицкой церкви: "...положен лета 7192 (1684) в церковь каменную во имя св. Троицы стольником Семеном Васильевичем Готовцевым, что построил церковь он же Семен по обещанию своему в Галичском уезде, в Ликургской волости, в вотчине своей в сельце Троицком, а Григорьевское тож"⁵. Таким образом, датировка Троицкой церкви может быть уточнена: храм был построен, по всей вероятности, около 1684 г.

В 1721 году в Троицкой церкви местными резчиками по дереву был построен за 500 рублей новый пятиярусный иконостас, в который были поставлены древние иконы из обветшавшего тяблового иконостаса XVII в. Иконы отделялись друг от друга резными колонками, обвитыми побегами виноградной лозы с гроздьями ягод. В тот же 1721 г. внутри храма, ниже окон верхнего света, были устроены резные, деревянные, покрытые живописью изображения херувимов, которые непрерывным поясом проходили по периметру четверика и кончались около краев иконостаса (эта декоративная резьба не сохранилась). Большие ремонтно-строительные работы велись в Ликурге в первой половине XIX в. В 1830-х гг. рухнувшая шатровая колокольня Троицкой церкви была вновь наращена на 3 яруса, в соответствии с художественными вкусами того времени. При этом высота прежней колоколь-

ни была, возможно, повторена. Тогда же подвергся ремонту интерьер северного придела. В 1868 г. последовало изменение названия южного придела: из придела в честь Михаила Архангела он был освящен 30 ноября 1868 г. в придел Рождества Христова. На середину XIX века приходится и растеска оконных проемов в абсидах и трапезной. С 5 июля 1884 года по 7 марта 1885 г. строителем при Троицкой церкви в Ликурге назначается крестьянин селца Белозеро Василий Сергеев, “в строительной части опытный”⁶. Может быть, ему памятник “обязан” закладкой папертей приделов? Ныне существующие живописные клейма в интерьере Троицкой церкви исполнены в 1899 г.⁷ В 1915 г. шпиль на колокольне и кресты на главах церкви были обиты алюминием⁸. Несмотря на все эти изменения, первоначальный вид Троицкой церкви к настоящему времени мало изменился, ибо все крупные ремонты и перестройки брал на себя рядом стоявший зимний храм Михаила Архангела.

Храм Троицы в Ликурге принадлежит к достаточно распространенному в костромском залестье типу т.н. “трапезных” церквей. Известно, что тип бесстолпного, пятиглавого, одно- или трехабсидного храма, с симметрично расположенными приделами или без них, с трапезной с запада и с колокольней на торце этой трапезной сложился в Москве и в Подмосковье в 1630-1640-х гг. Там он представлен такими первоклассными архитектурными сооружениями, как церковь Николы в Пыжах (1647), Успения в Гончарах (1654) и др. Такой тип храма отвечал сложившимся к тому времени художественным вкусам посадского населения, был рационален и в меру наряден. Во второй половине XVII в. он стал популярен и на северо-востоке Русского государства, в епархиях Владимирской, Суздальской, Ярославской, Вологодской и Костромской.

Троицкая церковь в с. Ликурге представляет собой бесстолпный, пятиглавый, одноабсидный, приходского типа храм с двумя приделами. С запада к четверику примыкает трапезная, точно на торце которой поставлена колокольня. Квадрат плана четверика перекрыт сомкнутым сводом с небольшой шельгой. Распор лотков сомкнутого свода с венчающей его пирамидой кокошников и

пятиглавием принимают на себя сравнительно толстые стены церковного здания. Лопатки на фасадах храма отсутствуют — на углах четверика их заменяют собранные в пучок полуколонки. Рецидивом лопаток можно считать раскреповки на венчающем фасады орнаментальном поясе, выложенном из лекального кирпича. Карниз пояса многообломный. Окна верхнего света обрамлены наличниками простых, но выразительных по исполнению архитектурных форм. (Оконные проемы растесаны, причем у окон нижнего света наружное декоративное убранство уничтожено вовсе). В храм вводят три богатых по каменной декоративной “рези” неглубоких портала с килевидным завершением в верхнем ряду архивольта. Абсида храма имеет большой вынос и воспринимается как мощный контрфорс к центральному кубу церковного здания. Архитектурный декор центральной и двух придельных абсид тождественен: это наличники окон с трехлопастным килевидным завершением, ленты кирпича-поребрика в обрамлении валиковых тяг и трехобломный карниз под кровлей. В пазухах абсид выложены полуколонки с валиковыми жгутиками-перехватами.

В церкви подчеркнута ее венчающая часть, составляющая почти половину от общей высоты храма. Лейтмотивом архитектурных форм, употребленных в наружном декоративном убранстве здания, может считаться их вертикальная направленность, выраженная посредством “пучка” полуколонок на углах четверика и в трехлопастном завершении наличников у окон с килевидной средней частью. Венчающий фасады храма широкий орнаментальный пояс и сложнопрофилированный нависающий карниз “вспарушены” лопаткообразными выступами, расположенными в непосредственной близости от наличников верхнего ряда окон. Выше орнаментального пояса вертикализм архитектурных линий развивается более свободно, достигая кульминации в центральном барабане пятиглавия.

Композиция верха памятника особенно впечатляюща. Два яруса сложно профилированных полуциркульных кокошников, выложенных по своду друг над другом и последовательно отступающих к центральной вертикальной оси сооружения, подводят нас

к восприятию килевидных кокошников, стелящихся вокруг пьедесталов барабанов. Одухотворенность архитектурного образа памятника и его устремленность ввысь достигнуты здесь четким ритмом кратного убывания по ярусам числа декоративных кокошников (4:2:1), а также сильно вытянутыми пропорциями барабанов глав. Тесно поставленное пятиглавие, где каждая глава как бы “чувствует” присутствие соседних, древние ажурные кресты хорошей кузнечной работы с паутиной цепей придают силуэту храма в его венчающей части редкую невесомость, хрупкость и графическое изящество. Нижняя часть тела центрального барабана скруглена зодчим таким образом, что кажется, будто центральный барабан парит в воздухе. Просветы между барабанами еще более утоняют их, создавая иллюзию невесомости верха здания. Декоративные кокошники, общее число которых вместе с приделами достигает 56-ти, доводят праздничную декоративность венчания храма до настоящей экзальтации.

Большой интерес представляют диагональные угловые кокошники второго яруса. Прием их употребления в решении композиции верха древнерусского храма не может считаться редким. Угловые кокошники часто употреблялись, например, в белокаменном культовом зодчестве великокняжеской Москвы XIV-XV вв. (Успенский собор “на Городке” в Звенигороде, ок. 1400 г.; Рождественский собор Саввино-Сторожевского монастыря, 1407 г.; собор Троице-Сергиева монастыря, 1422 г. и др.). В несколько трансформированном виде этот прием встречается и в XVI в. Его употребление в каменном зодчестве XVII в. является уже частым. В какой-то мере он свидетельствует “...о действительной связи замыслов зодчих XVII столетия непосредственно с “образцами” раннемосковской поры”⁹⁹.

В XIV-XV вв. этот архитектурный прием был целиком оправдан конструктивно, в то время как в XVII столетии он превратился уже в декоративную деталь, в своем назначении полярно разошедшись со своим прототипом. Впервые в XVII в. угловой диагональный кокошник встречается в композиции верха Казанского собора, что на Красной площади в Москве (1624-1636 гг.). Находясь во втором ярусе, он повернут по отношению к соседним на 45 .

В ликургском памятнике угловой кокошник второго яруса сохраняет это свойство, но получает излом под углом в 120° — явление очень редкое в древнерусском; монументальном строительстве. Причины его появления следует искать в том большом влиянии, которое начало оказывать в XVII в. деревянное зодчество на каменное. Благодаря излому узлового кокошника под углом в 120° создается большая, сравнительно с другими храмами, собранность и компактность верха здания. Одновременно с этим, применение излома диагонального кокошника под тупым углом создает впечатление непрерывности ленты кокошников, опоясывающих верх здания по всему его периметру.

На такой эксперимент мог пойти только зодчий, обладающий большим строительным опытом, виртуозно владеющий строительным материалом и системой пропорционирования. Аналогии здесь крайне редки. Это — Никольская церковь в г. Солигаличе (1688), имевшая излом углового кокошника в первом ярусе под углом в 45° и церковь Богоявления в Ярославле, построенная "...в самые последние годы XVII в."¹⁰ Прецеденты ранее 1684 г. (времени постройки Троицкой церкви в Ликургах) почти неизвестны.

Если куб южного придела храма сохранился без существенных изменений, то интерьер северного Казанского придела подвергнулся перестройке. Оба придела невелики. Они крыты на четыре ската и увенчаны изящными глухими барабанами—"шеями" с четырьмя миниатюрными килевидными кокошниками. К приделам с запада примыкают некогда открытые паперти, соединяющиеся с главным храмом нарядными порталами. Абсиды приделов сохраняют свой большой вынос. Их боковые окна преднамеренно смещены к востоку с тем, чтобы достичь желаемого освещения интерьера. Архитектурный декор обоих приделов одинаков и согласован с декоративной отделкой главного храма: это те же полуколонки на углах, скосы стен, таких же форм наличники окон, ленты кирпича-поребрика, ширинки, полукруглые мелкие кокошники под скатами кровли и квадратные нишки, оставшиеся от первоначальных лесов. Когда-то открытые арочные проемы папертей (они подчеркнуты строчками кирпича-поребрика) помо-

гали достичь желаемую гармонию между архитектурой храма и окружающей его местностью.

Выложенная заподлицо со стенами четверика трапезная церк-ви перекрыта зеркальным сводом и венчается двускатной кров-лей. Декор трапезной лаконичен: стены завершает пояс поребри-ка, на углах выложены пучки полуколонок. Окна трапезной чуть сдвинуты к востоку. Они обрамлены наличниками из точеных столбиков-колонок, перехваченных посередине дынькой. Растес-ка западных окон обоих фасадов трапезной произошла, по всей вероятности, одновременно с чинками в других частях храма. Тогда же была заложена восточная пара окон, а их наличники из лекального кирпича были срублены. Интерьеры трапезной и чет-верика церкви объединены широким арочным проемом, чем до-стигнуто органическое единство этих двух помещений.

В северо-западном углу трапезной (снаружи, неподалеку от северной стены колокольни) на небольшой высоте имеется ароч-ный дверной проем, выходящий сейчас в пустоту. Назначение его не совсем понятно. Известно, что проход к звону осуществлялся в XVII в. через толщу одной из стен колокольни, где размещались лестничные марши, подводившие непосредственно к колоколам. Надо полагать, при капитальной перестройке шатровой колоколь-ни церкви Троицы в 1830 г. эта конструктивная и композицион-ная особенность зодчества XVII в. не была сохранена. Одновре-менно с этим строители новой колокольни не решились поста-вить у ее северо-восточного угла колонну, подобную той, которая стоит у юго-восточного угла, хотя надобность в ней и была вели-ка. Отсутствие здесь колонны говорит за то, что вход на колоколь-ню после ее перестройки был устроен снаружи, по деревянной лестнице-всходу. Установка здесь колонны мешала бы попадать к звону.

Архитектурные формы колокольни начала XIX в. лишь прикры-ли четверик и восьмерик колокольни XVII столетия. Это ясно видно в нижней части, где колонны тосканского ордера лишь, прислонены к древнему объему. Интересно отметить, что строи-тель повторил здесь тот мотив пучка полуколонок, который объе-диняет общностью стиля все сооружения архитектурного ансам-

бля в Ликиурге. Существующая колокольня отличается хорошими пропорциями, ясно выраженной ярусностью и подчеркнутым вертикализмом своих форм.

Церковь Троицы является своеобразной архитектурной доминантой окружающей ее местности. Живописен силуэт памятника. На фоне безбрежных далей, полей, оврагов и лесных чащ храм как бы парит в воздухе, значительно обогащая окружающий его величественный пейзаж. Памятник масштабен и соразмерен с человеком, пленителен чистотой своих линий и пропорций, по-настоящему поэтичен.

Троицкая церковь является центральной, но далеко не единственной постройкой архитектурного ансамбля в Ликиурге. Рядом с нею стоит еще одна церковь, “теплая”, во имя Архангела Михаила, построенная, по всей вероятности, в середине XVIII в. Постройкой этого храма, в котором происходила служба в холодное время года, был отмечен переход села Ликиурги в собственность княжеского рода Нарышкиных.

Между Троицкой церковью и храмом Михаила Архангела расположена каменная родовая усыпальница бывших владельцев села — бояр Готовцевых. По своим архаическим формам усыпальница стилистически примыкает к зодчеству первой половины XVII в., а ее скромные размеры не лишены монументальности. Квадратная в плане ограда погоста и Святые ворота на западной стороне ограды обладают целым рядом неоспоримых художественных достоинств. Завершение угловых башен ограды было конусовидным. Этим приемом зодчий достигает созвучности внешнего облика ограды с общим строем вертикальных форм церкви Троицы, что приводит к еще большей целостности композиции всего ансамбля.

Творческий замысел этого ансамбля принадлежал, несомненно, одному зодчему. Очень возможно, что мастер следовал уже сложившемуся до него пространственному расположению деревянных построек погоста. Если допустить, что автор Троицкой церкви приехал в Ликиургу из Костромы или из Солигалича, то созданный им памятник принадлежит все же московской архитектурной школе XVII столетия. Стилистические особенности

памятника, обусловленные местом, традицией и временем, ничего не меняют в его художественной атрибуции. Строителем храма не мог быть ярославский мастер.

В соседнем с Костромою Ярославле и его посадах трапезные храмы начали строить лишь с конца XVII в., когда особенно явно стало чувствоваться влияние Москвы на ярославское монументальное строительство. Таковы дошедшие до нас церковь Николы Рубленого над Медведицким оврагом (1695) и церковь Рождества Богородицы (1720). Композиция верха Богоявленской церкви в Ярославле (1693) была наиболее близкой венчанию храма в Ликургах, а "...строитель Богоявления не был ярославцем. Его вкус воспитывался на московских образцах"¹¹. Гораздо больше аналогий у ликургского храма с такими памятниками, как Воскресенская (1663-1669) и Богоявленская (1679-1681) церкви Воскресенского монастыря и церковь Николы "на наволоке" (1686-1688) в г. Солигаличе. Сближению этих трех храмов с церковью в селе Ликурге способствуют общность их объемно-пространственного решения, близость их декоративного убранства, сходность конструктивного решения и последовательная хронология в их строительстве. Нам известны имена "подмастерьев", строивших в это время в Солигаличе. Это "...Соли ж Галицкой посадской человек Давид Гавриилов сын Антоновской", построивший в 1681 г. Богоявленскую церковь Воскресенского монастыря¹². Его отец "Гавриила Антипьев сын Антоновской" 12-ю годами раньше сложил соседнюю соборную Воскресенскую церковь¹³.

Храм в Ликурге строил, несомненно, свой местный мастер, возможно, даже из солигаличских каменщиков, но по московским образцам. Известно, что владелец села С.В. Готовцев с 1676 по 1693 гг. был воеводой в посаде Большие Соли, причисленном тогда еще к Костроме. Он, наверное, хорошо был знаком если не со всеми, то с некоторыми из каменных зданий, построенных костромскими мастерами в Москве. Не лишено оснований предположение, что в своей родовой вотчине, в "сельце" Ликурге, С.В. Готовцев заказал строительство каменного храма кому то из солигаличских "каменных дел подмастерьев", указав при этом на конкретный московский прототип¹⁴.

Кто бы ни был мастер Троицкой церкви и всего ансамбля в целом, уже сейчас можно сказать, что это была незаурядная творческая личность. Безвестным зодчим был создан настоящий шедевр, во многом повлиявший на каменное строительство в Ярославле (церковь Богоявления, 1693 г.), Солигаличе (церковь Николая "на наволоке", 1688 г.) и Чухломе (Преображенский собор начала XVIII в.).

1. М. Диев. О селе Ликурге // Труды и Летописи Общества Истории и Древностей Российских, учрежденного при императорском Московском университете. Ч. VI. М., 1833. С. 124-130. С небольшими сокращениями эта статья была перепечатана в сборнике "Старинные волости и станы в Костромской стороне" (с предисл. А.А. Титова, М., 1909).

2. См. В.А. Самарянов. Троицкая церковь, что в Ликурге Костромской губернии, в Буйском уезде. Ее история, достопримечательности и находящиеся при ней надгробные надписи // Труды Первого Археологического съезда в Москве 1869. Т. II. М., 1871. С. 425. См. также: В.А. Самарянов. Троицкая церковь, что в Ликурге, Костромской губернии, в Буйском уезде // КГБ, 1875, № 43; ГАКО, ф. 179, оп. 2, ед. хр. 73, л. 24 об.

3. Акты юридические. СПб., 1838. С. 14-16.

4. Г. Холмогоров. Материалы для истории Костромской епархии. Вып. 3. Плесская десятина жилых данных церквей и пустовых церковных земель 1620-1710 и 1722-1746 гг. М., 1902, С. 58.

5. Костромская старина. Вып. 1. Кострома, 1890, С. 45.

6. ГАКО, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 538, лл. 2, 5 об. До работы в с. Ликурге он хорошо зарекомендовал себя постройкой какой-то богадельни близ с. Молвитино Буйского уезда.

7. ГАКО, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 3609, л. 4.

8. ГАКО, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 3609, лл. 2-2 об., 8.

9. Н.Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV вв. Том II (XIII-XV столетия). М., 1962. С. 459.

10. Н.Г. Первухин. Церковь Богоявления в Ярославле. Ярославль. 1916, С. 9.

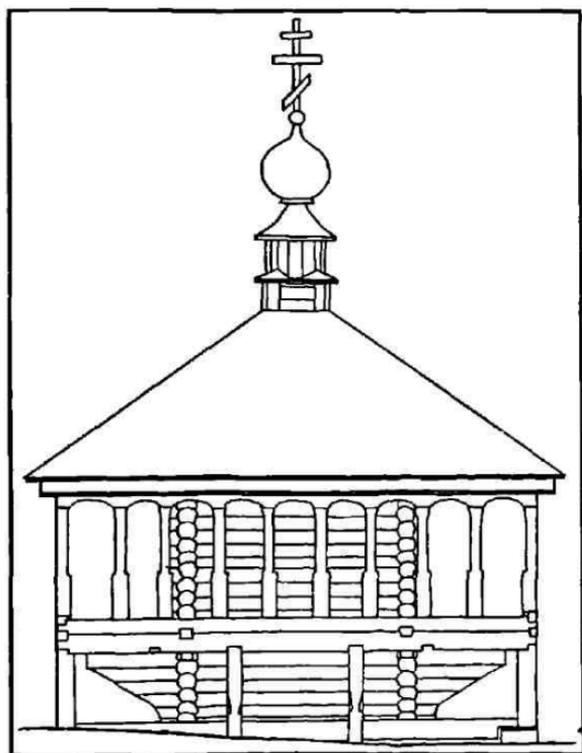
11. Н.Г. Первухин. Указ. соч. С. 13.

12. ГАКО, ф. 130, оп. 12, ед. хр. 302, л. 13-13 об. Он же Д.Г. Антоновской построил в 1682-1685 гг. надвратную каменную Никольскую церковь в Макарьев-Унженском монастыре (ГАКО, ф. 1486, оп. 1, т. 1, ед. хр. 1, л. 698 об.; ед. хр. 3, лл. 249-333 об.; ед. хр. 6, лл. 477-478 об.).

13. ГАКО, ф. 130, оп. 12, ед. хр. 302, л. 12-12 об. Г.А. Антоновского следует считать автором двухстолпной Макарьевской церкви 1670-1675 гг. в том же Макарьев-Унженском монастыре (ГАКО, ф. 1486, оп. 1, т. 1, ед. хр. 3, лл. 167, 174, 364-364 об.).

14. Им могла быть церковь Григория Неокесарийского, что на Б. Полянке, построенная в 1669 г. костромским зодчим Губой и расписанная Гурием Никитиным. Образцом ликургского храма могла быть и московская церковь Сергия, что в Пушкарях (середина XVII в.).

НАРОДНОЕ ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО

О времени постройки церкви Спаса Преображения из с. Спас-Вежи Костромской области

Деревянная церковь Преображения из костромского села Спас-Вежи¹ относится к числу хорошо известных памятников древнерусского зодчества. Она упоминается почти во всех работах о деревянной культовой архитектуре XVII в.² и считается памятником, завершающим развитие клетских храмов в национальном деревянном зодчестве. Этому своеобразному культовому сооружению на сваях посвящены специальные статьи В. Соколова и Б. Гнедовского.³ На основе данных, содержащихся в церковных клировых ведомостях XIX в., исследователи считали, что здание церкви было построено в 1628 г. Эта датировка памятника в последние годы прочно укоренилась в научной и популярной литературе о Костроме и ее архитектурных достопримечательностях⁴.

Между тем ранее неоднократно высказывались сомнения в том, что церковь Спаса-Преображения была возведена в указанном году. Так, например, в церковной метрике, составленной еще в 1887 г.⁵, год постройки этого деревянного здания (1628 г.) сопровождается знаком вопроса⁶. В "Истории русского искусства" под редакцией И.Э. Грабаря церковь в с. Спас-Вежи датирована началом XVIII в.⁷ Однако архивные документы XVII-XVIII вв., которые помогли бы уточнить время постройки деревянной церкви в с. Спас-Вежи, видимо, не были известны исследователям.

Между тем такие документы опубликованы еще в 1908-1912 гг.; мы позволим себе здесь привести лишь некоторые выдержки из них. В одном из документов сообщается, что в 1629-1630 гг. в вотчине московского Чудова монастыря на погосте Вежи на речке Иледомке Мерского стана Костромского уезда стояли "церковь Преображения Господня древяна вверх, да другая церковь теплая с трапезою Зосимы и Савватия соловецких чуд., древяна ж клецки"⁸. В другом документе говорится следующее: "1713 г. сентября 16 запечатан указ о освящении церкви по челобитью Костром. уезда вотчины Чудова монастыря церкви Преображения Господ-

ня погосту Вежи попа Алексея Иванова, велено ему в вышеописанной вотчине на старом погорелом церковном месте новопостроенную церковь Преображения Господня освятить г. Костромы Ипацкого монастыря архимандриту Тихону и антиминс в тою церковь выдать за одно полотно деньги взяты⁹.

Оба эти документа очень интересны. В первом на погосте Вежи упоминаются две деревянные церкви, отличающиеся одна от другой прежде всего формой венчания — “древяна вверх” и “древяна клетки”. Явно, что в первой трети XVII в. в Вежах стояли две деревянные храмовые постройки — холодная шатровая церковь Преображения и теплая клетская церковь Зосимы и Савватия “с трапезою”.

Как видно из второго документа, в начале XVIII в. или же около 1713 г. так называемая холодная шатровая церковь Преображения сгорела¹⁰. Вместо нее “на старом погорелом церковном месте” была вновь срублена (“новопостроенная”) Преображенская церковь, освященная архимандритом Ипатьевского монастыря Тихоном в сентябре 1713 г. По нашему мнению, она представляла собой уже храм клетского типа. Именно эта клетская Спасо-Преображенская церковь 1713 г. и сохранилась, как нам представляется, вплоть до настоящего времени¹¹.

1. Находится в настоящее время на территории Нового города Ипатьевского монастыря в Костроме. Восстановлена в своих первоначальных архитектурных формах в 1950-х годах по проекту арх. Б.В. Гнедовского.

2. См.: С. Забелло, В. Иванов, П. Максимов. Русское деревянное зодчество. М., 1942. С. 40, 58, 63, 68, 74-75; Е. Ащепков. Русское деревянное зодчество. М., 1950. С. 56-58, 61; И.В. Маковецкий. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья. М., 1952. С. 31, 115-116; История русской архитектуры. М., 1956. С. 113; П.Н. Максимов. Деревянная архитектура XVII века // История русского искусства. Т. IV. М., 1959. С. 100-101.

3 В. Соколов. О церкви в селе Спас-Вежи // Костромская старина. Вып. 6. Кострома, 1905. С. 136-143; Б.В. Гнедовский. Клетская Спасо-Преображенская церковь села Спас // Памятники культуры. Исследование и реставрация. Вып. 3. М., 1961. С. 92-109.

4 С. Масленицын. Кострома. Л., 1968. С. 11,15; В. Иванов. Кострома. М., 1970. С. 74; А.Л. Мартынова. Кострома. М., 1970; В.Н. Бочков, К.Г. Тороп. Кострома. Путеводитель. Ярославль, 1970. С. 88; К. Тороп. Па-

мятники архитектуры. Альбом. М., 1974. С. 11; илл. на с. 110; Костромской историко-архитектурный музей-заповедник. Кострома, 1976; и др. См. также: В.Г. Брюсова. Ипатьевский монастырь. Ярославль, 1968. С. 73-74.

5. ЛОИА АН СССР, Р-III, арх. № 2316.

6. См. также: ИАК. Вып. 31. СПб., 1909. С. 118-119.

7. История русского искусства. Т. 1. М., б.г. С. 353.

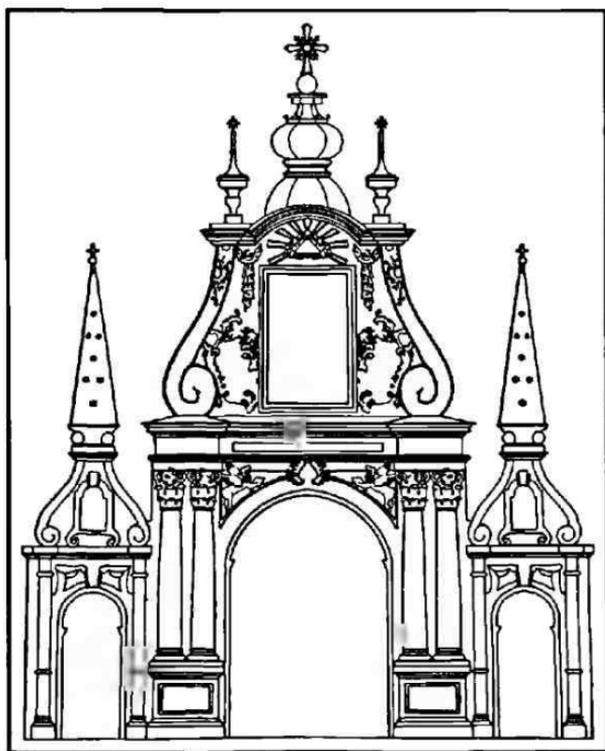
8. В. и Г. Холмогоровы. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии XV-XVIII вв. Вып. 5. Костромская и Плесская десятины. М., 1912. С. 60.

9. Г. Холмогоров. Материалы для истории Костромской епархии. Вып. 4. Костромская десятина жилых данных церквей 1628-1710 и 1722-1746 гг. Кострома, 1908. С. 245.

10. Вместе с нею пожаром могла быть уничтожена и теплая церковь Зосимы и Савватия.

11. См.: Е.В. Кудряшов. Музей деревянного зодчества в Костроме. Ярославль, 1971. С. 6.

БАРОККО И КЛАССИЦИЗМ В АРХИТЕКТУРЕ КОСТРОМСКОГО КРАЯ

Костромской зодчий XVIII в. С.А. Воротилов

Среди костромских зодчих XVII-XVIII вв., много строивших не только у себя на родине, но и по всей России, особое место принадлежит Степану Андреевичу Воротилову (1741-1792) — едва ли не последнему из местных каменного дела мастеров и подрядчиков. С именем этого “преславного художника”, как его называли еще при жизни, связаны крупные достижения в градостроительном искусстве Костромы последней четверти XVIII в., а также целый ряд высоко художественных памятников архитектуры, определяющих в настоящее время своеобразие многих сел и городов Костромской и Ярославской областей.

С.А. Воротилов родился в декабре 1741 г. в костромском посаде Большие Соли (сейчас пос. Некрасовское Ярославской области). По воспоминаниям современников, он “с первых лет жизни своея занимался с родителем своим рыбною ловлею, потом обучившись искусно портному, а после того кузнечному мастерству, вступил в каменную работу и, находясь в подчиненности у подрядчиков, прилежно вникал в свою обязанность. Сам собою научился рисовать и чертить планы. Наконец, около 30-го году жизни своея, по природному влечению, без помощи посторонних учителей и наставников, сам по себе, со вниманием читая геометрию и алгебру, научился Архитектуре, в чем успел и очень усовершенствовал себя на самой практике. Имея 4-х братьев и 2-х сыновей, обучил и их тому же художеству, которые, впрочем, все до такого совершенства дойти не могли. Что же касается до его характера, то он был единственный человек, в своем роде и в целом большесольском обществе отличнейший гражданин... В кругу семейства своего жил как надлежит разумному хозяину, которому все домашние охотно повиновались. Сам себя вел трезво и, прожив всего полвека, 1792-го года в ноябре месяце умер на 51-м году”¹.

Свою творческую деятельность в ранге архитектора-самоучки Воротилов начал приблизительно в 1770-1771 гг. Известно, на-

пример, что в 1770 г. он перестраивал колокольню у церкви Рождества Богородицы (1696-1711) в посаде Большие Соли². Также в 1770 г. Воротиловым был выстроен одноэтажный каменный храм Варвары в городе Нерехте — крупном центре полотняной промышленности Костромского края в XVIII в.³ А в 1771-1772 гг. по проекту Воротилова были построены колокольни у церкви Иоанна Предтечи (конец XVII в.) и у Воскресенского собора (начало XVIII в.) в Больших Солях и колокольня при церкви Благовещения (первая треть XVIII в.) в Нерехте⁴.

После страшного пожара, случившегося в Костроме в 1773 г. и уничтожившего кремль, Новый город с торгом, почти все деревянные церкви и жилые дома на посаде, было решено отстраивать город по-новому, в соответствии с принципами регулярности и “благовидности”. Необходимо было восстановить прежде всего соборный комплекс в местном кремле. Инициатором его реконструкции был, как известно, Симон II Лагов, архиепископ Костромской и Галичский (1769-1778). Подобно многим другим церковным деятелям XVIII в., Симон Лагов отличался любовью к так называемой новой архитектуре⁵. При его “особом попечении”, например, был выстроен в 1774 г. в г. Галиче каменный Преображенский собор с барочным убранством интерьера⁶. После пожара в Костроме Симон Лагов приступил к осуществлению своих строительных замыслов и в костромском кремле — разборке обгоревших каменных зданий Крестовоздвиженского монастыря, возведению нового теплого Богоявленского собора, ремонту старого Успенского собора XVI-XVII вв., строительству “архиерейского подворья” из четырех каменных жилых домов. Особое значение при этом придавалось постройке высокой соборной колокольни, которая выделила бы новый кремль в общей панораме города с Волги.

Строить новый соборный комплекс в Костроме было предложено Воротилову. Выбор пал на него не случайно. Воротилов был, во-первых, хотя и самоучка, но, как о нем отзывались, “совершенно удовлетворительно практикованный архитектор”⁷. Во-вторых, он был мастером, с исключительной добросовестностью выполнявшим все свои подряды⁸. В-третьих, к середине 70-х гг.

XVIII в., когда Воротилов начал работать в Костроме, он уже сформировался, в частности, как некий “колокольностроительный мастер”, пользовавшийся большим уважением и у себя на родине в Больших Солях, и в соседней Нерехте. Колокольни, которые он строил, были разнообразными по виду, но колокольни с пилястрами в отделке, с барочным купольным завершением и многоярусные, несомненно, преобладали в это время в его творчестве⁹. Именно такого типа колокольню он мог построить и в костромском кремле. И в-четвертых, насколько можно судить по его постройкам первой половины 70-х гг. XVIII в., Воротилов был приверженцем стиля барокко в архитектуре, и в этом плане, видимо, он наиболее полно удовлетворял заказчика. 7 ноября 1776 г. с ним был заключен подряд на строительство в кремле теплого Богоявленского собора с колокольней¹⁰.

Многое из того, что было до сих пор известно о Богоявленском соборе — незаурядном памятнике русского провинциального барокко XVIII в., создавало не совсем правильные представления о нем. Дело в том, что на фотографиях собор предстает не в своем первоначальном виде, а после капитальной перестройки в 1866-1868 гг.¹¹ Не могут считаться достаточными и данные, полученные Л.К. Любимовым и С.С. Чижовым во время архитектурно-археологических обмеров памятника в июле-августе 1934 г. (за несколько дней до взрыва собора и после него), так как собор и массивные пристройки к нему 60-х гг. XIX в. рассматривались этими исследователями опять же как единое целое и дифференцированы не были¹². Каким же был собор в XVIII в.?

В 1809 г. столярных и резных дел мастер Константин Яковлев Трубников из посада Большие Соли произвел первые обмеры здания и вычертил по ним чертежи (план и южный фасад собора)¹³. Во второй раз собор был обмерен в 1864 г. (накануне перестройки). На основе этих обмеров губернским архитектором Н.П. Григорьевым был выполнен чертеж северного фасада собора¹⁴. Судя по чертежам 1809 и 1864 гг., а также по описанию собора, содержащемуся в трудах костромских краеведов Я.А. Арсеньева и П.Ф. Островского¹⁵, это был исключительно интересный по своей архитектуре храм. Он был однокупольным, близким к овалу в пла-

не сооружением, с полукруглой абсидой с востока и прямоугольным притвором с запада. С юга и севера у здания имелись выступы-ризалиты, к которым примыкали лестничные входы. К притвору была пристроена с запада очень высокая четырехъярусная колокольня. Храм был четырехстолпный по конструкции, перекрыт системой крестовых сводов на пониженных подпружных арках и поставлен на подклете. Необычайно выразительным было фасадное убранство здания, выполненное в стиле барокко.

Один из мотивов убранства собора — пилястра так называемого большого тосканского ордера на рустованном фоне, выступающем из плоскости стены. Этот мотив проявляет себя как закономерность композиционного порядка, так как используется только в “паузах” стен, т. е. в местах сопряжения прямых и выгнутых фасадных плоскостей: на стыке ризалитов северного и южного фасадов с соседними участками стены, на переходе от этих выгнутых стен к объемам притвора и абсиды, на криволинейных устоях нижнего яруса колокольни, где пилястры сгруппированы в сложные живописные образования.

Другой мотив в убранстве собора — наличники окон. Они кажутся однообразными, так как любой из них составлен из кирпичной рамы с “ушами” и подвесками. Различия между ними мало существенны (лепные изображения херувимов — над окнами верхнего света, замковые камни — над окнами нижнего). Однако по вертикали наличники как бы сцеплены друг с другом, образуя очень цельную декоративную композицию, ритмично повторяющуюся от одной оконной оси к другой.

Интересно и то, что в барочном убранстве храма, как заметил Г.К. Лукомский, “видны уже, хоть слабо выраженные, тенденции к классицизму”⁶. Так, над ризалитами боковых фасадов возвышались фронтоны, входившие в композицию двухпилястровых портиков у входов, а по периметру здания, захватывая нижний ярус колокольни, проходил венчающий карниз, состоявший из широкого фриза с метопами и триглифами и выноса с модульонами. Эти формы в убранстве собора были раннеклассическими. В архитектуре Костромы второй половины XVIII в. они появились впервые, предвещая в ней важные стилистические преобразования. Но

выступают они здесь еще робко, в композиционной связи и по соседству с лепными барочными картушами (в тимпанах фронтонов, над входами в собор через колокольню и в других местах) и с лестничными всходами-крыльцами, по-барочному развернутыми вдоль боковых фасадов здания.

Мощный барабан, возвышавшийся над собором, играл особую роль в объемной композиции здания. Он был воздвигнут на глухом своде, и в нем размещалась соборная библиотека. В библиотеку попадали через винтообразные лестницы в устоях нижнего яруса колокольни и затем, со второго яруса колокольни, по особому помосту с железными перилами на крыше собора. Созданная по инициативе архиепископа Симона II Лагова и соборного протоиерея И.А. Метелкина, библиотека содержала “значительное количество книг на греческом, латинском и прочих языках: богословских, философских, медицинских, исторических, физических, стихотворных, также всех российских писателей лучшие сочинения и путешествия”¹⁷. Библиотека играла, несомненно, очень важную роль в культурной жизни города XVIII-XIX вв. Но интересно здесь и другое: размещение библиотеки в световом барабане над храмом было настолько оригинально само по себе, что этот прием сразу же привлек внимание местных зодчих. Он был повторен, например, при перестройке церкви Георгия (Знаменской) на Дебре в 1799-1802 гг., когда над древним четвериком храма соорудили восьмерик, куда был перемещен придел Прокопия Устюжского. В придел попадали так же, как и в библиотеку над Богоявленским собором, — сначала через колокольню, а затем по специальному помосту на крыше храма¹⁸.

Указать на конкретный архитектурный прототип Богоявленского собора мы затрудняемся. Ясно, однако, что осевая трехчастная композиция здания восходит к древнерусским “трапезным” храмам XVII в., а его четырехстолпная конструкция, система сводчатого перекрытия при пониженных подпружных арках, наличие подклета — к соседнему с ним Успенскому собору XVI-XVII вв. Конструктивная схожесть обоих соборов не может в данном случае считаться неожиданной и случайной. Она естественна и закономерна и потому, что оба здания находились вблизи одно от другого, и потому,

что Воротилов хорошо знал Успенский собор, так как производил его ремонт после пожара 1773 г. Иное дело убранство Богоявленского собора, выдержанное в развитых формах елизаветинского барокко, бывших в то время в Костроме “модными”. В данном случае, очевидно, имело значение местоположение собора, находившегося на территории костромского кремля.

Большой интерес представляет и соборная колокольня, выстроенная также по проекту Воротилова¹⁹. Пробразом для костромской колокольни послужила, конечно, не колокольня Троице-Сергиевой лавры, как считал Г.К. Лукомский²⁰. Вряд ли верно и то, что колокольня, выстроенная Воротиловым, восходит к проекту неосуществленной колокольни Смольного монастыря Ф.Б. Растрелли, известному по чертежам из музея “Альбертина” в Вене и Национальной библиотеки в Варшаве²¹. При сличении костромского памятника с неосуществленным проектом Растрелли 1748 г. между ними устанавливается лишь сходство, а не преемственность. В проекте Растрелли, как пишет О.С. Евангулова, виден подход к массе как единому целому. “Хотя площади ярусов постепенно уменьшаются здесь по направлению снизу вверх, переходы и границы между ними замаскированы. Иногда этому служат пояса из волют, которые не только придают плавность общему силуэту, но помещены то в основании яруса, то в завершающей его части. Ведущим благодаря этому становится движение по вертикали, для которого не существует никаких зрительных препятствий, ибо горизонтальная тема настолько нивелирована, что практически не воспринимается. Подобное построение тела как единой массы выражает определенное понимание динамики, наиболее близкое классическому западному барокко”²².

Иное мы видим у Воротилова. При взгляде на его колокольню создавалось впечатление, что ее нижний ярус как бы входит в композицию Богоявленского собора, сливается с ним, имея общую с собором систему убранства (пилястры тосканского ордера на рустованном фоне, венчающий карниз с фризом из чередующихся метоп и триглифов). Обращает на себя внимание такая особенность колокольни, как приземистость пропорций ее второго яруса²³. Кроме того, там, где Растрелли использует для смягчения

перехода от одного яруса к другому волнаты, Воротилов применяет открытые площадки-галереи, образованные балюстрадой и пьедесталами для декоративных ваз и обходящие каждый из ярусов колокольни²⁴. Границы между ярусами оказываются, таким образом, более отчетливыми, а горизонтальные членения более явственными. Усилено и живописное начало костромской колокольни, пластичность ее убранства, лейтмотивом которого служит пучок из белоснежных колонн, эффектно воспринимавшихся на голубом фоне стены²⁵.

Колокольня Богоявленского собора встала в самом центре кремля, возвышаясь над ним в высоту примерно на 64 м. Она была уникальным для города зданием, имевшим, кроме культового, и большое общественное значение. Через колокольню ходили в соборную библиотеку, с открытых площадок ее верхних ярусов любовались окрестными далями²⁶, а в 1820 г. в ее куполе поместили часы тульской работы, бой которых можно было услышать из любой части города. Художники Г.Г. и Н.Г. Чернецовы, побывавшие в Костроме в 1838 г., были поражены красотой и грандиозностью этого сооружения. “Это произведение, — писали они, — имея отпечаток великого дарования, удивляет своею красотой всякого беспристрастного человека... Если это собственность художественная зодчего, то человек этот мог бы стать великим архитектором”²⁷. Нельзя не согласиться с этими словами.

Костромская колокольня занимает достойное место среди однотипных сооружений в Курске (колокольня Сергиевского собора, ок. 1778 г.)²⁸, в Смоленске (колокольня Успенского собора, 1763-1772 гг.)²⁹ и в других городах. В то же время она “своею огромностью и новизною архитектуры способствовала возникновению нескольких красивых (на окраинах города) церквей и особенно их колоколен этого же типа, но, конечно, значительно более простой обработки”³⁰.

Во время пожара в Костроме в 1773 г. сильно пострадал и Успенский собор XVI-XVII вв. — древнейшее каменное здание в городе. Восстанавливать его после пожара пришлось также Воротилову. Известен проектный чертеж, выполненный зодчим в 1773 г., по которому, собственно, и велось восстановление собора³¹. У

него была изменена прежде всего форма глав, которым был придан популярный в то время в провинции “самоварообразный” вид. Восточный фасад здания был застроен складскими палатками. (Своими абсидами собор был обращен не на восток, как обычно, а на север.) Одновременно с этим фасады и интерьер собора получили новую отделку в стиле барокко. Все эти работы были осуществлены в течение 1775-1778 гг. В те же годы поновлялась древняя стенопись храма, для чего были приглашены ярославские живописцы братья Дмитрий и Кузьма Иконниковы, Федор Илларионович Пототцев и другие³².

Конечно, главным делом всей своей жизни Воротилов считал, наверное, постройку в костромском кремле в 1776-1791 гг. Богоявленского собора с колокольной и восстановление там же древнего Успенского собора. Однако, как свидетельствуют архивные документы, в те же 70-80-е гг. XVIII в., когда велось это грандиозное строительство, зодчего можно было видеть и в городе Нерехте, где он строил Воскресенскую и Преображенскую каменные церкви, и в костромском Ипатьевском монастыре, где он соорудил в 1777 г. вместо старых деревянных новые каменные переходы из Троицкого собора в Архиерейский корпус³³, и в ряде сел под Костромой, где по его проекту возводились каменные колокольни³⁴, и вновь в Костроме на строительстве некоторых культовых, жилых и хозяйственных зданий³⁵. А в конце 80-х гг. XVIII в. Воротилов ездил в Рязань, где по его проекту было начато сооружение соборной колокольни³⁶.

Новый приезд Воротилова в Нерехту был связан, несомненно, с перепланировкой этого древнего города после разрушительного пожара 1785 г. Но новому “высочайше” утвержденному плану (1781 г.) не только прокладывались новые улицы (Костромская от церкви Богоявления к городскому кладбищу — ныне ул. Орджоникидзе; Усольская — ныне ул. Энгельса; окружная Новинская улица и др.), но и спрямлялись старые. Одна из древнейших улиц в городе — Нижегородская (ныне ул. Красной Армии) была также спрямлена, получив около церкви Преображения небольшую площадь с дополнительной радиальной улицей, Нерехтской, начинавшейся от церкви. В связи с этим сильно обгоревшую при пожаре

каменную церковь Преображения первой половины XVIII в. было решено разобрать, а на ее месте, почти в центре планируемой треугольной площади, возвести новое церковное здание.

Воротиллов приехал в Нерехту ранней весной 1786 г. К этому времени старая церковь Преображения была уже сломана, и зодчий мог сразу же приступить к работе³⁷. В основу плана нового церковного здания — двухэтажного, совмещавшего теплый и холодный храмы, — был положен прямоугольник с округлыми выступами с востока (для алтаря) и с запада (для междуэтажной лестницы). Боковые фасады церкви и ее полукруглые выступы с востока и запада снабжены легкими выступами-ризалитами. Междуэтажный карниз, широкий и сложнопрофилированный, охватывая здание по всему его периметру, четко выявляет его поэтажное членение. Декоративное убранство представлено в основном наличниками окон, находящихся в неглубоких стеновых нишах. Эти наличники выглядят как простые кирпичные рамы с замковыми камнями. Упрощенно решены и сандрики над окнами, воспринимающиеся как двухступенчатые полочки с П-образными кирпичными выступами под ними, сильно уплощенными. Венчающий фасады сложный карниз и треугольные фронтоны над западной и восточной частями здания содержат поясок мелких зубчиков. Таковы средства художественной выразительности новой церкви Преображения, которые могут быть отнесены к упрощенным формам позднего барокко.

Прост храм и внутри. Помещения его нижнего и верхнего этажей перекрыты коробовыми сводами. Складские палатки, примыкающие к винтообразной междуэтажной лестнице (она выложена из белого камня-известняка), также сводчатые.

Судя по рисунку Р.Н. Раменцова 40-х годов XIX в.³⁸, над церковью возвышался первоначально большой восьмигранный световой барабан, а над входом с запада — одноярусная колоколенка с остроконечным шпилем.

В 1786-1787 гг. была достроена Воротилловым и Воскресенская церковь в Нерехте³⁹. Казалось бы, сравнительный анализ архитектурных форм первого и второго этажей нерехтской Воскресенской церкви, выстроенных одним и тем же мастером, но и с ин-

тервалом в 17 лет, поможет разобраться в том, как развивался во времени стиль зодчего и чем “ранний” Воротилов отличается от зрелой поры его творчества. Однако это сделать почти невозможно, так как и нижний и верхний этажи сооружения имеют одинаковую, очень целостную систему фасадного убранства в стиле развитого барокко. Очевидно, сам зодчий не был равнодушен к своему детищу 1770 г. и не мог не видеть все здание цельным по исполнению — явный признак высокой творческой зрелости мастера и редкого постоянства его художественных устремлений.

Двухэтажное здание Воскресенской церкви, компактное в своей массе, производит впечатление, главным образом, убранством своих фасадов. Это самое нарядное из всех общественных зданий в городе. Большое число пилястр — то одиночных, то сдвоенных, а на углах объемов сгруппированных по три и по четыре — как бы маскирует стену здания, образуя ее декоративную оболочку с ясно выраженным ритмом вертикальных членений. Окна церкви обрамлены выступающими рамочными наличниками с замковыми камнями, с “ушами” и подвесками, а также с выложенными сверху профилированными лучковыми фронтонами. Под окнами помещены в кирпичных рамах прямоугольные филенки. Оба карниза у здания, междуэтажный и венчающий, составлены из нависающих одна над другой полочек и гладкого фриза и раскрепованы по осям пилястр. Живописно выглядит и венчающий здание восьмигранный световой барабан, из купола которого выступают окна-люкарны (некоторые из них ложные). Те из окон этого барабана, которые ориентированы на страны света, обрамлены наличниками с симметричными барочными волютками и мелкими кирпичными подвесками. В творчестве Воротилова такого рода барочные элементы большая редкость. После нерехтской Воскресенской церкви они в его постройках уже не встречаются.

Церковь Воскресения первоначально выглядела иначе, чем сейчас. Так же как у церкви Преображения, у нее над входом с запада возвышалась колокольня с остроконечным шпилем (1). Обе церкви, выстроенные, несомненно, по образцу Богоявленского собора в Костроме, были видны издалека в общей панораме Нерехты и имели очень важное градостроительное значение.

Находясь в 1787 г. в Нерехте, Воротилов мог построить в городе и небольшую каменную церковь Воздвижения Креста на кладбище. Эта церковь считается выстроенной около 1788 г.⁴⁰, 18 сентября 1793 г. она была освящена⁴¹. К отличительным особенностям памятника относятся упрощенные формы его фасадного убранства и необычный световой барабан, удлинённый по оси север-юг. Стилль барокко проявил себя, главным образом, в колокольне Крестовоздвиженской церкви, увенчанной остроконечным шпилем. Особенно выразителен вогнутый купол этой колокольни, очень высокий, со слуховыми окнами и полукруглыми кокошниками (2).

Последней из “подписных” работ Воротилова была постройка в 1791-1796 гг. Гостиного двора в Костроме.

Решение о строительстве в Костроме каменного Гостиного двора, — так как “теперешнему Гостиному двору, как оной ныне есть, никак оставаться неможно по ветхости оного, по тесноте и неудобному расположению”, — было принято по указу Костромского наместнического правления на заседании городского магистрата 24 сентября 1787 г. В решении говорилось, что “по плану и фасаду Гостиного двора, доставленному в здешней магистрат, надлежит сделать смету, во что оной вообще и каждая лавка особо обойдется”⁴². Было намечено строить в Гостином дворе следующие торговые линии лавок: 1) суровскую; 2) овощную; 3) кожевенную, сапожную, рукавичную и пушную линию и 4) холщевую, крашенинную, мыльную и пряничную линию. После того как была определена приблизительно стоимость отдельной каменной лавки (около 600 рублей), по предложению купцов В. Ашастина и А. Дурыгина “с товарищи” были приняты следующие размеры каждой из лавок: “на лице галлерей со столбами в пять аршин, переднюю лавку, кроме стен, в шесть аршин, заднюю ж, кроме стен, в три аршина и внутреннюю галлерею со столбами ж в три аршина. А всего со столбами на девятнадцати аршинах с половиною, с тем только, чтоб все сие строение неотменно производить точным наблюдением предписанного фасада”⁴³. В срок до марта месяца 1788 г. костромским купцам, пожелавшим “строиться”, нужно было определиться

в общем числе лавок, в покупке или продаже их, в сносе прежних деревянных лавок и т.д.⁴⁴

Проектные чертежи Гостиного двора (план и фасад), доставленные в сентябре 1787 г. в Костромской городской магистрат, были выполнены К.Г. Клером, исполнявшим в то время обязанности главного архитектора Владимирского и Костромского наместничеств⁴⁵.

Мы не знаем, в каком году был заключен подряд на строительство каменного Гостиного двора, но известно, что этот подряд был заключен с Воротиловым, начавшим строительные работы в 1791 г.⁴⁶ В руководстве строительством вместе с Воротиловым приняли участие и его братья Иван и Петр Воротиловы, его сын Ефрем Степанович, опытные большесольские каменщики Киприан Трубников и Андрей Шумилов, а выполняли строительные работы около 30 человек “искусно знающих мастеровых”⁴⁷. Строительство было начато строго “по плану и фасаду” проектных чертежей⁴⁸. Лишь в дальнейшем, когда было построено и отделано большое число лавок, Воротилов пошел на существенное отступление от первоначального проекта. О том, что было сделано Воротилевым “не по проекту”, говорит следующий архивный документ.

6 мая 1792 г. “в доме Общества градского костромския купцы и мещаня, новопостроенных и строящихся в Гостине дворе каменных суровской, овощной, яблосной, кажевой, сапожной и рукавишной линий торгователи, разсматривая означеннаго Гостиного двора план и учиненныя от подрядчика посаду Соли Болшей купца Степана Воротилова для ворот сметы, из коих на построение подле Спаской церкви с четырьмя колоннами и фронтоном и башнею ворот, поелику оные украшением противу протчих состоят с превосходством, то за излишнюю единственно при оных постройку, коей по смете значит до осми сот пятидесяти осми рублей, сим единогласно приговорили: во что оная излишность при тех воротах действительно кочтовать будет, сим разложить на все построенные и строиться имеющие в означенном Гостином дворе всего на восемьдесят одну лавку по равному количеству и имянно для постройки тех общественных ворот по десяти рублей, да для башни в церковное той Спаской церкви строение для вспомошество-

вания из усердия по десяти рублей, итого по двадцати рублей с каждой лавки, и к собранию оной суммы, их смотрения при означенном строении выбрали в строители костромских купцов 2-й гильдии Василья Тимофеева Пыпина да 3-й гильдии Алексея Петрова Свешникова, в чем мы им верим, и что они по сему законно учинят, впредь спорить и прекословить не будем, и сей приговор рукоприкладством своим утверждаем"⁴⁹.

Из этого документа видно, что обращенный к Волге юго-западный проезд Гостиного двора Воротилов решил выделить не пиллястрами, как это было им сделано в соответствии с проектом у трех остальных проездов, а четырехколонным портиком с фронтоном. Более того, чтобы новый торговый центр был виден и в общей панораме Костромы с Волги и из отдаленных мест города, над тем же юго-западным проездом Гостиного двора предлагалось выстроить "башню", которая служила бы колокольной церкви Спаса в Рядах. Из документа видно также, что местные купцы дали свое согласие на оплату этих строительных работ.

Летом 1792 г. Воротилов приступил к строительству юго-западных ворот Гостиного двора с портиком перед ними и с колокольной над проездом⁵⁰. После смерти зодчего, последовавшей 14 (27) ноября 1792 г., строительство ворот продолжили каменных дел подрядчики Петр Андреевич и Ефрем Степанович Воротиловы⁵¹. Ими к осени 1793 г. и была завершена колокольная над проездом ворот⁵².

По неизвестным причинам П.А. и Е.С. Воротиловы отстранились затем от руководства строительством Гостиного двора. Дотраивать Гостиный двор пришлось уже не им, а Ивану Гове, уездному землемеру, исполнявшему в 1795-1796 гг. обязанности губернского архитектора⁵³. И. Гове была исправлена прежде всего смета различных строительных работ, составленная С.А. Воротиловым⁵⁴. Ему пришлось также переключивать своды у некоторых лавок, отделывать торговые помещения (штукатурить стены, мостить камнем полы, навешивать железные двери и оконные ставни), благоустраивать прилежащую к Гостиному двору территорию и "выпланировать" улицу "против башни Гостиного двора возле Спасской церкви"⁵⁵. В 1796 г. все работы по каменному Гостино-

му двору, содержавшему в то время 80 торговых лавок, были наконец-то завершены⁵⁶.

Также по первоисточникам можно установить некоторые из первоначальных архитектурных форм Гостиного двора, измененные перестройками в XIX-XX вв. Так, из архивных документов видно, что на скругленных углах корпуса существовали сквозные проходы для пешеходов, имевшие сводчатое перекрытие. В дворовой галерее полы были настланы в два ряда кирпича; стены и своды лавок и пилоны галерей были первоначально оштукатурены с “гвоздями щекотурными”; в карнизах фасадов был применен тесаный белый камень-известняк, скрепленный железными крюками; навесные “затворы” у дверей и окон лавок были сделаны из кованого железа, а покрытие здания осуществлено по стропилам из листовых железных пластин⁵⁷.

Итак, имеются основания считать, что Гостиный двор в Костроме характеризует стиль “позднего” Воротилова лишь отчасти. И дело здесь не только в том, что зодчий скончался во время строительства этого общественно-торгового здания и завершать его пришлось уже другим мастерам. Следует думать, что декоративное убранство сооружения — четырехпилястровые портики тосканского ордера у въездов, рамочное обрамление дверей и окон у лавок, сандрики над проемами, пояс модульонов в карнизе галерей, импосты у пилонов и т.д. — восходит, наверное, к тому проектному чертежу Гостиного двора архитектора К.Г. Клера 1787 г., который Воротилов как подрядчик обязался выполнить в натуре. В ансамбле с этим простым убранством в стиле классицизма был решен и четырехколонный портик перед юго-западным проездом Гостиного двора. И только в архитектуре колокольни над проездом зодчий остался верен себе. Над нижним полуярусом колокольни, решенным в упрощенных архитектурных формах, возвышается высокий ярус звона с надстройкой в виде купола с восьмигранным фонариком, увенчанным шпилем. Убранство этого яруса — большое число колонн тосканского ордера, крепованные антаблемент и аттик, окна-люкарны у выгнутого купола, вазоны на пьедесталах в составе галереи вокруг фонарика, обилие филенок и зубчиковых поясков еще прочно связано с прошлым, т.е. со

стилем барокко в его провинциальной трактовке. В этом сооружении сохранена также преемственность и от надвратных башен древнерусских хозяйственно-торговых дворов (не случайно, по видимому, зодчий называл свое детище “башней”), и, конечно, от соборной колокольни 1776-1791 гг. в костромском кремле⁵⁸. В свете всего вышеизложенного не кажется верным суждение о том, что стиль последних работ Воротилова в Костроме был “раннеклассический”⁵⁹. Представляется возможным считать, что в течение всей своей творческой деятельности Воротилов был последовательным приверженцем стиля барокко, продлив его существование в Костромском крае вплоть до рубежа XVIII-XIX вв.⁶⁰

Творческая деятельность Воротилова, продолжавшаяся без перерывов почти четверть века (1770-1792), предстает сейчас перед нами как значительное и яркое явление в архитектуре русской провинции XVIII в. Что бы не строил зодчий — храмы, жилые дома, торговые здания, строилось им с особым пристрастием, “в охотку” и, смеем сказать, всегда с радостью. Все, что удавалось мастеру, было настоящим произведением искусства, вызывало большой интерес, становилось заметным явлением в художественной жизни Костромского края.

1. Из воспоминаний 1820 г. протоиерея Воскресенской соборной церкви посада Большие Соли А. Кандорского. См.: ЦГАЛИ, ф. 1571, от. 1, ед. хр. 2872, л. 129-129 об.

“Деревянный дом этого Воротилова, — писал в 1925 г. большевильский краевед Г. Демидов, — еще в 70-х годах 19-го столетия был цел в Б. Солях. Он стоял на окраине к Бабаевскому монастырю, на левом берегу реки Солоницы. Дом был большой, двухэтажный, на прочном фундаменте. После сломки этого дома вывезли довольно большое количество крупного камня-дикаря, да и теперь еще не совсем заросли остатки укрепления берега крупным камнем-дикарем перед бывшим домом. Надо сказать, что теперь, в большую воду, весной это место бывает затоплено, и укреплять, как берег перед домом, так и основание дома было необходимо. Это место зовется и теперь Воротиловой Слободкой несмотря на то что там теперь одни только огороды. Кроме дома Воротилова, там было еще несколько домов” (ГАКО, ф. р-838, оп. 1, ед. хр. 58, л. 7).

2 Первоначальное шатровое завершение колокольни у этой церкви в то время “не понравилось” приходу и было перестроено Во-

ротиловым в формах стиля барокко. См.: Е. Лаговский. Описание Больших Солей, посада Костромской губернии. Кострома, 1861. С. 52, 60-61; В. Кошелев. Из истории посада Больших Солей Костромской губернии. Ярославль, 1916. С. 24-25; ИАК. СПб., 1909. Вып. 31. С. 109. Рис. 37.

3. Церковь Варвары в Нерехте “заложена по плану, сочиненному Степаном Андреевичем Воротиловым, который и клал эту церковь...” (М. Диев. Город Нерехта в XVIII и в первой четверти XIX в. // Труды КНОИМК. Кострома, 1919. Вып. XIII. С. 83). В настоящее время — это нижний этаж существующей в городе приходской церкви Воскресения.

4. М. Диев. Указ. соч. С. 69. Эти колокольни не сохранились.

5. До своего назначения в Кострому на епископскую кафедру Симон Лагов провел несколько лет в Кирилло-Белозерском монастыре см.: А. Соловьев. История Костромской иерархии // КЕВ. 1887. № 8. С. 243-244). Формированию его архитектурных вкусов очень способствовало, наверное, то, что он был свидетелем сооружения грандиозных палат Иосифа Золотого в вологодском Архиерейском доме (1762-1769) — одного из высокохудожественных произведений русской провинциальной архитектуры XVIII в., выстроенного в формах елизаветинского барокко. Архитектура этого здания могла оказать на него глубокое воздействие. За любовь к архитектуре Симона Лагова называли в Костроме “искуснейшим в зодчестве” (И. Арсеньев. Описание Костромского Успенского собора. М., 1837. С. 25-26).

6. И. Беляев. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. СПб., 1863. С. 65

7. П. Островский. Историческое описание Костромского Успенского собора. М., 1855. С. 111.

8. “Из дел его очень видна честность и безкорыстие. С работниками своими всегда поступал благосклонно, кротко, и надзор над ними имея строгий и неусыпной, разделявал их за работы, по своему усмотрению сугубо. Объявляя подряды свои и работы, в разных местах бывавший, и усматривая неисправность в работе, многократно при себе приказывал переламывать, хотя и многое и на свой счет перекладывать снова” (ЦГАЛИ, ф. 1571, оп. 1, ед. хр. 2872, л. 129-129 об.).

9. М. Диев. Указ. соч. С. 90.

10. И. Арсеньев. Указ. соч. С. 26.

11. О перестройке собора в 1866-1868 гг. см.: ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 33, 3 отд., 1863-1865 гг., д. 144, л. 1-43; И.В. Баженов. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. Кострома, 1911. С. 1; Г. Лукомский. Барокко и классицизм в архитектуре Костромы // Старые годы. 1913. Январь. С. 25. План на “распространение” собора, хранящийся в коллекции

чертежей архитектора К.Г. Тороп (Кострома), подписан архитектором С.В. Садовниковым.

12. Л.К. Любимов. Дневник хода работ по научной фиксации собора XVI-XVII вв. в г. Костроме Ивановской области. Рукопись. Июль-август 1934 г. (ГНИМА, Арх. 280, л. 13).

13. ГНИМА, о. ф. № V 1675 (южный фасад) и № XIII 2182 (план).

14. В коллекции чертежей архитектора К.Г. Тороп (Кострома).

15. И. Арсеньев. Указ. соч. С. 21-25; П. Островский. Указ. соч. С. 90-106.

16. Г. Лукомский. Указ. соч. С. 25. См. также: В.К. и Г.К. Лукомские. Кострома. СПб., 1913. С. 136.

17. И. Арсеньев. Указ. соч. С. 22.

18. И. Баженов. Воскресенская, что на Дебре, церковь в городе Костроме: Археологический очерк. Кострома, 1902.

19. В ризнице костромского Успенского собора долгое время хранился "план и фасад колокольни, составленный мещанином Воротиловым и утвержденный епископом Симоном" (ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 3, 1855 г., ед. хр. 2721, л. 100). Местонахождение этого чертежа в настоящее время установить не удалось.

20. Г. Лукомский. Указ. соч. С. 24-25.

21. На это впервые обратил внимание Ю.М. Денисов.

22. О.С. Евангулова. О некоторых особенностях московской архитектурной школы середины XVIII в. // Русский город. М., 1976. Вып. 1. С. 266.

23. Г.К. Вагнер. Соборная колокольня в Рязани // Памятники культуры: Исследование и реставрация. М., 1961. Вып. 3. С. 158.

24. "Во 2-м, 3 и 4 ярусах здание колокольни окружено площадками, или балконами при массивных железных решетках, утвержденных в угловых, двойных и тройных, сообразно с архитравами капителей и карнизами, тумбах, на которых красуясь ярко вызолоченные листового железа вазы — в 3-м ярусе 20-ть, в 4-м 16 и при куполе 8, довершают прелестную картину великолепного здания колокольни" (П. Островский. Указ. соч. С. 92).

25. "Из поволжских колоколен, — писал Г. К. Лукомский, — костромская всех воздушнее, и кажется, будто состоит она из одних колонн. Большие отступы от колонн... дают им хороший рельеф и при солнечном освещении — возможность бросить на стену красивую, сочную тень" (Г. Лукомский. Указ. соч. С. 23, 25. См. также: В.К. и Г.К. Лукомские. Кострома. С. 137-139).

26. "Отсюда весь город и все окрестности за Волгою и Костромскою представляются в прекраснейшем виде, а наипаче во время разлития вод, которое бывает в верху сих рек верст на 40" (И. Арсеньев. Указ. соч. С. 25). С верхнего яруса колокольни "можно видеть... посредством телескопа, окрестности и некоторую часть самого го-

рода Ярославля, отстоящего от Костромы на 66 верст" (П. Островский. Указ. соч. С. 95).

27. Г. и Н. Чернецовы. Путешествие по Волге. М., 1970. С. 34.

28. В.Ф. Габель, И.Л., Гулин. Курск. М., 1951. С. 17.

29. С.Д. Ширяев. Памятники барокко и влияние зодчества Москвы в архитектуре Смоленска XVII-XVIII в. // Труды Смоленских государственных музеев. Смоленск, 1924. Вып. 1. С. 41, П. Раппопорт, А. Смирнова. Архитектурные достопримечательности Смоленска. М., 1976. С. 49.

30. Г. Лукомский. Указ. соч. С. 29. Свообразным "двойником" соборной колокольни является, например, колокольня церкви Ильи Пророка в с. Яковлевском под Костромой. Влияние колокольни Воротилова ощущается даже в более поздних сооружениях, например, в архитектуре колокольни 40-х годов XIX в. Казанского собора в Нерехте.

31. Рукописный архив ЛОИА, ф. 1, 1912 г., ед. хр. 71, л. 13.

32. И. Сырцов. Стенная живопись Костромского Успенского кафедрального собора. Кострома, 1908. С. 3-4, 13.

33. ГАКО, ф. 132, оп. 1, ед. хр. 156. Эти переходы представляли собой открытое гульбище с парапетами и на высоких арках. Они не сохранились, но хорошо известны по одному из рисунков художника Н.Г. Чернецова 1838 г. с видом Старого города Ипатьевского монастыря.

34. М. Диев. Указ. соч. С. 90.

35. ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 8, л. 68.

36. См. об этом: Е. Михайловский, И. Ильенко. Рязань: Касимов. М., 1969. С. 156-157.

37. Новая дерковь строилась "по плану, сочиненному Степаном Андреевичем Воротиловым" (М. Диев. Указ. соч. С. 89).

38. ОР ГПБ, ф. 775, А.А. Титов, № 3999, л. 61 (общий вид церкви Преображения с запада в системе жилой застройки площади)

39. "1787-го года окончен верхний этаж церкви с колокольнею во имя Воскресения Христова и освящен 4-го июля... Оную церковь строил Костромского уезда посада Соли Большой мещанин Степан Андреев Воротилов, известный познаниям зодчества... и строивший огромный теплый Костромской Успенский собор и при оном огромную колокольню. На все церковное тогдашнее строение употреблено было четыре тысячи рублей кроме частных пожертвований", — писал нерехтский краевед первой четверти XIX в. В. Актон (ГАКО, ф. 558, оп. 2, ед. хр. 157, л. 10-10об.).

40. И.В. Баженов. Указ. соч. С. 149.

41. М. Диев. Указ. соч. С. 87.

42. ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 8, л. 3.

43. Там же, л. 3 об.-4. В процессе строительства ширина каждой из лавок Гостиного двора была увеличена по сравнению с заданной на 1 аршин (там же, л. 121 об.).

44. Там же, л. 4.

45. См.: Н.А. Коротков. Архитектурный ансамбль центра города Костромы // Учен. зап. КГПИ им. Н.А. Некрасова. Кострома, 1972. Вып. 21. С. 146-147; В. Иванов. Кострома. М., 1978. С. 146.

46. ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 8, л. 1-2, 22-67, 80-85, 197.

47. Там же, л. 121об.-122.

48. "...Подряточком Воротиловым строились они [лавки Гостиного двора. — Е.К.] по плану и фасаду... апробованному... не отступая нимало..." (ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 8, л. 120).

49. Там же, л. 88.

50. "...Строители... усолские купцы Воротиловы... те ворота того 792 года летним временем строением начали..." (ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 8, л. 117 об.; см. также: л. 130 об.).

51. Там же, л. 116.

52. В сентябре 1793 г. "уже и башня работою кончена" (Там же, л. 129). См. также докладную записку губернского архитектора Карла Калино, поданную в Костромскую шестигласную думу 15 июля 1793 г. и содержащую ложные опасения о непрочности арок у "делаемой башни" (Там же, л. 119), и так называемый акт осмотра колокольни от 18 июля 1793 г., фиксирующий ее общую завершенность и прочность несущих конструкций (Там же, л. 120-120 об.).

53. ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 8, л. 209.

54. Там же, л. 210-212 об.

55. Там же, л. 204-205, 210.

56. Там же, л. 239. См. также: ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 38. л. 4.

57. ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 8, л. 174, 210-210 об. и след

58. О Гостином дворе в Костроме см. также: Е.В. Кудряшов. Памятники архитектуры Костромы // Кострома: Путеводитель. Ярославль, 1980. С. 123; Он же. К творческой биографии костромского зодчего XVIII в. С.А. Воротилова: Гостиный двор в Костроме // Краеведческие записки КИАМЗ. Ярославль, 1985. Вып. 4.

59. Т.М. Сыгина. Гражданская архитектура Верхнего Поволжья второй половины XVIII — первой трети XIX в.: Костромской край: Автореф. канд. дис. М., 1952. С. 15-16; Н.А. Коротков. Указ. соч. С. 151.

60. В стиле барокко были построены, например, церкви Благовещения в с. Фералонтове на Монзе под Буюем (1798), Бориса и Глеба в Костроме (1800), Рождества Христова в с. Княжеве (1802), теплая церковь Казанского собора в Нерехте (1805-1806), церковь Власия в Костроме (1805) и мн. др.

Памятники тотемского барокко в Костромской области

Архитектура барокко в Тотьме, которой посвящены специальные исследования П.А. Тельтевского и В.П. Выголова,¹ представляет интереснейшее явление в системе русского провинциального барокко XVIII в. Считается, что памятники этой своеобразной архитектурной школы бытуют на Севере внутри четко очерченного территориального ареала с центром в городе Тотьме. Однако, как показывают наблюдения последних лет, памятники тотемского барокко встречаются и в смежных с Тотьмой областях. Большой интерес, в частности, представляют выявленные нами вблизи города Солигалича Костромской области два новых, ранее не известных памятника тотемского барокко конца XVIII в. (1).

Один из этих памятников — церковь Николы в селе Чалове, выстроенная в 1790 г.² Церковь представляет небольшой по размерам, бесстолпный, одноглавый храм с пятигранной абсидой, с пониженной трапезной с запада и с невысокой колокольней типа “восьмерик на четверике”. Храм близок в плане к квадрату (7,2 x 7,9 м), перекрыт сомкнутым восьмилотковым сводом с большим световым барабаном. Декоративное убранство здания выдержано в формах тотемской барочной архитектуры 80-х гг. XVIII в., и его многие элементы находят себе прямые аналогии в декоре таких храмов Тотьмы, как церкви Троицы в Рыбачьей слободе (1788 г., верхний этаж), Рождества Христова (1786-1793 гг., верхний этаж) и Входа в Иерусалим (1774-1794 гг.), церковь Покрова в селе Усть-Печенге под Тотьмой (последняя треть XVIII в.) и др. Как и в перечисленных памятниках, боковые фасады у церкви в Чалове делятся на три части при помощи узких, ничем не перебиваемых тяговых пилястр, группирующихся на углах четверика по четыре. Окна в два света обрамлены прямоугольной валиковой рамой, а на осях окон, в средней части фасадов, размещены фигурные картуши с заключенными в них розетками. Эти картуши как бы “сжаты” с боков и, вследствие этого, воспринимаются вытянутыми по вертикали, — в таком виде они очень схожи и с картушами под

окнами второго света у церкви Входа в Иерусалим и с картушами у нижнего яруса колокольни церкви Успения в Тотьме (90-е гг. XVIII в.). Кроме того, двухступенчатые бровки с волютками, имеющиеся над окнами верхнего света чаловской церкви, как будто скопированы с тотемской церкви Входа в Иерусалим, где этот элемент декора использован, например, над верхними окнами абсиды. Также к тотемским образцам восходит венчающий карниз фасадов церкви в Чалове, составленный из чередующихся и нависающих друг над другом полочек и четвертных валиков, ниже которых проходит зубчатый поясок, отсекаемый валиковой тягой. И только диагональные стены восьмерика колокольни, под арками звона, выделены картушами особой формы (в виде буквы "С"), не встречающимися в декоре сохранившихся памятников Тотьмы 80-х гг. XVIII в.

Село Чалово, где была выстроена каменная церковь Николы, входило в XVIII-XIX вв. в состав Тотемского уезда Вологодской губернии. То есть местоположение этого памятника также говорит за то, что он был выстроен в 1790 г. каменщиками из Тотьмы.

Целиком тотемским памятником следует считать и церковь Троицы в селе Зашугомье под Солигаличем, построенную в 1800 г. на средства помещика И.И. Львова³. Храм воспринимался как бы "пересаженным" из Тотьмы на солигаличскую землю, настолько он необычен на фоне местных церковных построек XVIII в. В нем все "как в Тотьме": и ничем не перебиваемые, тонкие пилястры-лопатки на постаментах, сдвоенные на углах объемов, стремительно уходящие вверх, на всю высоту фасадов; и венчающие эти фасады, суховатые по трактовке карнизы, набранные из полочек, сухарика, каблучка и валиков с пояском поребрика; и полугавия над фасадами четверика, увенчанные, как и в церкви Входа в Иерусалим в Тотьме, двумя крупными барочными волютами и имеющие, кроме того, квадратные ниши с обрамлением из валика (у западного и восточного полуглавий); и прямоугольные рамочные наличники уступчатого профиля у окон (с усложненными бровками в виде фронтонов над окнами верхнего света); и весьма измельченная кирпичная орнаментика у двухъярусных граненых барабанов пятиглавия; и сложное узорочье порталов у входов в теплую церковь с юга и с

севера; и, наконец, над- и подоконные фигурные картуши, трактованные в данном памятнике, однако, несколько по-иному, чем в Тотьме — в зависимости от того, на каком из фасадов здания они находятся.

Южный фасад церкви Троицы не был главным, а потому и картуши на нем выглядят иначе, чем на северном фасаде храма, обращенном в сторону села. Междуэтажные картуши на южном фасаде, как и в Тотьме, схожи с “вазами”, они устойчивы, широки, содержат в себе звездообразные розетки, но, в то же время, они плоскостны и очерчены единой, нигде не прерывающейся линией. Тот же пояс картушей на северном фасаде выглядит гораздо рельефнее, сочнее, ножки у “ваз” здесь изогнуты, розетки выпуклые и шестилепестковые, а верхняя часть каждого из картушей решена в виде бровки с заплечиками, отделенными от нижерасположенных парных завитков-волюток.

Пояс крупных фигурных картушей, находящихся под окнами верхнего света церкви Троицы, абсолютно точно повторяет одноименный пояс картушей в убранстве церкви Входа в Иерусалим в Тотьме. То есть, и в церкви села Зашугомья, и в тотемском памятнике каждый из картушей этого пояса состоит из сильно изогнутых завитков и S-образных волют, находящихся друг против друга в так называемой зеркальной симметрии. В нижней части картуша, на его оси, выложены, один над другим, два кольца (большее над меньшим) с изображением какого-то цветка над ними (у некоторых из цветков — с лопастным завершением). Наличие подобного рода совпадений в деталях убранства обоих памятников свидетельствует о том, что на строительстве церкви в селе Зашугомье были заняты, наверное, те же каменщики, которые строили в 1774-1794 гг. церковь Входа в Иерусалим в Тотьме.

В формах тотемского барокко последней четверти XVIII в. решены и порталы у входов в теплую церковь села Зашугомья. (Они схожи, кстати, и с западным порталом церкви Николы 1790 г. в селе Чалове). Однако у церкви в Зашугомье внутри картушей над этими порталами находятся не розетки, а нишки с уплощенным рамочным обрамлением, часто встречающиеся в убранстве солигаличских каменных храмов XVII-XVIII вв. И только портал у входа в холод-

ную церковь Троицы решен просто, с перспективным архивольтом, но без капителей у косяков и без барочных тотемских украшений.

С памятниками Тотьмы церковь в селе Зашугомье сближается и своей объемно-пространственной композицией. К высокому двухэтажному четверику зашугомской церкви, увенчанному пятиглавием, примыкают: с запада — пониженная двухэтажная трапезная, с востока — двухъярусная абсида, равная по высоте и по ширине трапезной. Точно на продольной оси здания стоит высокая, четырехъярусная колокольня со шпилем в завершении, соединенная с трапезной при помощи галерей⁴. Однако у церкви Троицы нет той компактности пятиглавия, которая была, как известно, одним из отличительнейших признаков в общем облике тотемских храмов. Очевидно, допущенная “разъединенность” двухъярусных барабанов в венчании церкви Троицы объясняется не неумением мастера скомпоновать эти пять барабанов в единую, слитную группу глав, а особенностями самого четверика, более крупного, чем у храмов в Тотьме, менее, чем у тотемских храмов вытянутого в высоту и с более высоким, чем в Тотьме, сводом. Именно эти особенности церкви в Зашугомье, а также типично тотемский прием возведения угловых барабанов пятиглавия непременно над углами четверика (в основании свода и на оси его диагональных лотков) и обусловили специфику венчания данного памятника. Укажем и на то, что “грушевидная” форма кровли у основания угловых двухъярусных барабанов в венчании церкви Троицы не отражает форму постаментов в основании этих барабанов, выложенных в виде гладких низких восьмигранников, к низу не расширяющихся.

Имеет образец среди храмов Тотьмы (церковь Троицы в Рыбачьей слободе, 1768-1772, 1788 гг.) и двухъярусная конструкция алтаря зашугомской церкви. Как и у названного тотемского памятника, алтарь зимнего храма церкви в Зашугомье состоит из двух пятигранных абсид, имеющих общую разделительную стену, а находящийся над ним алтарь летнего храма имеет вид большой пятигранной абсиды с очень широкой восточной гранью. Ниша в нижнем ярусе алтарного объема (между пятигранными абсидами) фланкирована пилястрами, а в глубине ее выложена лопатка с

нависающими один над другим рядами кирпича в ее завершении. Над нишей, на восточной стене алтаря летнего храма, размещен фигурный картуш.

Автор церкви Троицы в селе Зашугомье под Солигаличем нам не известен, но нет никаких сомнений в том, что им был “мастер из Тотьмы”. Строитель храма мог быть рекомендован владельцу села В.П. Пановым, в 1791 г. ушедшим с воинской службы в отставку и поселившимся в усадьбе Внуково под Солигаличем⁵, но, видимо, часто ездившим в Тотьму к своему отцу П.А. Панову, одному из заказчиков тотемской церкви Входа в Иерусалим.

Работой тотемских каменщиков можно считать, по нашему мнению, и достройку в 1792-1794 гг. собора Рождества Богородицы 1668 г. в городе Солигаличе. Правда, имеется указание, что собор достраивали “устюжане”⁶. Однако пятиглавое венчание здания во многом не согласуется с этим известием. И дело здесь не только в том, что ни в середине, ни во 2-й половине XVIII в. в Устюге Великом не было выстроено ни одного пятиглавого храма. Обращает на себя внимание, во-первых, то, что венчание Рождественского собора выполнено вполне “по-тотемски”, настолько оно схоже с венчанием известной плеяды тотемских храмов 70-90-х гг. XVIII в. Действительно, более в духе тотемской, а не великоустюжской архитектуры указанного времени выполнены и двухъярусная композиция каждого из пяти световых барабанов в венчании солигаличского собора, и суховатое измельченное убранство этих барабанов, и их пьедесталы, выступающие в виде “пирамидок” из кровельного покрытия здания и отражающие конструкцию сводов под барабанами.

И, во-вторых, достройка в 1792-1794 гг. в Солигаличе Рождественского собора стоит хронологически в одном ряду со строительством под Солигаличем в 1790 г. в с. Чалове и в 1800 г. в с. Зашугомье двух каменных храмов, принадлежность которых к тотемской архитектурной школе никаких сомнений не вызывает. Из этого не следует, конечно, что достройку солигаличского собора и возведение обеих указанных церквей нужно отнести к работе одной и той же строительной артели. Однако следует думать, что в 90-х гг. XVIII в., когда достраивался собор в Солигаличе, миграции строитель-

ных артелей из Устюга Великого, столь частые раньше, прекратились вовсе. На смену им пришли артели тотемских каменщиков, которых, как приезжавших также “с Сухоны”, нередко принимали за “устюжан”. По нашему мнению, солигаличский летописец 1-й четверти XIX в. Ф.И. Нащокин ошибся, когда писал о мастерах-“устюжанах”, достраивавших собор в Солигаличе.

В заключение укажем, во-первых, на то, что памятники тотемского барокко в селах Чалове и Зашугомье расположены к северу от города Солигалича, на древнем торговом пути, связывавшем в XVII-XVIII вв. Костромское Заволжье с Русским Севером. И, во-вторых, убранство церкви Троицы в селе Зашугомье оказало влияние на архитектуру некоторых из посадских храмов города Солигалича начала XIX в., выстроенных в стиле классицизма. Так, например, в фасадном декоре солигаличской церкви Входа в Иерусалим 1804 г. применены выполненные из обожженной глины шестилепестковые розетки, помещенные в круглых ственных нишах ярусной колокольни. Нет никакого сомнения в том, что эти элементы убранства здания восходят к аналогичным деталям убранства церкви Троицы в селе Зашугомье, то есть к весьма специфичной системе декора памятников тотемской архитектурной школы последней четверти XVIII в.

1. П.А. Тельтевский. Памятники архитектуры XVIII в. в Тотье // Архитектурное наследство. Вып. 14. М., 1962. С. 203-210; В.П. Выголов. Архитектура барокко в Тотье // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Материалы и исследования. Вып. 1. М., 1980. С. 103-125.

2. ИАК. Вып. 61. Пгд., 1916. С. 60.

3. И. Беляев. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. СПб., 1863. С. 272; ИАК. Вып. 31. СПб., 1909. С. 254; И.В. Баженов. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. Кострома, 1911. С. 307.

4. Колокольня с галереей и не сохранившиеся двухколонные портики со складской палаткой у этих частей церковного здания относятся, по-видимому, к 40-м гг. XIX в.

5. А. Григоров. Рассказали портреты // Газета “Красный Север” (Вологда), 1979. № 63.

6. В.А. Апушкин. Рукописный сборник первой четверти XIX в. Ф.И. Нащокина // Костромская старина. Вып. V. Кострома, 1901. С. 495, 509.

Ранние памятники промышленной архитектуры Нерехты

Памятники промышленной архитектуры XVIII-XIX вв. в Нерехте до настоящего времени по существу не освещались в специальной литературе (1). Их возникновение связано с зарождением и развитием в этом городе — ныне крупном центре текстильной промышленности Костромской области — полотняного фабричного производства. Новые сведения о таких памятниках в этом плане представляют особый интерес.

Начало текстильному производству в городе Нерехте было положено в 1761 г., когда петербургский предприниматель М.Я. Грязновский-Лапшин совместно с нерехтским купцом М. Большим-Пастуховым построил для первой в городе полотняной фабрики обширный двухэтажный каменный корпус¹. Считалось, что это фабричное здание, по-видимому, некогда расположенное на территории нынешнего льнокомбината “Красная текстильщица”, не уцелело. В результате же натурного исследования застройки города Нерехты XVIII-XIX вв., проведенного автором в 1976 г., установлено, что каменное здание первой в Нерехте полотняной фабрики довольно хорошо сохранилось. Однако, оно в другом месте, нежели считалось ранее, а именно — на ул. Ленина, д. 50; иначе, — пер. Шагова, д. № 21а (ныне нерехтский объединенный горвоенкомат).

В 1769 г. фабрика Грязновского-Лапшина и Большова-Пастухова считалась находящейся за городом в 10 саженьях². При составлении в 1781 г. землемером Никитою Тихменевым первого генерального плана города Нерехты цифрой 5 была обозначена и вошедшая уже к тому времени в состав города “полотняная фабрика бывшего С.-Петербургского купца и директора Михаила Грязновского-Лапшина обще с нерехотским купцом и директором Михаилом Большим-Пастуховым, построена 1761 года”³. Фабрика располагалась в юго-западной части города, в глубине квартала, выходившего на ул. Суздальскую (ныне ул. Ленина) и обозначавшегося в дальнейшем на планах города XIX в. номером 10.

Местоположение этой фабрики на генеральном плане Нерехты 1781 г. и местоположение обнаруженного нами двухэтажного каменного здания по ул. Ленина (д. № 50) полностью совпадают.

Неизвестно, по какой причине около 1790 г. фабрика Пастухова была закрыта, а само здание “куплено казною” для размещения в нем присутственных мест⁴. В 1794 г. в здании случился пожар⁵, а 14 мая 1798 г. оно вновь горело⁶. С 1812 по 1814 гг. в нем жили пленные французские офицеры⁷ и, очевидно, именно с этого времени бывшее фабричное здание стали называть в Нерехте “тюремным замком”, — прозвище не совсем удачное, но все-таки определенным образом характеризующее и его мрачный, “тюремный” облик после пожаров 1794 и 1798 гг., с низкими сводчатыми помещениями первого этажа за толстыми стенами.

На генеральном плане города Нерехты 1839 г.⁸ фабрика Пастухова обозначена буквой “д” в том же 10 квартале города как “каменный общественный дом, в котором помещается Цей-гауз Нерехтской инвалидной команды” (“и тюремный замок” — сделана приписка карандашом).

К сожалению, ничего более не известно о том, как использовалось это здание в середине и во второй половине XIX в.

В Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде обнаружены недатированные чертежи здания полотняной фабрики Пастухова, а именно, — “Планы и фасад каменному дому в два этажа в уездном городе Нерехте, занимаемому прежде пожара Присутственными местами, а ныне оный без крыши и верхний этаж без рам, дверей и полов, а внизу помещаются уездной и нижней земской суды”⁹. Эти чертежи, подписанные костромским губернским архитектором Н.И. Метлиным, могли быть выполнены в начале XIX в.

Они представляют значительный интерес для намеченной реставрации уникального памятника нерехтской промышленной архитектуры XVIII в.

В настоящее время памятник находится в глубине городского квартала и своим восточным торцовым фасадом выходит на ул. Ленина. Это — кирпичное, прямоугольное в плане, двухэтажное здание, крытое железной кровлей. Оно несколько вытянуто по оси

восток запад; размеры его в плане 23,2 x 38,4 м. Наружные фасады покрыты известковым раствором и окрашены в светло-голубой цвет, оконные наличники побелены, фундамент сооружения сложен из валунов с проливкой. Убранство фасадов выдержано в стиле барокко и состоит из нависающих сложнопрофилированных карнизов — венчающего и междуэтажного. Можно также упомянуть о лопатках на осях внутренних стен и на углах здания, а также о наличниках двух типов окон первого и второго этажей. Небольшие окна первого этажа с их уплощенными арочными перемычками обрамлены кирпичной рамкой с “ушами” и имеют под подоконниками прямоугольные выступы, выполненные кладкой. Такое же декоративное обрамление имеется и у более высоких окон 2-го этажа, однако выступ кирпичной рамки здесь больший, на “ушах” обрамления висят “серьги”, над уплощенными арочными перемычками окон выступают замковые камни, а под некоторыми из окон выложены “подушки” — полуциркульные выступы кирпичной кладки, составляющие с рамочным обрамлением окна единое целое.

Натурное обследование здания показало, что первый этаж его не искажен перестройками, и что характер архитектурного решения помещений близок к первоначальному. Прямоугольные в плане рабочие помещения этого этажа, а также юго-восточное помещение, квадратное в плане (11x11 м), перекрыты сомкнутыми и коробовыми сводами с большими и глубокими стрельчатыми распалубками над окнами. Пяты сводов стянуты железными коваными связями. Интересно решен и юго-западный угол первого этажа, где находился погреб глубиной около 3 м. Стены его были выложены из валунов. В настоящее время погреб засыпан землей. Окна первого этажа закрывались снаружи навесными железными ставнями, о чем говорят сохранившиеся у оконных косяков железные подставки.

Иное планировочное решение, очевидно, имел второй этаж здания, разделенный в настоящее время перегородками на ряд небольших комнат с плоскими и потолочными перекрытиями. Возможно, что некоторые из капитальных стен этого этажа были переложены или даже выложены в начале XIX в., т.е. после по-

жаров 1794 и 1798 гг., когда фабричное здание использовалось под уездные присутственные места. Во время обследования памятника было установлено, что на его верхнем этаже частично сохранялись старинные изразцовые печи, ликвидированные в начале 1970-х гг. при установке центрального отопления.

Вход в здание вплоть до настоящего времени находится в восточной части северного фасада. Он выделен простым кирпичным рамочным обрамлением.

Здание бывшей полотняной фабрики Пастухова в городе Нерехте — древнейший из сохранившихся на территории Костромской области памятников фабричной архитектуры XVIII-XIX вв. Оно тесно связано с историей города Нерехты и с зарождением во второй половине XVIII в. в Костромском крае полотняной промышленности¹⁰.

С конца XVIII в. не только в городе Нерехте, но и в его окрестностях начали складываться довольно крупные усадьбные комплексы, развитие которых приходится в основном уже на XIX в. Такими комплексами следует считать, например, усадьбу Полубениных, что на ул. Суздальской. Формирование ее началось в 90-х гг. XVIII в. К последней четверти того же столетия можно отнести и возникновение усадьбы К.И. Бошняка в селе Есипове под Нерехтой¹¹. Однако наибольший интерес представляет усадьба Сокольниково, находившаяся в 60-е гг. XVIII в. на р. Нерехте, на восток от города, за городским валом.

В ту пору усадьба Сокольниково принадлежала нерехтским помещикам Одинцовым¹². Около 1767 г., например, ею владел помещик, лейб-гвардии отставной капитан Иван Тимофеевич Одинцов, избранный в 1767 г. в предводители дворянства по Костромской провинции¹³. На генеральном плане гор. Нерехты 1781 г. между буквами Д и А обозначена “земля сельца Сокольниково, Копылов тож, во владении премьер-майора Ивана Иванова Одинцова”¹⁴. Вряд ли Сокольниково чем-либо выделялось в то время среди других пригородных нерехтских сел с их непременно церковными погостами, барскими домами и крестьянскими избами. Однако значение этого “сельца” в истории города определяется тем, что в нем в первой четверти XIX в. была основана имен-

но помещиками Одинцовыми одна из первых местных ткацких фабрик, а сама усадьба приобрела с того времени ясно выраженный “промышленный” характер. Вот что писал об этом уже цитируемый нами нерехтский краевед прошлого века М.Я. Диев: “Около 1817 года полковник Вас. Ив. Одинцов близь Нерехты в своей усадьбе Сокольниково построил суконную ф-ку. Сукно ткали его дворовые и к-не; на 30 ткацких станах в год вырабатывали двухаршинного сукна от 25000 до 30000 аршин. Ф-ка закрылась около 1837 г. по причине продажи Сокольникова г. Приклонскому. Шерсть пряли на ф-ке на двух равенцовых в 40 и на 16 прядильных станках в 60 веретен. От заведения ф-ки на Сокольникове оно украсилось многими тогда выстроенными огромными каменными зданиями, крытыми черепицею, что самое городу Нерехте придало красивый вид”¹⁵. На генеральном плане гор. Нерехты 1839 г. то место, где находилось Сокольниково и где в настоящее время расположен нерехтский льнокомбинат “Красная текстильщица”, обозначено как земля “господина Приклонского”¹⁶. То же указано и на генплане гор. Нерехты 1845 г. — “Сокольниково, усадьба Приклонского, прежде Одинцовых”¹⁷.

Интересный иконографический материал по усадьбе Сокольниково Одинцовых-Приклонских содержится в “Летописи города Нерехты” первой половины XIX в., составленной уже упоминавшимся М.Я. Диевым¹⁸. На листе 101 этого исследования представлен общий вид усадьбы со стороны реки Нерехты с показом ряда каменных и деревянных усадебных построек различного назначения, а также беседок, переходов, сторожевых башен, ограждений и др. В правой части рисунка виден на высоком берегу двухэтажный каменный дом первой четверти XIX в. Качество изображения невысокое, — очертания строений неясные. Под изображением усадьбы помещена надпись: “Видъ усадьбы Сокольниково, прилегающей съ востока къ городу Нерехты; снят около 1830 года... тогда принадлежала полковнику Василию Ивановичу Одинцову, а съ 1837 г. костромскому губернатору Александру Григорьевичу Приклонскому, отъ гор. Нерехты въ саженьяхъ 20”.

В том же рукописном труде М.Я. Диева на л. 115 изображен фрагмент усадьбы с показом фабричных строений, сушильни (?),

ярусной церкви, увенчанной шпилем, и деревянного ограждения фабричной территории. Рисунок выполнен карандашом. Внизу подпись: “Вид усадьбы г. Одинцова, ныне г. Приклонскаго близъ г. Нерехты, рисов. Яковъ Диевъ 4 марта 1850”.

Еще один “видъ Сокольникова усадьбы г. Приклонскаго”, написанный акварелью тем же Яковом Диевым и, очевидно, и том же 1850-м году, имеется в “Летописи” на л. 100.

Следует сказать, что те “огромные каменные” фабричные здания в усадьбе Сокольниково, которыми “украшилась” Нерехта в первой четверти XIX в., частично сохранились. Однако объекты эти требуют специального дополнительного изучения.

Выявленные в городе Нерехте Костромской области отдельные памятники промышленной архитектуры XVIII-XIX вв. — здание полотняной фабрики Пастухова 1761 г., производственные корпуса фабрики Одинцовых первой четверти XIX в. — сообщают архитектурному наследию этого старинного города черты редкого своеобразия. Они убедительно свидетельствуют и о том, что Нерехта, наравне с Костромой, была в XVIII-XIX вв. одним из признанных центров льноткацкого производства в Костромском крае.

1. Согласно свидетельству нерехтского краеведа XIX в. М.Я. Диева: “На север в нескольких саженьях от этой ф-ки в 1778 г. нерехтский купец Осип Семенов Суворов построил несколько деревянных корпусов для другой полотняной ф-ки. Эти деревянные корпуса сломаны около 1805 г.” (М. Диев. Город Нерехта в XVIII И первой четверти XIX века // Труды КНОИМК. Вып. XIII. Кострома, 1919. С. 75, 76.)

2. М. Диев. Указ. соч. С. 81

3. К северу от каменного корпуса полотняной фабрики Пастухова — “в нескольких саженьях” от него — на том же генплане города цифрой 6 обозначена “вновь построенная в 1778 году полотняная фабрика нерехотского купца Осипа Семенова Суворова, от фабрики Лапшина отделена в плане чертою” (ОР ГПБ, ф. № 775, А.А. Титов, № 3999, л. 7. См. также: М. Диев. Указ. соч. С. 87). Фабрика О.С. Суворова состояла в то время из 4 деревянных корпусов.

4. М. Диев. Указ. соч. С. 75, 95-96.

5. ГАКО, ф. 558, оп. 2, ед. хр. 158, л. 4

6. М. Диев. Указ. соч. С. 95-96.

7. “Офицеры же, числом человек 25, стояли в корпусе старых присутственных мест” (М. Диев. Указ. соч. С. 105).

8. План был обнаружен нами в одном из частных собраний гор. Нерехты. В настоящее время — в Нерехтском краеведческом музее, инв. № 1257.

9. ЦГИА СССР, ф. 1488, оп. 2, ед. хр. 304, л. 1.

10. См. об этом: Н.А. Барсуков. Полотняная промышленность Нерехтского края во второй половине XVIII в. // Ученые записки МГУ. Вып. 156. М., 1952.

11. М. Диев. Указ. соч. С. 91.

12. Родословная нерехтских Одинцовых — древняя. Известна, например, память 1710 г. "...о пострижении отставного стольника Ивана Петрова Одинцова в монашество" (ГАКО, ф. 712, оп. 1, ед. хр. 80, л. 9). Одним из "жильцов" Троице-Сыпанова монастыря под Нерехтой был в 20-х гг. XVIII в. Тимофей Одинцов, по прошению которого от 11 февраля 1726 г. этот монастырь был отделен от Ипатьевского в Костроме и от "начала" последнего (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 7, ед. хр. 45, лл. 1-1 об.).

13. Усадьба находилась в то время "во ста саженьях от Нерехты". М. Диев Указ. соч. С. 82.

14. ОР ГПБ, ф. № 775, А.А. Титов, № 3999, л. 7.

15. М. Диев. Указ. соч. С. 111-112.

16. Нерехтский филиал Костромского музея-заповедника, инв. № 1257. Надпись сделана карандашом.

17. ОР ГПБ, ф. 775, А.А. Титов, № 3999, лл. 1 об.-2.

18. ОР ГПБ, ф. 775, А.А. Титов, № 3999.

Н.И. Метлин.

Материалы к творческой биографии архитектора

Николай Иванович Метлин — первый костромской губернский архитектор. Он работал в Костроме с 1796 по 1822 г. С его именем связываются значительные постройки в Костроме и Костромской губернии, в настоящее время хорошо известные (Присутственные места и Масляные ряды в Костроме, Входоиерусалимский собор в Юрьевце, Присутственные места в Галиче и другие). Очень многое сделал архитектор для застройки центра Костромы по генплану 1781 г. Обширное и весьма разностороннее творчество этого архитектора могло бы стать предметом специального монографического исследования. У нашей статьи, однако, более скромные задачи: опираясь на данные архивных документов, воссоздать жизненный путь Н.И. Метлина, свести воедино все известные в настоящее время постройки архитектора и наметить пути дальнейшего изучения его творчества.

Так называемый “докостромской” период в жизни и творчестве Метлина стал известен только недавно. О нем сообщается следующее: “Метлин Николай Иванович, род. в 1770 г., сын прапорщика архитектуры. В 1782 г. (и в 1796 г.) жил с семьей в приходе церкви Благовещения за Тверскими воротами, на квартире у Баскакова. В сентябре 1793 г. — архитектурский ученик, снимал с натуры план и фасад двухэтажного дома с лавками в Китай-городе, в 1-й части, в Епанешном ряду. В феврале 1794 г. — архитектурский помощник, в натуре осматривал московский двор в приходе церкви Космы и Дамиана в Китай-городе, в 1-й части Москвы. В сентябре 1794 г. в натуре осматривал лавки у Китайской стены, между Ильинскими и Варварскими воротами. В 1795 г. снимал с натуры план и фасад лавок у Ильинских ворот и стены Китай-города. В январе 1795 г. в натуре осматривал генплан 9-й части, 1-й квартал, № 14, дома Г.А. Владыкина”¹.

Эти сведения привносят, наконец-то, полную ясность в биографию Н.И. Метлина. Оказывается, он родился и вырос в Мос-

кве, в семье архитектора. Его отец, Иван Федорович Метлин (родился в 1744 г.), был видным московским зодчим второй половины XVIII в.² Именно у него выучился Н.И. Метлин архитектурному мастерству. С учреждения Костромской губернии, то есть с конца 1796 г., Н.И. Метлин назначается в Кострому на должность губернского архитектора. В Костроме он проработал более 25 лет. Умер архитектор 18 апреля 1822 г.³

Можно представить, какое большое число работ было осуществлено Н.И. Метлиным за 25 лет его деятельности в должности губернского архитектора. Он проектировал и строил буквально все: казармы и лазареты, торговые и общественные здания, жилые дома и церкви, шлагбаумы и мосты... Если свести воедино все эти постройки, расположив их по годам в хронологическом порядке, то составит следующий список работ архитектора.

1796 год. Строительство каменного “богадельного дома” в Костроме с деревянными баней, амбаром и погребом при нем⁴.

1797 год. Строительство на месте разобранного старого дома генерал-губернатора в городе Костроме воспитательного дома для умалишенных⁵.

1799 год. Проектирование здания губернских Присутственных мест на Екатеринославской площади в Костроме⁶. Проект не был осуществлен.

1800 год. Перестройка дома жилого Ф.М. Богомолова на Кинешемской улице в Костроме (ныне ул. Советская, 54). Дом в то время принадлежал А.Г. Грамотину⁷.

1802 год. Проектирование зданий лазарета и народной школы в Костроме⁸.

1806 год. Перестройка в городе Юрьевце Костромской губернии так называемого “старого” Входаиерусалимского собора 1733 года⁹. Собор сохранился.

1806-1807 годы. Ремонт двух каменных корпусов, занимаемых Присутственными местами, в городе Кинешме Костромской губернии¹⁰.

1806-1808 годы. Надзор за строительством в городе Костроме здания губернских Присутственных мест. Здание строилось по типовому проекту, разработанному выдающимся русским зодчим

А.Д. Захаровым. В настоящее время — здание костромского горисполкома (ул. Советская, 1)¹¹.

1808 год. Проектирование неизвестной церкви в Юрьевецком уезде Костромской губернии (северный фасад и план)¹².

1809 год. Строительство по типовому проекту Луиджи Руска здания Масляных рядов в Костроме. Питейный дом в составе этих рядов (пл. Советская, 4) выстроен Н.И. Метлиным по индивидуальному проекту¹³.

1810 год. Проект перестройки сгоревшей полотняной фабрики купцов Волковых в Костроме под здание городской полиции (просп. Текстильщиков, 4)¹⁴.

1812 год. Составление проекта Овощных рядов в Костроме. Осуществлен не был (отклонен архитектором В.П. Стасовым)¹⁵.

1813 год. Постройка каменного флигеля при губернской почтовой конторе в Костроме (ул. 1 Мая, 20-а)¹⁶.

1817-1818 годы. Перестройка Губернаторского дома в Костроме (ул. Дзержинского, 17)¹⁷. Строил по “образцовому” проекту дом жилой А.С. Карцова на Русиной улице в Костроме (ул. Советская, 23).

1819-1822 годы. Наблюдение за строительством по проекту архитектора В.П. Стасова здания Овощных рядов в Костроме. Отступления от проекта — ряды кирпича “уголком” на главном фасаде, особой формы капители — можно приписать Н.И. Метлину¹⁸.

1820 год. Капитальный ремонт и перестройка зданий почтовой конторы 80-х гг. XVIII в. в городе Костроме (ул. Пятницкая, 1/18)¹⁹.

1820-1822 годы. Перестройка в классицистических ордерных формах Архиерейского корпуса в Ипатьевском монастыре под Костромой²⁰. Побывавший в 1821 г. в Костроме известный поэт, переводчик и почетный член Академии наук Д.И. Хвостов так отзывался об этом: “...на месте старинного деревянного Архиерейского дома, вновь строится каменное здание, на которое святейший Синод отпустил 60000 рублей и фасада онаго прекрасная...”²¹.

1821 год. Постройка по типовому проекту Луиджи Руска здания архива губернских Присутственных мест (ул. Свердлова, 2)²².

1822 год. Проектирование каменной церкви Рождества Христова в селе Прискокове Костромского уезда (северный фасад и план)²³. Выстроена в 1838 г.

Известны и другие документально аргументированные работы Н.И. Метлина, но не имеющие даты их производства. Среди них — обмер рассольных колодцев в городе Солигаличе (ориентировочно, конец XVIII в.)²⁴, проектирование Присутственных мест в городе Галиче и часовни в Варнавине²⁵.

Очень важный вопрос в изучении творческого наследия Н.И. Метлина — это анализ стиля мастера. Дело в том, что в некоторых постройках этого архитектора формы и приемы зрелого классицизма соседствуют с элементами стиля барокко, полностью так и не преодоленного. Ясно, что эти барочные черты в архитектуре некоторых зданий, строившихся по проектам Метлина, сообщают последним стилистическое своеобразие. Имеется ли объяснение этому явлению? Да, имеется. Объяснение этому усматривается в том, что архитектурному мастерству Н.И. Метлин выучился у своего отца, ученика архитектурной школы Д.В. Ухтомского, в своих работах придерживавшегося принципов барокко. Эти принципы были переняты Н.И. Метлиным в процессе учебы и перенесены затем в его творческую практику.

Другой не менее важный вопрос в изучении творчества архитектора — расширение круга его работ, ибо вышесоставленным списком работ Н.И. Метлина за 1796-1822 гг. его творческая деятельность, конечно, не исчерпывается. В связи с этим внимание будущих исследователей не сможет не привлечь развернувшееся в Костроме в первой четверти XIX в. каменное строительство по типовым (“образцовым”) проектам. Очевидно, следует считать возможным участие Н.И. Метлина в строительстве, например, таких сооружений, как: Пряничные ряды (XVIII-XIX вв.), дом жилой причта Благовещенской церкви (после 1808 г.), дом жилой Е.Г. Углечаниновой (начало XIX в.), дом жилой С.С. Борщова (1819-1824 гг.), дом жилой И.Ф. Калашникова (10-е гг. XIX в.) и ряда других зданий (все в Костроме).

Представляют интерес и другие аспекты изучения творческого наследия Н.И. Метлина, зодчего, несомненно, талантливого, сыг-

равшего очень важную роль в художественной жизни Костромы первой четверти XIX в.

1. М.В. Дьяконов. К биографическому словарю московских зодчих XVIII-XIX вв. // Русский город. М., 1981. Вып. 4. С. 230-231.
2. Краткая сводка его работ также опубликована. См.: М.В. Дьяконов. Указ. соч. С. 230.
3. ГАКО, ф. 133, оп. 6, ед. хр. 10820, лл. 1-4.
4. ЦГИА СССР, ф. 1293, оп. 168, ед. хр. 86-88.
5. Там же, ед. хр. 90.
6. ГАКО, ф. 176, оп. 1 доп., ед. хр. 5, л. 3.
7. ГАКО, ф. 133, оп. 1, ед. хр. 1228, л. 26.
8. ЦГИА СССР, ф. 1293, оп. 168, ед. хр. 85; там же, ф. 1488, оп. 2, ед. хр. 246.
9. Л.А. Шлычков. Листая времени страницы. Памятники архитектуры Ивановской области. Ярославль, 1983. С. 76.
10. ГАКО, ф. 133, оп.1, ед. хр. 3187, лл. 1-7.
11. Е.В. Кудряшов. Памятники архитектуры Костромы. По улицам и площадям города // Кострома. Путеводитель. Ярославль. 1983. С. 125.
12. Фотоархив Костромской СНРПМ, нег.2394.
13. В.Н. Бочков, К.Г. Тороп. Кострома. Путеводитель. Ярославль, 1970. С. 33-34.
14. ЦГИА СССР, ф. 1488, оп. 1, ед. хр. 258, л. 1.
15. ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 1, ед. хр. 156, лл. 1-51.
16. ЦГИА СССР, ф. 1285, оп. 1 ед. хр. 613, лл. 1-2.
17. ЦГИА СССР, ф. 1488, оп. 1 ед. хр. 239, лл. 1-4.
18. В.И. Пилявский. Стасов-архитектор. Л., 1963. С. 48; Е.В. Кудряшов. Указ. соч. С. 124.
19. ЦГИА СССР, ф. 1289, оп. 15, ед. хр. 139, лл. 1-18.
20. ЯМЗ, отдел архитектурной графики, Ар-370-372, 616. См. также: Л.С. Васильев. Архиерейский корпус Ипатьевского монастыря. Исторический очерк // Краеведческие записки КИАМЗ. Ярославль, 1971. Вып. 1. С. 48-52.
21. Д.И. Хвостов. Путевые записки графа Д.И. Хвостова. М., 1824. С.12.
22. ЦГИА СССР, ф. 1285, оп. 1, ед. хр. 2119, л.1; там же, ф. 1488, оп. 2, ед. хр. 240, лл. 6-7.
23. Фотоархив Костромской СНРПМ, нег. 2390.
24. ЦГИА СССР, ф. 1293, оп. 161, ед. хр. 80.
25. Фотоархив Костромской СНРПМ, нег. 2066, 2388.

О работе нижегородского губернского архитектора И.Е. Ефимова в г. Костроме

Одним из самых известных памятников архитектуры в Костроме эпохи классицизма является, несомненно, здание губернских присутственных мест. Оно находится в центральной части города, на переходе от площади Советской к площади Революции, напротив Гостиного двора (1). Здание было выстроено в 1806-1808 гг. по типовому проекту, разработанному выдающимся русским зодчим А.Д. Захаровым. Это — кирпичное двухэтажное сооружение с антресолями и полуподвалами, в плане прямоугольное, под четырехскатной железной кровлей. В строгом убранстве фасадов применены плоский руст и замковые камни над окнами в 1-ом этаже и кирпичное рамочное обрамление окон 2-го этажа, над которыми выложены сандрики на лепных кронштейнах. Парадный вход в здание был выделен первоначально представительным шестиколонным портиком ионического ордера с наружной лестницей, выложенной из белого камня-известняка. Явно, что назначение здания во многом предопределило его общий внешний облик — выразительный и внушительный, олицетворявший государственную власть

Не прошло, однако, и 30 лет со времени торжественного открытия здания (октябрь 1809 г.), как оно было капитально перестроено¹.

До сих пор неправильно считалось, что эта перестройка в 1832-1833 гг. — ликвидация с улицы белокаменной парадной лестницы, разборка двух средних колонн у портика и тимпана у фронтона, венчавшего первоначальный шестиколонный портик, устройство арочных проходов для пешеходов в постаменте портика и, наконец, переоборудование вестибюля с междуэтажной лестницей и парадным входом — была осуществлена костромским губернским архитектором П.И. Фурсовым². На самом же деле, как неопровержимо свидетельствуют архивные документы, перестройка здания костромских Присутственных мест была выпол-

нена академиком Императорской Академии Художеств, нижегородским губернским архитектором И.Е. Ефимовым, специально с этой целью командированным в Кострому³.

И.Е. Ефимов с большой ответственностью отнесся к поставленной перед ним задаче. Прежде всего он произвел обмеры здания Присутственных мест — его полуподвалов, 1-го и 2-го этажей и антресолей, к 9 марта 1831 г. уже вычерченных и 14 марта того же года утвержденных костромским гражданским губернатором Ланским⁴. Затем И.Е. Ефимов составил смету на перестройку здания⁵. В 1832 г. эта перестройка была начата и к осени 1833 г. окончена: "...в прошлом 1832-м году перестройка здешних губернских присутственных мест ныне [т.е. в октябре 1833 г., — Е.К.] приведена в совершенное окончание, кроме как остается в некоторых комнатах очистить сор и около дома убрать мусор..."⁶. Наконец, в 1833 г. К.Е. Ефимов выполнил "планы костромским корпусам присутственных мест и архивах" в их уже перестроенном виде⁷.

Итак, существующий у костромского памятника оригинальный четырехколонный портик — не первоначальный. Его можно считать вполне самостоятельно творческой работой нижегородского губернского архитектора И.Е. Ефимова. По мнению Г.К. Лукомского, с которым следует согласиться, портику здания "...больше всего отражает Гваренгиевы традиции..."⁸, то есть он выдержан в стиле строгого классицизма. Он решен "...с монументальной аркой, состоит из четырех ионических колонн на мощных пьедесталах. Последние занимают всю высоту первого этажа и отступают на ширину тротуара, а для прохода пешеходов в них сделаны арки. В тимпане треугольного фронтона сделан вырез, а в нем помещен государственный орел. Прелестно, на уровне второго этажа, полукруглое окно со старинною рамою, рустованною арочкою и богатым замком"⁹.

Отметим и определенное значение нового портика у костромских присутственных мест для архитектуры некоторых зданий в городе, строившихся в 30-40-е гг. XIX в. Так, например, классический четырехколонный портик Георгиевской церкви 1772 г., что на Площадке, находившейся вблизи от здания присутственных мест, был выстроен в 30-х гг. XIX в. уже местным зодчим, но

“...бывшим под впечатлением новой могучей арки здания губернского правления”¹⁰. Как и у здания присутственных мест, портик у церкви Георгия выступал прямо на площадь и был увенчан треугольным фронтоном с арочный вырезом тимпана¹¹.

В заключение отметим, что своей работой в Костроме в 1831-1833 гг. Ефимов внес определенный вклад в развитие межобластных архитектурных связей в Поволжье в эпоху классицизма — очень интересного вопроса в истории русской архитектуры, пока еще мало изученного.

1. Перестройка была вызвана тем, что парадная белокаменная лестница перед входом в здание к началу 30-х гг. XIX в. почти полностью была “протоптана от многой ходьбы ногами” (В.Н. Бочков, К.Г. Тороп. Кострома Путеводитель. Ярославль, 1970. С. 104).

2. См.: К.Г. Тороп. Кострома: Памятники архитектуры. Альбом. М., 1974. С. 5.,

3. В достаточно полной сводке творческих работ И.Е. Ефимова, опубликованной Н.Ф. Филатовым, об этой работе не упоминается. Н.Ф. Филатов пишет лишь о том, что “...И. Ефимов осенью 1830 г. был послан в Кострому для “освидетельствования костромского тюремного замка и... уездных присутственных мест в городах Галиче и Макарьево”. Иван Ефимович успешно выполнил задание и получил похвалы костромского начальства...” (Н.Ф. Филатов. Нижегородское зодчество XVII – начала XX века. Горький, 1980. С. 139).

4. ГАКО, ф. 176, оп. 1 доп., ед. хр. 5, л. 4. Одновременно с этим И.Е. Ефимовым были произведены обмеры плана 1-го и 2-го этажей у здания архива Присутственных мест 1821 года, находившегося на ул. Александровской (Там же, л. 4).

5. ГАКО, ф. 133, оп. 2, ед. хр. 7862, л. 6.

6. Там же, л. 15 (см. также лл. 6-6 об., 12-12 об.).

7. Эти чертежи сохранились в копиях, выполненных инженером Львовым (ГАКО, ф. 176, оп. 1 доп., д. 5, л. 6).

8. Г. Лукомский. Барокко и классицизм в архитектуре Костромы // Старые годы. 1913 г., январь. С. 30.

9. Г. Лукомский. Указ. соч. С. 35.

10. Там же. С. 37.

11. Церковное здание не сохранилось.

Новые данные о доме С.С. Борщова в Костроме

Дом жилой С.С. Борщова, находящийся на центральной площади нашего города, принадлежит к лучшим образцам костромской архитектуры эпохи классицизма. О нем имеются сведения в различных путеводителях по городу, в статьях и альбомах, посвященных архитектурным достопримечательностям Костромы XIX в.¹ (1). Однако этот дом, являющийся неотъемлемой составной частью архитектурного ансамбля центра Костромы, изучен еще плохо. В данной статье на основе изучения архивных документов, ранее не использовавшихся прослеживается история дома, устанавливается время его постройки, восстанавливается его первоначальный облик, решается вопрос о его авторе.

В 1817-1819 гг. на том месте, где в настоящее время находится этот памятник архитектуры (ул. Шагова, 1), стоял «постоялой деревянной ветхой дом тайного советника Сергея Семеновича Борщова», оцененный «с дворовою землею» в 1000 руб.² Рядом, по ул. Павловской, находился деревянный флигель, принадлежавший также генерал-лейтенанту С.С. Борщову. Данные некоторых архивных документов, говорящие о постройке на месте этого деревянного флигеля каменного жилого строения (ныне — дом № 2 по просп. Мира), имеют непосредственное отношение к самому дому С.С. Борщова.

29 ноября 1817 г. С.С. Борщов подал на имя костромского губернатора К. И. Баумгартена прошение, в котором говорилось: «Имею я в здешнем губернском городе Костроме деревянное строение на Павловской улице; ныне имею желание построить на оной [улице — Е.К.] каменный флигель по приложенному при сем фасаду высочайше опробованному под № 24-м. О чем Вашего превосходительства покорно прошу сие мое прошение принять и о позволении помянутой постройки учинить кому следует свое предписание...»³ В тот же день 29 ноября 1817 г. С.С. Борщову было дано разрешение на постройку каменного флигеля.

Сломка “деревянного строения” по ул. Павловской произошла по всей вероятности, зимой 1817-1818 гг., а 29 марта 1818 г. С.С. Борщову через полицмейстера Александровской части был отослан план нового флигеля.⁴ Выстроен же был каменный флигель в 1819 г.⁵

Наверное, лишь после того, как был отстроен большой двухэтажный каменный флигель по ул. Павловской, С.С. Борщов приступил к сломке своего ветхого постоянного деревянного дома⁶. Строительство нового, уже каменного жилого дома, начатое в 1819 г., не могло быть завершено к 1821 г.⁷, хотя дом впервые и упомянут под этим годом⁸. Дом был полностью отстроен лишь к 1824 г., т.к. именно с этого года он был переоценен с 7000 руб. до 30000 руб.⁹, — переоценка очень красноречивая, говорящая об окончании всех строительных и отделочных работ по дому. Таким образом, очень точно устанавливается время постройки дома С.С. Борщова, — по данным оценочных ведомостей недвижимых имений Александровской части города Костромы 1-й четв. XIX в. дом был выстроен в 1819-1824 гг. Около 1828 г. это “дом двухэтажной, каменной, с мизинетом, с пристроенным каменным домом [т.е. с флигелем 1819 г., — Е.К.] и деревянный надворным строением и землею господина генерал-лейтенанта и кавалера Сергея Семеновича Борщева — 30000” руб.¹⁰ Дом принадлежал С.С. Борщову и в 1829-1838 гг.

Определение времени постройки дома С.С. Борщова имеет очень важное значение, т.к. привносит почти полную ясность в общую картину застройки центральной площади города Костромы. Эта площади, предназначавшаяся по плану 1784 г. быть застроенной исключительно административными зданиями, оставалась, тем не менее, в течение почти четверти века незастроенной¹¹. Создается впечатление, что в начале XIX в., когда на площади были выстроены каменный постоянный дом “посадского” И.П. Рогаткина (ныне — просп. Мира, 1) и каменный жилой дом причта Благовещенской церкви (ул. Свердлова, 1) застройка площади была пущена “на самотек”, будучи отданной весьма предприимчивому частновладельческому сектору.¹² Не был исключением в этом отношении и дом С.С. Борщова, с постройкой кото-

рого в 1819-1824 гг. добрая половина площади оказалась застроенной не общественно-административными зданиями, а частными жилыми домами. И только в 1824-1827 гг. губернский архитектор П.И. Фурсов сумел “поправить” создавшееся положение; выстроенные им в эти годы здания Пожарной каланчи и Гауптвахты уже соответствовали первоначальному замыслу “комиссии Бецкого” 1781-1784 гг., — превратить центральную площадь города в комплекс казенных, официально-парадных зданий различного назначения.

Рисунок художника Н.Г. Чернецова 1838 г. дает весьма наглядное представление о том, как выглядел первоначально дом С.С. Борщова¹³. Изображение дома помещено в крайней правой части этого тщательно выполненного рисунка, представляющего общий вид Екатеринославской (Сусанинской) площади от Гостиного двора. Главный фасад дома, обращенный на площадь, выделен в своей центральной части восьмиколонным портиком коринфского ордера, установленным на сильно выступающий цоколь, прорезанный арками. Величественная колоннада портика объединяет бельэтаж дома с его мезонином, — композиционный прием, редко встречающийся в жилое архитектуре Костромы 1-й четв. XIX в. Пониженные боковые части дома, в 5 оконных осей каждая, крыты железной крышей, выкрашенной в зеленый цвет. Парадный вход в дом с ул. Марьинской на рисунке не показан, — виден лишь служебный вход с площади в левом крыле дома, имеющий, несомненно, вторичное происхождение. Наконец, фасады дома на этом рисунке отмечены буквой “ж”, что означает, что они были выкрашены в желтый цвет.

После смерти С.С. Борщова, последовавшей, наверное, в 1838 г. дом перешел к его сыну, действительному статскому советнику и камергеру М.С. Борщову, изъявившему желание продать дом городу для размещения в нем квартиры губернатора¹⁴. В связи с этим костромской гражданский губернатор в своем донесении от 2 октября 1839 г. в Департамент искусственных дел Главного Управления путей сообщения и публичных зданий МВД докладывал: “...имея честь представить при сем, вместе с чертежами дому покойного сенатора Барщова,¹⁵ подробную опись оному с

оценкою присяжного аукциониста и архитектора, долгом поставлю присовокупить, что за сей дом, предполагаемый к покупке в казну, для жительства гражданских губернаторов, наследник Борщова выпросил ныне окончательную цену пятьдесят тысяч рублей, которую я нахожу весьма умеренною и не безвыгодною для казны потому, что упоминаемый дом по обширности своей и удобству внутреннего расположения служа украшением города и состоя в центре онаго на главной Сусанинской площади, близъ губернских Присутственных мест, мог бы, в случае помещения губернаторов, кроме удобнейшаго сношения их с помянутыми местами, доставлять еще всегда готовую и спокойную квартиру при Высочайших посещениях...”¹⁶

Опись дома, приложенная к этому донесению, представляет настолько большой научный интерес, что мы приводим ее ниже почти полностью: “Опись, учиненная вследствие предписания правящаго должность Костромского Гражданского Губернатора, последовавшаго в Градскую Полицию, квартальным надзирателем Назимовым, при архитекторе Казенной Палаты г. Попове, каменному дому с принадлежащим к нему строением и землею покойного сенатора Борщова, состоящему в городе Костроме, коего главный фасад на Сусанинскую площадь и боковыя на Павловскую и Марьинскую улицы, — а что имянно описано и во сколько оценено костромеким ценовщиком о том значится ниже сего, — февраля 15 дня 1839 г.

Означенной каменной дом состоит в Костромской Александровской части 3-м квартале под № 1-м длиною на двадцати саженьях с одним аршином, шириною на десяти саженьях и двух аршинах с четвертью, — о двух этажах с мезонетом с колоннами и балконом, у котораго железная решетка, стены как снаружи так и внутри дома ошкотурены, кроме коридора нижняго этажа, крыша покрыта листовым железом и окрашена медянкою на масле, с наружных сторон четыре подъезда с крыльцами, из коих два парадные, над одним из них имеется железный зонт.

В нижнем этаже жилых комнат пятнадцать; в коих полы плотничные не окрашены, коридоры и трое сеней, в коих две лесницы в верхней этаж, передная лесница выкрашена темножелтою

краскою на масле; комнаты и сени выкрашены простыми красками. Окон тридцать восемь с летними и зимними переплетами, кои выкрашены на клею белилами, навешены на железных петлях, а у четырех таковых петель не имеется. Печей красного израсца галанских три, из них одна с чугунной вьюшкой и железной заслонкой, другая с медным душником, а последняя без прибору, таковых: же [печей, — Е.К.] кирпичных тринадцать, из них десять с чутунными вьюшками и железными заслонками и душниками, две с одними вьюшками и душниками, и одна без прибору. Одна русская печь с чугунной вьюшкой и железной заслонкой, при ней очаг без прибору и печь для Аптекарской Лаборатории. Кроме двух все прочия печи выкрашены красками. Дререй филенчатых двухстворчатых выкрашенных белилами на клею тридцать семь, кои навешены на железныя петли, из сих дверей двое с внутренними железными замками, две с одними медными ручьками, две с одними железными скобами, и восемь стекольчатых, из коих одни с медной ручькой, прочия девятнадцать кроме петель никаких приборов не имеют. Дверей плотничных одностворчатых три, навешены на железныя коленчатыя петли, из них одна с железной задвижкой, а последняя с двумя железными скобами.

Во 2 этаже четырнадцать комнат и коридор, кои все росписаны, в некоторых лепныя карниза с орнаментами и модильонами, полы кроме трех комнат все выкрашены все выкрашены желтою масляною краскою, а в некоторых комнатах росписаны под паркет, в гостинной пол дубоваго паркета, в зале устроены хоры, которыя поддерживаются четырьмя лебастровыми статуями, изображающими кореатиды. Окон сорок четыре с летними и зимними переплетами, которыя с их подоконными досками выкрашены белилами, 1-я на клею, а последняя на масле, летния переплеты навешены на железных петлях с медными задвижками, семнадцать же из оных без задвижек. Печей голланских красного израсцу две, и одна белого штучного, таковых же кирпичных шесть, и все с чугунными вьюшками, железными заслонками и медными душниками. Все сии печи кроме израсчатой штучной росписаны колерами под цвет стен. Дверей филенчатых двух-

створчатых семнадцать, кои выкрашены белилами на масле, из них пять на медных петлях, а прочия на железных с медными замками и задвижками, у трех замков нет ключей и трои стекольчатая на медных коленчатых петлях с медными задвижками.

В мезонине шесть комнат, все оцекотурены и выкрашены простыми красками, полы плотничные некрашеные, окон четырнадцать с летними и зимними переплетами, у коих прибор железной, печей галландских кирпичных шесть, с чугунными вьюшками, железными заслонками и медными душниками, дверей двухстворчатых филенчатых девять, из коих две стекольчатые на железных петлях без замков и задвижек.

Во всем доме в оконечных и дверных переплетах стекла вставлены полубелыя.

2. Каменный двухэтажный флигель длиною на четырнадцать саженьях с двумя аршинами, шириною на трех саженьях с двумя аршинами, крыша покрыта в два теса, окрашена красною масляною краскою. В нижнем этаже, — кухня, два погреба и хлевы, окон двенадцать, с одинаковыми переплетами, в кои вставлены зеленые стекла, которыя навешены на железных петлях. В кухне печь с очагом, с чугунными вьюшками и железными заслонками с плитой и котлом. Дверей плотничных одностворных пять, навешенных на железных съемных петлях, из них у двух накладки с пробоями, для висячих замков. Лесница в верхней этаж деревянная плотничная. В верхнем этаже четыре комнаты, из коих три оцекотурены, полы насланы плотничные, а четвертая не оцекотурена и без полу. В сих комнатах две голландския кирпичныя печи, с железными дверцами и чугунными вьюшками. Окон двадцать четыре с летними переплетами, которыя навешены на железных петлях.

3. Конюшни бревенчатая, крытая тесом...стойлов в оной пятнадцать". "К сей конюшне пристроен дощатой сарай, крытой тесом...

4. Другой сарай из пластинника, крытой тесом...

По Павловской улице между домом и флигелем каменной забор, оцекотуреной и окрашен белою краскою, в коем устроены ворота, полотна навешены на железных петлях. С другой сторо-

ны на Марьинскую улицу каменные ворота с двумя калитками... От сих воротных столбов до угла дома Сусанинской площади досчатый забор, с каменными столбами, на каменном фундаменте, с кирпичным цокулем, столбы и цокуль ошкотурены и окрашены белою краскою...

Дом строением и землею — 57012 рублей 99 1/2 коп.

Опись чинил квартальный надзиратель Назимов... При описи находился архитектор Степан Попов¹⁷.

С.С. Борщов и его сын, действительный статский советник и камергер М.С. Борщов, имея постоянное жительство в Петербурге, свой дом в Костроме “запустили”¹⁸. Желая продать его городу, М.С. Борщов пошел на уступки в цене¹⁹, но дом так и не был куплен, так как при новом осмотре его над оконными и дверными проемами были обнаружены трещины²⁰.

Во время пожара 1847 г. дом обгорел и в неотремонированном виде был продан М.С. Борщовым в марте 1849 г. Владимирской губернии александровскому 1-й гильдии купцу Андрею Андрееву Первушину²¹. В том же 1849 г. дом был отстроен “заново”, а в 1852 г. вновь был предложен городу за 25000 руб. серебром, — на этот раз для размещения в нем Присутственных мест²². Сметы на “исправление каменного дома и флигеля купца Первушина в гор. Костроме, предполагаемых приобрести покупкою в казну для помещения в них Присутственных мест” и на “устройство Архив при доме купца Первушина” были составлены в том же 1852 г. губернским архитектором Н. Григорьевым и представлены в Костромскую губернскую Строительную и Дорожную Комиссию²³. В 1852 г. архитектором Н. Григорьевым была составлена и “Пояснительная записка” к сметам и к проекту на исправление дома с флигелем²⁴. А 8 ноября 1852 г. архитектором Н. Григорьевым были подписаны чертежи, выполненные им в связи с намечавшейся покупкой усадьбы С.С. Борщова и перестройкой ее под Присутственные места²⁵.

Видя вполне понятную заинтересованность со стороны города в покупке его дома, купец А.А. Первушин надбавил цену за дом и флигель, доведя ее до 29000 руб. серебром²⁶. Дело стало затягиваться, обрастать перепиской, покупку дома сочли “невыгод-

ной”, купца Первушина просили “обождать” и т.д., пока, наконец, 12 октября 1857 г. министр Внутренних Дел С. Ланской не наложил резолюцию: “...полагаю настоящее дело о покупке сказанного дома оставить без последствий”, а деньги употребить на постройку 4-х новых тюрем в Костромской губернии²⁷. Владельцу дома купцу А. Первушину ничего не оставалось после этого, как превратить свой дом в доходный, устроив в нем “номера” (т.н. гостиницу “Лондон”)²⁸.

В 1868 г., — это “каменный двухэтажный дом с мезонином, каменным двухэтажным флигелем, двумя каменными лавочками, деревянными надворными службами и землею, 9611 р. Купца Ивана Андреева Первушина”²⁹.

И только в 1870 г. дом был, наконец-то, куплен городом для Окружного суда и отчасти переоборудован. Двухэтажный флигель до ул. Павловской был приспособлен под помещение архивов, нотариат и квартиру смотрителя³⁰.

Первоначальное убранство дома С.С. Борцова сохранилось без существенных изменений. К основным средствам художественной выразительности этого памятника относятся восьмиколонный, по-парадному решенный портик коринфского ордера, обращенный на площадь, продольный руст 1-го этажа с удлиненными замковыми камнями над окнами, штукатурное профилированное обрамление окон 2-го этажа с полочками и лепными гирляндами, сложнопрофилированные междуэтажный и венчающий карнизы. Фасад дома с просп. Мира оформлен упрощенным портиком из четырех полуколонн коринфского ордера. Характерны для 1-й четв. XIX в. и арочные окна у парадного портика со стороны площади, выделенные двухчастными замковыми камнями особой формы. Следует считать древней и металлическую решетку балкона у того же портика.

Парадный вход в дом был первоначально со двора (см. опись 1839 г.), а с начала 70-х гг. XIX в. он устроен с Марьинской улицы (ныне — ул. Шагова). Интерьеры в значительной степени переоборудованы. Так, сохранившиеся в доме изразцовые белые печи, а также нарядная чугунная лестница, ведущая из вестибюли во 2-й этаж, могут быть отнесены ко времени перестройки

дома в 1870-1871 гг. Искажена позднейшими изменениями и анфилада больших парадных залов во 2-м этаже, своими окнами выходящих на площадь³¹. Однако т.н. коридорная система планировки дома достаточно хорошо сохранилась.

Вопрос об авторе дома С.С. Борщова требует специального рассмотрения. Существует мнение, что дом "...построен в 1830-х гг., по-видимому, автором его проекта был Фурсов"³². Однако это мнение ошибочное, т.к. в то время, когда дом был начат строительством (1819 г.) архитектор П.И. Фурсов в Костроме еще не работал. Более точен был в своем предположении Г.К. Лукомский, считавший, что дом выстроен по т.н. "образцовому" проекту для зданий дворянских собраний в губернских городах России 80-90-х гг. XVIII в.³³ На самом же деле, дом построен по образцовому проекту № 11³⁴, а его фасад по просп. Мира имеет архитектурное решение, очень близкое к композиции фасада дома А.С. Карцова 1815-1824 гг. в гор. Костроме (ул. Советская, 23), строившегося по типовому "апробированному" проекту. В уменьшенном масштабе схож с домом С.С. Борщова и небольшой каменный жилой дом 10-х гг. XIX в. купца И.Ф. Калашникова в Костроме (ул. Островского, 10), имевший до перестройки 1887-1888 гг. мезонин на месте существующего 2-го этажа и выстроенный также по типовому проекту. Одновременно с этим, нельзя исключить и возможное участие в строительстве дома С.С. Борщова костромского губернского архитектора Н.И. Метлина (1770-1822), — автора целого ряда жилых, торговых и общественных зданий гор. Костромы 1-й четв. XIX в.³⁵

Подведем итоги.

Во-первых, — дом жилой С.С. Борщова был выстроен не в 30-х гг. XIX в., как считалось ранее, а в 1819-1824 гг., когда на площади еще не было ни Пожарной каланчи, ни Гауптвахты, построенных по проекту П.И. Фурсова лишь во 2-й половине 20-х гг. XIX в.

Во-вторых, — дом С.С. Борщова построен на основе типового "образцового" проекта, использование которого в жилом строительстве русской провинции 1-й четв. XIX в. было явлением обычным, а зачастую и обязательным. Необычно здесь другое, — то, что дом построен по типовому проекту не где-нибудь вдали

от центра городам, а непосредственно на его центральной площади. Такое стало возможным и потому, что заказчиком дома был С.С. Борщов, генерал-лейтенант, сенатор, тайный советник, владевший “крепостной” землей в этой части города, и потому что типовый проект, на основе которого построен дом, носил “дворцовый” характер.

В-третьих, — полностью восстановлена история дома, из которой видно, что дом, — наверное, из-за своего местоположения на центральной площади города, — был мало пригоден для частного жилья. Его все время стремились продать городу, — то для жительства губернатора, то для размещения в нем Присутственных мест. Вряд ли жил в доме и его застройщик, С.С. Борщов, “запустивший” его и проживавший, наверное, во время своих приездов в Кострому в другом своем доме на ул. Московской (ныне — дом № 31/23 по ул. Островского), купленном у подполковника А.А. Скрипицына и принадлежавшем С.С. Борщову в 1821-1837 гг.

И, в-четвертых, — первоначальный архитектурный облик дома и, в частности, его фасадное убранство достаточно хорошо сохранились. В этом убеждает нас и известный рисунок Н.Г. Чернецова 1838 г. “Вид Сусанинской площади в Костроме” и подробная опись домовладения 1839 года, имеющие очень важное значение в изучении этого памятника архитектуры.]

1. В.К. и Г.К. Лукомские. Кострома. СПб., 1913. С. 306; Г. Лукомский. Барокко и классицизм в архитектуре Костромы // Старые годы 1913, январь. С. 35; Ф. Рязановский. Памятники искусства и старины. Кострома // Прошлое и настоящее Костромского края. Кострома, 1926. С. 131; В.Н. Иванов, М.В. Фехнер. Кострома. М., 1955. С. 82, 102; Кострома. Путеводитель-справочник. Кострома, 1963. С. 281-282; В. Иванов. Кострома М., 1970. С. 38-40; В.Н. Бочков, К.Г. Тороп. Кострома. Путеводитель. Ярославль, 1970. С. 38-40; А.Л. Мартынова. Кострома. М., 1970; Н.А. Коротков. Архитектурный ансамбль центра города Костромы // Ученые записки КГПИ им. Н.А. Некрасова. Кострома, 1972. Вып. 21. С. 171-173, 176; Кострома. Краткий исторический очерк. Ярославль, 1978. С. 32; В. Иванов. Кострома. М., 1978. 2-е изд. С. 151-152.

2. ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 383, л. 85 (в доме в 1817 г. было всего 6 “покоев”). См. также: ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 403, л. 60.

3. ГАКО, ф. 133, оп. 1, ед. хр. 7358, лл. 1-1 об.

4. Там же, л. 2.

5. Вместо обычных 10 руб. налога на свое недвижимое имение С.С. Борщов уплатил в 1819 г. уже 70 руб., что объяснимо лишь постройкой к этому времени каменного флигеля. См.: ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 403, л. 60; там же, ед. хр. 404, л. 107.

6. У описания дома на 1817 г. имеется приписка на полях — “сломан” (ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 383, л. 85). Эта приписка, сделанная другим почерком и иными чернилами, относится, по нашему мнению, ко времени составления новой оценочной ведомости на недвижимые имения Александровской части гор. Костромы (1819 г.).

7. См.: В. Бочков. Славен город Кострома // Огонек, 1978, № 50. С. 25.

8. “Два каменные дома [т.е. флигель и собственно дом — Е.К.] генерал-лейтенанта Сергея Семеновича Борщова строением и землею — 7000” руб. (ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 449, л. 115 об.). Дело в том, что денежная оценка усадьбы С.С. Борщова в 1821 году не изменилась, — как в предыдущие 1819-1820 годы она была оценена в 1821 году в 7000 руб. (ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 404, л. 107). Однако дом, наверное, уже возвышался на площади и его видел в 1821 году проезжавший через Кострому граф Д.И. Хвостов: “Дом Сергея Семеновича Борщова на большой площади” (Д.И. Хвостов. Путевые записки графа Д.И. Хвостова. М., 1824. С. 12).

9. ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 404, л. 107.

10. Там же, ед. хр. 683, л. 92. В 1828 году дом был оценен уже в 35000 руб. (там же л. 92).

11. На рубеже XVIII-XIX вв. губернский архитектор Н.И. Метлин попытался застроить площадь зданиями Присутственных мест, но оба его проекта, к сожалению, не получили поддержки в Петербурге.

12. Здание Губернских Присутственных мест (ул. Советская, 1), построенное в 1806-1808 гг. по “образцовому” проекту, занимает “промежуточное” положение в системе застройки Екатерининской площади, — своим главным фасадом с шестиколонным портиком (портик получил существующий вид в результате перестройки 1832-1833 гг.) это здание было обращено не в сторону площади, а в сторону Гостиного двора, т.е. оно было поставлено на переходе от Екатерининской площади к площади Воскресенской, как бы связывая воедино архитектурные ансамбли этих двух площадей. В сторону же Екатерининской площади здание Присутственных мест выходит своим северо-западным торцовым фасадом, маловыразительным в архитектурно-художественном отношении.

13. ГРМ, Р. 47959.

14. В 1858 году дом продавался за 55000 руб. (ЦГИА СССР, ф. 218. оп. 4, ед. хр. 8, л. 9).

15. Эти чертежи были сделаны, наверное, костромским губернским архитектором М.М. Пправе, скончавшимся в декабре 1838 г. В архивном деле этих чертежей нет.

16. ЦГИА СССР, ф. 218, оп. 4, ед. хр. 8, лл. 26-26 об.

17. ЦГИА СССР, ф. 218, оп. 4, ед. хр. 8, лл. 27-30 об. Оценщиком дома был купец В. Стригалева. Губернский архитектор С. Попов в 1839 г. выполнил также обмеры дома, по которым вычертил планы, фасады, разрезы, составил смету на ремонт дома.

Кроме этой описи, имеющей исключительно важное значение для реконструкции первоначального облика как самого дома с флигелем, так и всей усадьбы Борцовых в целом, имеется указание и на время постройки дома С.С. Борцова. Костромская "...Градская полиция 13-го декабря 1839 года представила в Комиссию [проектов и смет, — Е.К.] сведение, из которого видно, что дом тот окончен постройкою в 1824 году" (ЦГИА СССР, ф. 218, оп. 4, ед. хр. 8, л. 45 об.). Это известие, однако, менее точное, чем наша датировка памятника (1819-1824 гг.), осуществленная по данным Оценочных ведомостей недвижимых имений Александровской части гор. Костромы 1-й четв. XIX в.

18. "Дом по-видимому, хозяином запущен..." (ЦГИА СССР, ф. 218, оп. 4, ед. хр. 8, л. 35).

19. ЦГИА СССР, ф. 218, оп. 4, ед. хр. 8, лл. 205-205 об., 225-225 об. (1845 г.)

20. Там же, л. 70. Однако дом не был куплен "в казну" не столько по этой причине. Дело в том, что в 1842 г. проект перестройки зданий бывшей Гимназии под дом губернатора был уже утвержден импер. Николаем I, — петербургское начальство не могло, конечно, пойти против "высочайшей воли". Уместно здесь сказать, что во время перестройки бывшего дома губернатора, последний временно проживал все-таки в доме С.С. Борцова.

21. ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 1564, л. 5.

22. "...Александровский 1-й гильдии купец Андрей Первушин... изъявил желание уступить в казну каменный двухэтажный дом, крытый железом, с каменным же при оном флигелем в г. Костроме за 25 т. руб. сереб., в чем и дал надлежащую подписку..." (ЦГИА СССР, ф. 218, оп. 4, ед. хр. 529, 1852-1857 гг., лл. 2-5).

23. ЦГИА СССР, ф. 218, оп. 4, ед. хр. 529, 1852-1857 гг., лл. 25-74.

24. Там же, лл. 75-84.

25. Там же, лл. 22-24. Неосуществленный в 50-х гг. XIX в. проект переустройства дома С.С. Борцова, разработанный архитектором Н. Григорьевым, был, наверное, использован позднее, в 1870-1871 гг. и когда дом был наконец-то куплен городом и в нем разместился Округной суд.

26. Там же, л. 85.

27 Там же, л. 178.

28. В этой гостинице в 60-х гг. XIX в. мог останавливаться во время своих нередких приездов в Кострому великий русский поэт Н.А. Некрасов См.: Мизенец. Об одном из костромских знакомств Н.А. Некрасова // Костромской листок, 1902 г., 29 декабря. С. 3.

29. ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 2414, л. 165 об.

30. ЦГИА СССР, ф. 1293, оп. 166, 1870 г., ед. хр. 82, л. 1 (чертежи в деле в виде копий на кальке, выполненные в ноябре 1870 г., подписаны арх. Меркуловым).

31. Т.н. "двусветного зала", о котором надуманно писали костромские краеведы, у дома С.С. Борцова никогда не было. См.: В.Н. Бочков, К.Г. Тороп. Кострома. Путеводитель. Ярославль, 1970, С. 40; В. Иванов. Кострома. М., 1970. С. 118.

32. В. Иванов. Кострома. М., 1978. 2-е изд. С. 151.

33. В.К. и Г.К. Лукомские. Кострома. СПб., 1913. С. 311.

34. "Собрание фасадов...высочайше апробированных для частных строение в городах Российской империи", чч. I-IV. СПб., 1809-1812.

35. Н.И. Метлин мог вести архитектурный надзор за строительством дома. Укажем здесь, в частности, на то, что в архитектурном наследии Н.И. Метлина имеются постройки, близкие по их архитектурному решению дому жилому С.С. Борцова. Таков, например, Архиерейский корпус костромского Ипатьевского монастыря, выстроенный по проекту Н.И. Метлина в 1820-1822 гг. и известный по рисунку Н.Г. Чернецова 1838 г. (отдел рисунка ГРМ). См.: Л.С. Васильев. Архиерейский корпус Ипатьевского монастыря. Исторический очерк // Краеведческие записки Костромского историко-архитектурного музея-заповедника. Ярославль, 1973. Вып. 1.

МОНУМЕНТАЛЬНОЕ И ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО КОСТРОМСКОГО КРАЯ

К биографии Любима Агиева

О Любиме Агиеве — основоположнике так называемой костромской школы стенового письма XVII в. — исследователи до сих пор не располагают биографическими сведениями. Известно только, как распределяются работы этого мастера по времени, где они были выполнены и с кем работал живописец¹. Хотя и весьма краткое, но ценное сведение об этом художнике содержится между тем в «Материалах для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии XV-XVIII вв.», опубликованных В. и Г. Холмогоровыми в 1912 г.² Приведем его полностью: «137-138 [1629-1630 гг.] вотчина чуда арх. Михаила и в. чуд. Олексея по государеве жаловальной вотчин грамоте 93 г. и по сотной книге 104 г. да по сотной же книге 104 и 105 г. писано:

Погост Шунга на озере Шунецком, а на погосте церковь Покров Богород., да теплая церковь св. ап. Петра и Павла древяны клетки, а и церквах образы и свечи и книги и ризы и колокола и всякое церк. строение мирское, а на погосте поп Василий Исаков, дьячек Степанко Семенов, пономарь Ондрюшко Сидоров, просв. Анница, да 6 келей, а в них живут нищие питаются от церкви божии, двор монастырской, 2 дв. детенышев, дв. земского дчк., дв. Иконника Любимки Агиева [курсив мой, — Е.К.], крест и боб. 31 дв.»³ Таким образом, безуспешные поиски каких-либо исторических сведений о Любиме Агиеве по городу Костроме объясняются просто — мастер не жил на костромском посаде, а проживал в первой трети XVII в. на погосте Шунга Минского стана, в вотчине московского Чудова монастыря⁴. Представляется также возможным считать, что дополнительные данные о жизни и работе художника содержатся в архиве московского Чудова монастыря конца XVI — начала XVII вв.⁵

Имя и фамилия художника Любим Агиев — лишь наполовину «подлинные». В надписи на южной стороне юго-западного столпа ярославской церкви Николая Надеина мы находим настоящее имя этого мастера — «костромитин Иоаким Агиев сын Елепенков, а прозвище Любим». Можно предположить, что подобно

некоторым другим костромским живописцам XVII в., Иоаким Агеев сын Елепенков получил прозвище по месту своего жительства⁶ — погост Шунга, где он проживал, находился “по дороге к Любиму”⁷. Что же касается его подлинной фамилии — Елепенков, то мы располагаем данными, свидетельствующими о том, что в той же “Чюдовской слободке” (т.е. на погосте Шунга под Ипатьевским монастырем) в первой половине XVII в. проживали два брата художника, о профессиональной занятости которых источники, однако, не сообщают⁸.

Остается добавить, что творческую деятельность Любима Агиева можно ограничить временем от конца XVI в. до 1643 г.⁹ Умер художник, по-видимому, около 1644 г.

1. И.Е. Забелин *Материалы для истории русской иконописи* // ВМОИДР. Кн. 7. М., 1850. С. 8–9; Д.А. Ровинский. *История русских школ иконописания до конца XVII века* // Записки имп. Археологического общества. Т. VIII. СПб., 1856. С. 127; А.И. Успенский. *История стенописи Успенского собора в Москве*. М., 1916. С. 58; А.И. Суслов, С.С. Чураков. Ярославль. М., 1960; С.С. Чураков. *Отражение рублевского плана росписи в стенописи XVII в. Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры* // Андрей Рублев и его эпоха. М., 1971. С. 194–212. Подписными работами Л. Агиева являются росписи церкви Николая Надеина в Ярославле (1640) и Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря (1641).

2. В. и Г. Холмогоровы. *Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии XV–XVIII вв.*, вып. 5, Костромская и Плесская десятины. М., 1912.

3. Там же. С. 58.

4. “Шунга находится в 7 верстах от Костромы, на левом берегу Волги, за Ипатьевским монастырем, по дороге к Любиму” [курсив мой — Е.К.] — В.И. Лествицын. *Записки изографа Василия Никитина 1745 года*. Ярославль, 1882.

5. Погост (а затем — село) Шунга с прилежащими деревнями с конца XVI и в течение XVII–XVIII вв. были вотчиной этого монастыря (В. и Г. Холмогоровы. *Указ. соч.* С. 57–58).

6. Также по месту жительства получили прозвища такие костромские художники XVII в., как Василий Ильин “Запокровский” (проживал в Костроме за церковью Покрова Богородицы, что в Царевской улице, “у Богоявленских у Святых ворот”), Яким Андреев “Зажарский” (родом из-за Жарков, деревни около Шунги) и др.

7. См. прим. 4. Не исключены, однако, и другие толкования его прозвища.

8. В 1649 г. там "...был...двор Ивашка да Ондрюшки Елепенковых. И Ивашко и Ондрюшка померли в мор во 163 [1654] году" (ГАКО, ф. 558, оп. 2, ед. хр. 134, л. 479 об.).

9. В 1642-1643 гг. он еще принимал участие в росписи Успенского собора Московского Кремля.

Юрьевецкие изразцы

Среди керамических изделий, распространявшихся на огромной территории Русского государства в XVII в., до сих пор значительная роль отводилась московской Гончарной слободе. Однако сейчас большинство исследователей приходят к заключению, что в это время несомненно существовали и провинциальные центры по производству архитектурной керамики — Ярославль, Ростов, Суздаль, Рязань, Кострома. В частности, о вероятном производстве ценинных изразцов в Поволжье и о распространении этих приволжских изразцов вплоть до Иосифо-Волоколамского монастыря писали в свое время многие исследователи.¹ Эти же приволжские изразцы можно дифференцировать и более четко, то есть связать их производство с конкретным поволжским посадом (Ярославль, Кострома, Балахна, Нижний Новгород).

Своеобразными памятниками верхне-волжской архитектурной керамики следует считать изразцы разобранной в 1955 г. Благовещенской церкви города Юрьевца Поволжского. Благовещенский храм в Юрьевце был построен около 1700 г. на средства “лутчего” юрьевецкого посадского человека Ф.К. Ситникова. Храм был поставлен на волжском берегу и оказался первым каменным культовым зданием в юрьевецком посаде. Благовещенская церковь была выстроена бесстолпной, пятиглавой, трехапсидной, с четырехскатным покрытием. С западной стороны заподлицо с четвериком была построена трапезная, на торце которой стояла ярусная колокольня. Сильно вытянутый в высоту четверик храма, выделенный спаренными и строеными окнами в два света, широким карнизом, лентой кирпичных балясин и глубокими подковообразными кокошниками, был перекрыт сомкнутым сводом с глухой шельгой. Углы четверика были закреплены лопатками. Купола церкви имели зеленое керамическое покрытие.

В Благовещенской церкви изразцами были украшены не только верхние части ее фасадов (на уровне карниза здания по всему его периметру проходил изразцовый фриз, составленный из крупноразмерных керамических плит), но и карнизы апсид и трапез-

ной, а также наличники окон. Общим свойством этих изразцов является их ярко выраженная архитектурная функциональность — они не только декорировали здание, но и подчеркивали его отдельные архитектурные формы и детали (карнизы, наличники, тимпаны фронтона завершения последних и т.д.).

Наиболее интересными были изразцы фриза, зажатого в карнизе здания так называемыми городками с “витьем”. Фриз был составлен из крупных по размеру (420 x 430 мм) керамических звеньев, объединенных общим сюжетным изображением. С тыльной стороны каждой из плит фриза была устроена румпа “ящичной” конструкции с глубиной в 83 мм. Она заполнялась наружными концами кирпичной кладки стен и заливалась известью. На зеленом фоне фриза четко выделялись рельефные растительные побеги, окрашенные поливой в желтый, белый, коричневый и синий цвета. Они ритмично поднимались, и опускались из “рожков”, которые были в свою очередь вставлены в узкое горлышко и в поддон массивных кувшинов. По сторонам этих сосудов располагались цепочки бусин и стилизованные изображения львиных голов, “дыхание” которых поднималось вверх спиралью наподобие дымка. Полива городчатого пояса состояла из чередующихся полос белого и зеленого. Растительный орнамент фриза был достаточно крупным и хорошо просматривался с земли.

В карнизе апсид и трапезной Благовещенской церкви находились поставленные на ребро изразцы “малой руки” с зеленым матовым фоном. Рельеф этих изразцов уже плоский, а композиционное построение изобразительного мотива носит центростремительный характер. Точно по изометрическому центру каждого такого изразца расположены в орнаментальном обрамлении изображения сиринов, неясытей, павлинов с распущенными веером хвостами, а также “райских” птиц с коронами на голове. Здесь же представлены попугаи, клюющие ягоды, и взлетающие с цветка голуби. Ближайшей аналогией этим изразцам являются сюжетные полихромные изразцы Сергиевской церкви в Нижнем Новгороде.

Оконные проемы Благовещенской церкви обрамлялись керамическими наличниками с растительным орнаментом. На зеленом поле этих изразцов эффектно выделялись синие, желтые, мутно-

белые и коричневые растительные побеги, цветы и листья. Интересно и выразительно были решены композиции тимпанов в наличниках окон. Завершение каждого из наличников состояло из шести изразцовых плит, составлявших уравновешенную декоративную композицию. Ее строгую архитектонику подчеркивали изображение вазы с распустившимся стилизованным цветком и тесаные в кирпиче балясины в нишах. По сторонам от вертикальной композиционной оси располагались в геральдическом противостоянии изображения разъяренных льва и единорога. Своего рода “зеркальность” их противостояния усилена симметрично расположенными по сторонам тимпана двумя изразцами с волнообразными завитками — декоративный мотив, который многократно встречался в XVIII в. в орнаменте кованных железных решеток и в силуэте дверных ручек-щеколд.

Изображение льва и единорога встречается еще на одном изразце из той же Благовещенской церкви.² Размеры его сторон 285x280 мм, толщина — 12 мм; на тыльной стороне он имеет “ящичную” румпу. На лицевой поверхности изразца изображен распустившийся цветочный бутон, слева и справа от которого расположены опять же в геральдическом противостоянии лев и единорог. У единорога выделены густо-синий круп, белый хвост и схематично прорисованная голова с длинным острым рогом. Хвост вставшего на задние лапы льва закинут на спину и оканчивается желтой шишкой, разметающаяся грива закрывает половину окрашенного в белый цвет туловища зверя. Рельеф изразца в разных частях изображения различный: если центральная часть плитки с распустившимся бутоном очень высокая (горельеф), то в очень низком, плоском рельефе изготовлены рассеянные по зеленому фону изображения желтых, коричневых и белых цветков. Изразцы подобного типа встречались в декоративном убранстве церкви Николая Мокрого в Костроме и на трехпролетных Святых воротах толчковской церкви Иоанна Предтечи в Ярославле (оба памятника датируются концом XVII в.). Однако, если в Ярославле этот тип изразцов не получил почти никакого развития, то в Костроме его сюжет был особенно популярен — геральдические композиции со львом и единорогом встречались здесь и в народ-

ной резьбе пряничных досок, и в белокаменных рельефах Святых ворот Воскресенской церкви на Девре, и в крестьянской вышивке полотенец.

Сюжеты изразцов “малой руки” с трапезной и апсид юрьевецкой Благовещенской церкви восходят, несомненно, к соответствующим сюжетам зеленых изразцов, а через них — к весьма распространенным в XVII в. “азбуковникам”. Слегка модернизированные и уменьшенные изображения на этих изразцах, отсутствие каких-либо надписей и т. п. позволило Н. Воронову и И. Сахаровой считать их в эволюции древнерусской керамики “...промежуточным звеном между сюжетными изразцами и изразцами с птицами”³. Как о повторении поливных многоцветных изразцов “малой руки” XVII в. можно говорить об архитектурной керамике Казанской церкви города Юрьевца⁴. В тимпанах оконных наличников этого храма были выложены пятицветные изразцы с растительным и геометрическим орнаментом. Несколько таких печных изразцов (они были, конечно, предназначены для облицовки зеркала печи, а вовсе не для наружной декорировки храма) хранятся в собрании Юрьевецкого краеведческого музея.

Тот факт, что изразцовый фриз нижегородского Благовещенского собора 1697 г. был идентичен юрьевецкому⁵, а полихромные сюжетные изразцы Благовещенской церкви в Юрьевце аналогичны архитектурной терракоте Сергиевской и Успенской церквей в том же Нижнем Новгороде, позволяет считать юрьевецкую ценинную майолику привозной. Она была изготовлена, по всей вероятности, или в самом Нижнем или в Балахне.

Оставшиеся до сих пор малоизвестными изразцы Благовещенской церкви в Юрьевце имеют принципиальное значение в истории русской средневековой майолики. Они образуют вместе с балахнинскими и нижегородскими изразцами вполне самостоятельную стилистическую группу и стоят несколько особняком как от ярославских изразцов, так и от московской ценины второй половины XVII столетия. Ярким и горячим цветам московской и ярославской “изразцовых” школ Балахна, Юрьевец и Нижний Новгород противопоставили приглушенные палевые краски, которые кажутся особенно уместными на травянистом, матово-зе-

леном фоне. Спокойным, каким-то умиротворенным цветом горят в юрьеveckих изразцах желтые и коричневые растительные побеги и голубые чашечки полевых цветов, выделяя и подчеркивая центральное сюжетное пятно. Тонкая музыкальная гармония колористической гаммы юрьеveckих изразцов роднит их со скромными, но глубокими красками местных икон и с ковровой бархатистостью стенописи 1700 г. той же Благовещенской церкви.

Сохранившееся в древнерусском искусстве цельное отношение к природе и к ее красоте отчетливо видно в тех же юрьеveckих изразцах. В них фауна и флора образуют неразрывное целое, а сказочное переплетается с обыденным. В юрьеveckой архитектурной керамике мы встречаем не только клюющих ягоды голубей, но и павлинов, сладкоголосых сиринов, жертвующих собой неясней, разъяренных львов и единорогов. Иногда растительный побег "прорастает" львиной головой, формы которой достаточно умело вписаны в общую декоративную композицию. Флора незаметно для глаза переходит в фауну и наоборот.

Поволжские изразцы не развились в некий трафарет или общую форму стандарта, как это случилось в Москве и Ярославле из-за утвердившейся там моды на изразцы с растительным и геометрическим орнаментом и с птицами. Красные, зеленые или полихромные поволожские изразцы в течение всего XVII в. оставались типично сюжетными. Не менее устойчивой в XVII столетии была и конструкция этих изразцов, раз и навсегда сохранивших за собой свою "ящичную" румпу и свою тонкостенность. Поволжская архитектурная терракота была также очень тесно связана с народной резьбой по дереву (пряничные доски, детские игрушки, "манеры" для набоек и т.д.) и прямо или косвенно отражала художественные вкусы посадских людей XVII в.

В общем развитии древнерусской архитектурной майолики юрьеveckие изразцы, подобно балахнинским, нижегородским или ярославским, по праву занимают одно из ведущих мест.

1. М.Г. Рабинович. Московская керамика // МИА СССР. № 12. М.-Л., 1949. С. 82; Н.В. Воронов. и И.Г. Сахарова. О датировке и распространении некоторых видов московских изразцов // МИА СССР. №

44. М., 1955. С. 97; Н.В. Воронов и Н.Б. Блохина. Ярославские изразцы // Краеведческие записки Ярославского областного краеведческого музея. Вып. 1. Ярославль, 1956. С. 113, 120; А.И. Суслов и С.С. Чураков. Ярославль. М., 1960. С. 93.

2. Находится в собрании Костромского областного музея изобразительных искусств.

3. Н.В. Воронов и И.Г. Сахарова. Указ. соч. С. 86.

4. Храм был выстроен в 1753 г.

5. См. С. Агафонов. Горький. Балахна. Макарьев. М., 1969. С. 70, илл.

11.

Редкий вид жиковин из Костромы

В 1968 г. в старинной Богословской слободе, находящейся около Ипатьевского монастыря в Костроме, нами были обнаружены шесть железных петель-жиковин, прикрепленных при помощи подставов к веревям ворот и калитке дома № 16/2 по улице Клубной. Одна из найденных петель вскоре после того была опубликована¹.

Петли имели весьма необычный вид. Четыре из них — воротные — представляют собой так называемые зооморфные жиковины, схожие с изображением дракона в древнерусском искусстве². Эти жиковины имеют голову волка, пасть которого оскалена, а язык высунут, и туловище змеи. На голове торчат слабо развитые, но острые уши, а змеевидное туловище зверя с четырьмя схематично изображенными, согнутыми лапами переходит в закрученный петлей, упругий хвост, оканчивающийся стреловидным, острым жалом. Извивающийся хвост дракона раскован молотом и обработан пуансоном в виде глубоких насечек-лунок, напоминающих чешую. Ударом пробойника сделаны на петлях круглые отверстия для гвоздей, что сразу же оживило зверей, придав им “правдоподобный” вид.

Упрощенным вариантом этих зооморфных жиковин являются две петли с калитки-ворот того же дома. Действительно, обе петли очень близки к вышеописанным, но не являются полностью зооморфными; со своими соседями они сохраняют лишь формальную схожесть: у них утолщенное, как будто вздувшееся туловище с четырьмя лапами и длинный, закрученный в петлю хвост. Декоративное начало в обеих петлях увеличено — лапы зверя трактованы как завитки-воллютки, конец хвоста раскован в виде цветочного листа, а сам хвост прочеканен пуансоном под чешую, лишь на одной из петель пасть зверя не обозначена вовсе. Обе петли воспринимаются как бы незавершенными, что, наверное, ошибочно, так как мастер ставил в работе над этими изделиями несколько иные задачи.

В 1973 г. все шесть жиковин поступили в Костромской историко-архитектурный музей-заповедник³, после чего были более

тщательно изучены. Исследованием установлено, что петли изготовлены в технике кузнечной художественнойковки. Они сделаны целиком из сварочного железа, полученного кричным способом⁴. (В микрошлифе — увеличение $\times 400$ — видны в зернах феррита и, более темных, перрита неметаллические включения, представляющие собой шлак, оставшийся в металле после проковки крицы под молотом). Петли несколько отличаются одна от другой, что вполне естественно⁵. Зооморфные жиковины имеют следующую длину: № 1 — 73 см; № 2 — 78 см; № 3 — 81 см; № 4 (с отломанным концом хвоста) — 72 см. Эти жиковины толстые и довольно тяжелые, вес одной из них равен 4 кг 320 г. Петли, снятые с калитки ворот, напротив, весьма тонкие, длиной 71 и 56 см⁶ и весом, приблизительно, по 1 кг 600 г. При визуальном обследовании жиковин авторских клейм на них не обнаружено.

Крупные размеры всех шести жиковин, их большая длина и значительный вес, идентичность форм, схожесть орнамента и способа нанесения его на металл, — все это позволяет считать, что жиковины были выполнены одновременно, одним мастером и составляли кузнечный наряд первоначальных ворот слободской избы. Однако, когда же они были изготовлены?

Датировать “богословские” жиковины из Костромы следует осторожно. Мы не можем отнести их к XVII в., так как, насколько нам известно, зооморфность в таком развитом виде, как у этих жиковин, в кузнечных изделиях XVII в. не культивировалась⁷. Как показало натурное обследование дома № 16 2 по ул. Клубной, проведенное для Свода памятников истории и культуры, изба, хорошо сохранившаяся, кстати, но застроенная и обшитая с фасадов тесом, была срублена не раньше 2-й половины XVIII в. Исследуемые жиковины и предназначались, наверное, для ее ворот. С другой стороны, можно предположить, что жиковины изготовлены одновременно с большим комплексом кузнечных работ, выполненных в 1765-1766 гг. в связи с постройкой кирпичной ограды вокруг слободской церкви Иоанна Богослова (1681-1687). Железная кованая решетка в ограде этой церкви датируется 1765-1766 гг., а изба, у ворот которой обнаружены жиковины, стоит

напротив церкви. То есть, жиковины могли быть изготовлены также в 1766 г.

Укажем на то, что Богословская слобода за рекой Костромой была в XVIII в. довольно крупным центром кузнечного ремесла. Кузнецы этой слободы работали главным образом на привозном сырье — укладе. Они чинили часы на монастырской звоннице, ковали ножницы, ключи, светцы, врезные замки, подсвечники, крюки и петли, наваривали топоры⁸. Иными словами, местное происхождение исследуемых жиковин сомнений не вызывает.

В заключение скажем, что все шесть “богословских” жиковин являются уникальными кузнечными изделиями. Их не с чем сравнить, у них нет аналогий. Ни в одной из коллекций черного металла XVII-XIX вв. — в музее “Коломенское” в Москве, в музеях городов Ярославля, Иванова, Ростова Великого, Вологды, Устюга Великого, — с которыми знаком автор этой заметки, жиковин подобного вида нет. Моменты некоторой загадочности в происхождении этих жиковин мы не снимаем. Однако научная значимость этих художественно выполненных кованых изделий из Костромы бесспорна.

1. Е.В. Кудряшов. Музей деревянного зодчества в Костроме. Ярославль, 1971. С. 20-21 (фото).

2. Например, в белокаменной монументальной скульптуре домонгольского времени. См.: Г.К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польский. М., 1964. С. 120-124, табл. XIII б, XIV а.

3. Фонды музея, КОК № 21040/1-6.

4. Крица — шарообразная железная масса, чаще всего природного происхождения, весом от 3,5 до 4,5 кг.

5. “Обычные кузнечные изделия, изготовленные путем свободнойковки даже одним кузнецом, всегда будут по форме так или иначе отличаться одно от другого” (Б.А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // Материалы и исследования по археологии СССР. 1953, № 32. С. 204).

6. У петли длиной 71 см ушка для подставка нет, оно отломлено. У петли длиной 56 см отломлен конец.

7. См.: Н.В. Левинсон. Изделия из цветного и черного металла // Русское декоративное искусство. Т. 1. М., 1962. С. 324; А.В. Никитин. Железные украшения Коломенского дворца XVII в // Культура

Древней Руси. М., 1966. С. 168-172; А.Е. Горенко. Художественный металл в русской архитектуре XVIII-XIX вв. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1972.

8. См. также: В.Г. Брюсова. Ипатьевский монастырь. М., 1982. С. 71.

Комментарии

I. КОСТРОМСКОЕ КАМЕННОЕ ЗОДЧЕСТВО XVI-XVII вв.

К вопросу о первоначальных формах Успенского собора в Костроме

Статья написана в начале 1970-х гг., опубликована в сборнике "Культура средневековой Руси", Л., 1974, с. 146-150. Печатается по тексту сборника.

Архитектурные памятники Ипатьевского монастыря XVI-XVII вв.

Статья написана в начале 1970-х гг., опубликована в сборнике "Краеведческие записки КИАМЗ", вып. 1, Ярославль, 1973, с. 62-86. Печатается по тексту сборника.

1. Архитектурным связям России и Украины и творчеству Г.Л. Мазухина посвящена также статья Е.В. Кудряшова "Из истории русско-украинских архитектурных связей в XVII в.", опубликованная в сборнике "Украинское искусствознание", вып. 6, Киев, 1974, с. 177-182 (на украинском языке).

Особенности архитектурно-конструктивного решения церкви Рождества Христова на Городище в Костроме

Статья написана в 1970-х гг., опубликована в сборнике "Архитектурное наследие и реставрация", вып. 2, М., 1986, с. 93-97. Печатается по тексту сборника.

1. Наличие у церкви Рождества Христова первоначально двух приделов подтверждают результаты археологических раскопок, проведенных Средневековой археологической экспедицией Марийского государственного университета в 1989-1990 гг., в ходе которых был вскрыт фундамент Феодосийского придела и север-

ной паперти храма, по всей видимости, смыкавшейся с западной. Раскопки показали также наличие искусственной подсыпки из песка и глины под всей церковью. (С.И. Алексеев. Материалы к археологической карте города Костромы // Историко-археологическое изучение Поволжья. Межвузовский сборник. Йошкар-Ола, 1994. С. 73; Ю.А. Зеленева, О.В. Данилов. Отчет о раскопках Костромского отряда САЭ Марийского госуниверситета в г. Костроме летом 1990 года. Йошкар-Ола, 1991).

Малоизвестный памятник древнерусского зодчества XVII века

Статья написана в начале 1970-х гг., опубликована в сборнике "Краеведческие записки КИАМЗ", вып. 1, Ярославль, 1973, с. 86-99. Печатается по тексту сборника.

II. НАРОДНОЕ ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО

О времени постройки церкви Спаса Преображения из с. Спас-Вежи Костромской области

Статья написана в 1970-х гг., опубликована в сборнике "Памятники русской архитектуры и монументального искусства", М., 1980, с. 100-102. Печатается по тексту сборника.

III. БАРОККО И КЛАССИЦИЗМ В АРХИТЕКТУРЕ КОСТРОМСКОГО КРАЯ

Костромской зодчий XVIII в. С.А. Воротилов

В архиве автора (ГАКО, ф. р-513 (Е.В. Кудряшов), 462 ед. хр., 1959-1991 гг.) сохранилось три варианта статьи, написанные в 1985

г., один из которых по замыслу автора должен был стать главой задуманной им, но не осуществленной книги о костромских архитекторах. Статья печатается по наиболее полному варианту, который был опубликован в сборнике “Памятники русской архитектуры и монументального искусства”, М., 1994, с. 162-179.

Творчеству С.А. Воротилова посвящены также статьи Е.В. Кудряшова: “К творческой биографии костромского зодчего XVIII в. С.А. Воротилова. Гостиный двор в Костроме”, написанная в 1982 г. и опубликованная в сборнике “Краеведческие записки КИАМЗ”, вып. 4. Ярославль, 1986, с. 62-67; “Памятники архитектуры костромского кремля”, написанная в 1984 г. опубликованная в альманахе “Памятники Отечества”, № 2, М., 1991, с. 18-23, см. также книгу Е.В. Кудряшова “Архитектурный ансамбль центра Костромы”, Ярославль, 1992, с. 3-28. В архиве автора сохранилась также статья “К биографии костромского зодчего XVIII в. С.А. Воротилова”, написанная в 1983 г. (не публиковалась).

1. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. церкви были реставрированы по проекту арх. НИПМ ВО “Союзреставрация” С. Демидова и Е. Огородовой. В ходе реставрационных работ у храмов были воссозданы утраченные в 1930-х гг. завершения и колокольни.

2. О работе С.А. Воротилова в Нерехте и его творчестве вообще см. также: С.В. Демидов, Е.В. Кудряшов. Нерехта. М., 1996. С. 40-52; С.В. Демидов. Архитектор-самоучка С.А. Воротилов // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1990. С. 409-416.

Памятники тотемского барокко в Костромской области

Статья написана в 1983 г., опубликована в сборнике “Памятники русской архитектуры и монументального искусства XIII-XIX вв.”, М., 2000, с. 121-125. Она представляет собой авторскую переработку более ранней (1981 г.) и полной статьи, сохранившейся в архиве автора, — “Памятники великоустюжской и тотемской архитектурных “школ” в Костромском Заволжье” (не публиковалась).

1. О памятниках тотемского барокко в Костромской области см. также: Е.В. Кудряшов. Солигалич. Л., 1987. С. 39-41.

Ранние памятники промышленной архитектуры Нерехты

В архиве автора сохранилось два варианта статьи 1980 и 1982 гг. Мы печатаем последний вариант, который был опубликован в сборнике “Архитектурное наследие и реставрация”, вып. 3, М., 1988, с. 179-186.

1. О памятниках промышленной архитектуры г. Нерехты см. также: С.В. Демидов, Е.В. Кудряшов. Нерехта. С., 1996. С. 14, 53-55.

Н.И. Метлин. Материалы к творческой биографии архитектора

Статья написана в 1984 г., опубликована под названием “Первый губернский архитектор” в журнале “Губернский дом”, № 1, 1997 г., с. 38-40. Материалы статьи частично были использованы нами при подготовке к публикации книги: Е.В. Кудряшов. Архитектурный ансамбль центра Костромы. Ярославль, 1992. С. 29-30.

О работе нижегородского губернского архитектора И.Е. Ефимова в гор. Костроме

Статья написана в 1982 г., публикуется впервые.

1. О здании Присутственных мест в г. Костроме и работе в городе И.Е. Ефимова см. также: Е.В. Кудряшов. Архитектурный ансамбль центра Костромы. Ярославль, 1992. С. 29-33.

Новые данные о доме С.С. Борщова в Костроме

В архиве автора сохранилось два варианта статьи 1979 и 1982 гг. Публикуется впервые по последнему, наиболее полному варианту.

1. О доме жиллом Борщова см. также: Е.В. Кудряшов. Архитектурный ансамбль центра Костромы. Ярославль, 1992. С. 35-39.

IV. МОНУМЕНТАЛЬНОЕ И ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО КОСТРОМСКОГО КРАЯ

К биографии Любима Агиева

Статья написана в 1970-х гг., опубликована в сборнике "Археологический ежегодник за 1977 год", М., 1978, с. 88-89. Печатается по тексту сборника.

Юрьевецкие изразцы

Статья написана в 1970-х гг., опубликована в журнале "Декоративное искусство СССР", № 12, М., 1973, с. 20-23. Печатается по журнальному варианту. В архиве автора сохранились две неопубликованные статьи, посвященные архитектурной керамике: "О зеленых изразцах Костромы" (1971 г.) и "К характеристике изразцового декоративного убранства в Костромском Поволжье в XVII в" (1973 г.).

Редкий вид жиковин из Костромы

Статья написана в 1983 г., опубликована в сильно сокращенном виде в журнале "Декоративное искусство СССР", № 6, М., 1986, с. 27. Печатается по рукописи автора, сохранившейся в его архиве.

Список сокращений

- ВМОИДР — Временник Московского общества истории и древностей российских
- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
- ГАКО — Государственный архив Костромской области
- ГИМ — Государственный исторический музей
- ГНИМА — Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева
- ГРМ — Государственный Русский музей
- ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
- ИАК — Известия (Императорской) Археологической комиссии
- КГПИ — Костромской государственный педагогический институт
- КЕВ — Костромские епархиальные ведомости
- КИАМЗ — Костромской историко-архитектурный музей-заповедник
- КНОИМК — Костромское научное общество по изучению местного края
- ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР [ныне — Институт истории материальной культуры Российской академии наук]
- МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР
- ОР ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной [ныне — Российской национальной] библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
- СНРПМ — Специальная научно-реставрационная производственная мастерская
- ЦГАДА — Центральный [ныне — Российский] государственный архив древних актов
- ЦГАЛИ — Центральный [ныне — Российский] государственный архив литературы и искусства
- ЦГИА — Центральный [ныне — Российский] государственный исторический архив
- ЯМЗ — Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник

Содержание

I. КОСТРОМСКОЕ КАМЕННОЕ ЗОДЧЕСТВО XVI-XVII вв.

К вопросу о первоначальных формах Успенского собора в Костроме	5
Архитектурные памятники Ипатьевского монастыря XVI-XVII вв.	10
Особенности архитектурно-конструктивного решения церкви Рождества Христова на Городище в Костроме	35
Малоизвестный памятник древнерусского зодчества XVII века	42

II. НАРОДНОЕ ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО

О времени постройки церкви Спаса Преображения из с. Спас-Вежи Костромской области	55
--	----

III. БАРОККО И КЛАССИЦИЗМ

В АРХИТЕКТУРЕ КОСТРОМСКОГО КРАЯ

Костромской зодчий XVIII в. С.А. Воротилов	59
Памятники тотемского барокко в Костромской области	78
Ранние памятники промышленной архитектуры Нерехты ...	84
Н.И. Метлин. Материалы к творческой биографии архитектора	91
О работе нижегородского губернского архитектора И.Е. Ефимова в гор. Костроме	96
Новые данные о доме С.С. Борщова в Костроме	99

IV. МОНУМЕНТАЛЬНОЕ И ПРИКЛАДНОЕ

ИСКУССТВО КОСТРОМСКОГО КРАЯ

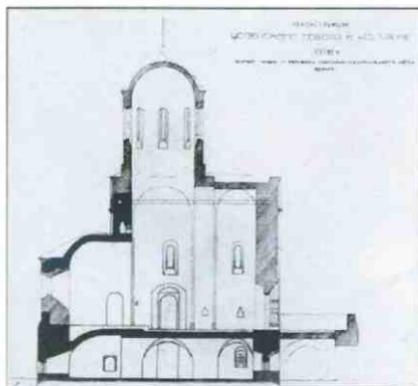
К биографии Любима Агиева	113
Юрьевецкие изразцы	116
Редкий вид жиковин из Костромы	122
Комментарии	126
Список сокращений	131

Составление и комментарии
И.Ю. Кондратьевой

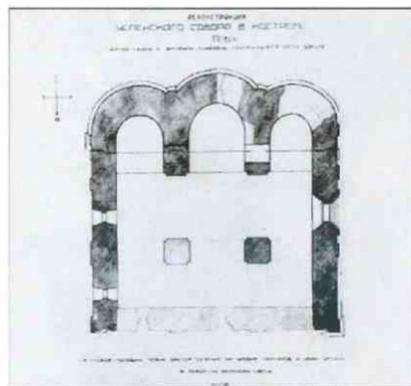
*К статье "К вопросу о первоначальных формах
Успенского собора в Костроме"*

Южная стена Успенского собора после сломки галерей. Фото 1934 г.
(ГНИМА, фототека, колл. V, нег. 5068).

Продольный разрез
Успенского собора.
Реконструкция С.С. Чижова, 1935 г.

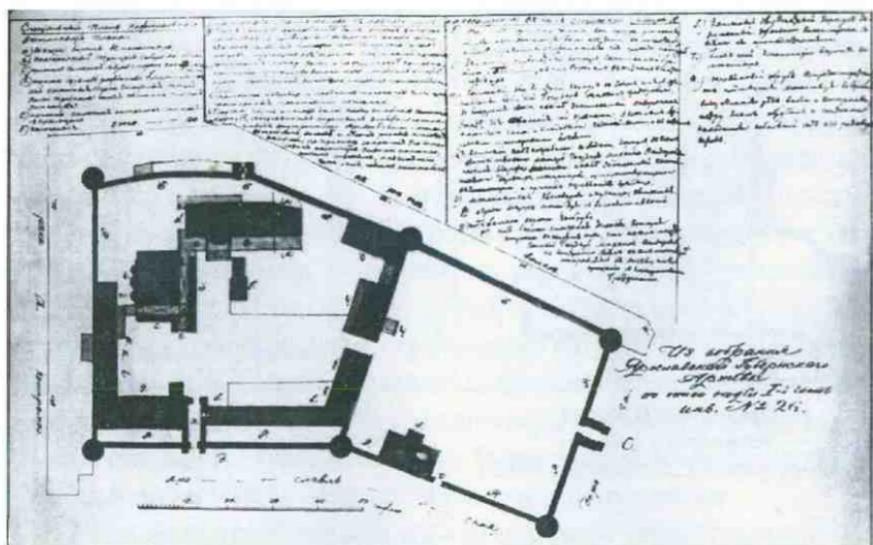

План Успенского собора.
Реконструкция С.С. Чижова, 1935 г.

К статье "Архитектурные памятники
Ипатьевского монастыря XVI-XVII вв."

Троицкий собор и колокольня в Ипатьевском монастыре.
Рисунок Н.Г. Чернецова, 1838 г.

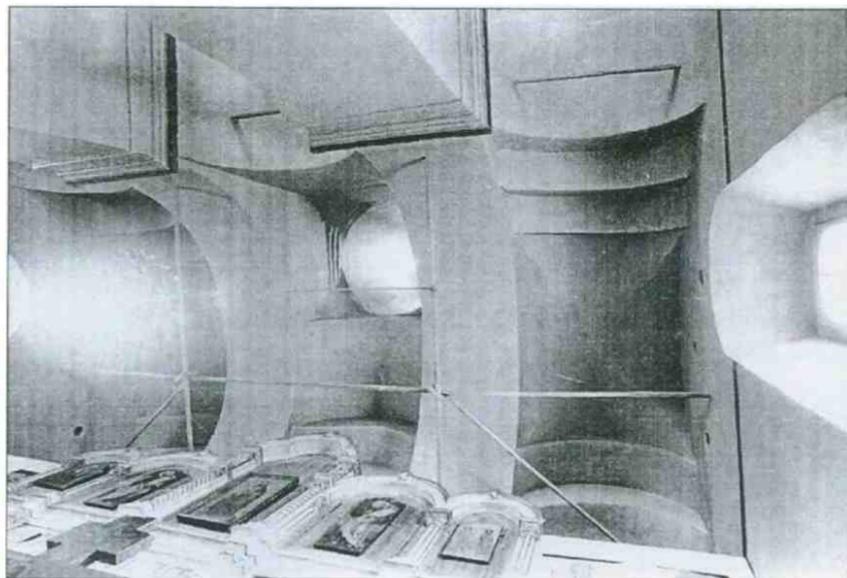

План Ипатьевского монастыря, нач. XIX в.
(ЯМЗ, отдел архит. графики, Ар-617).

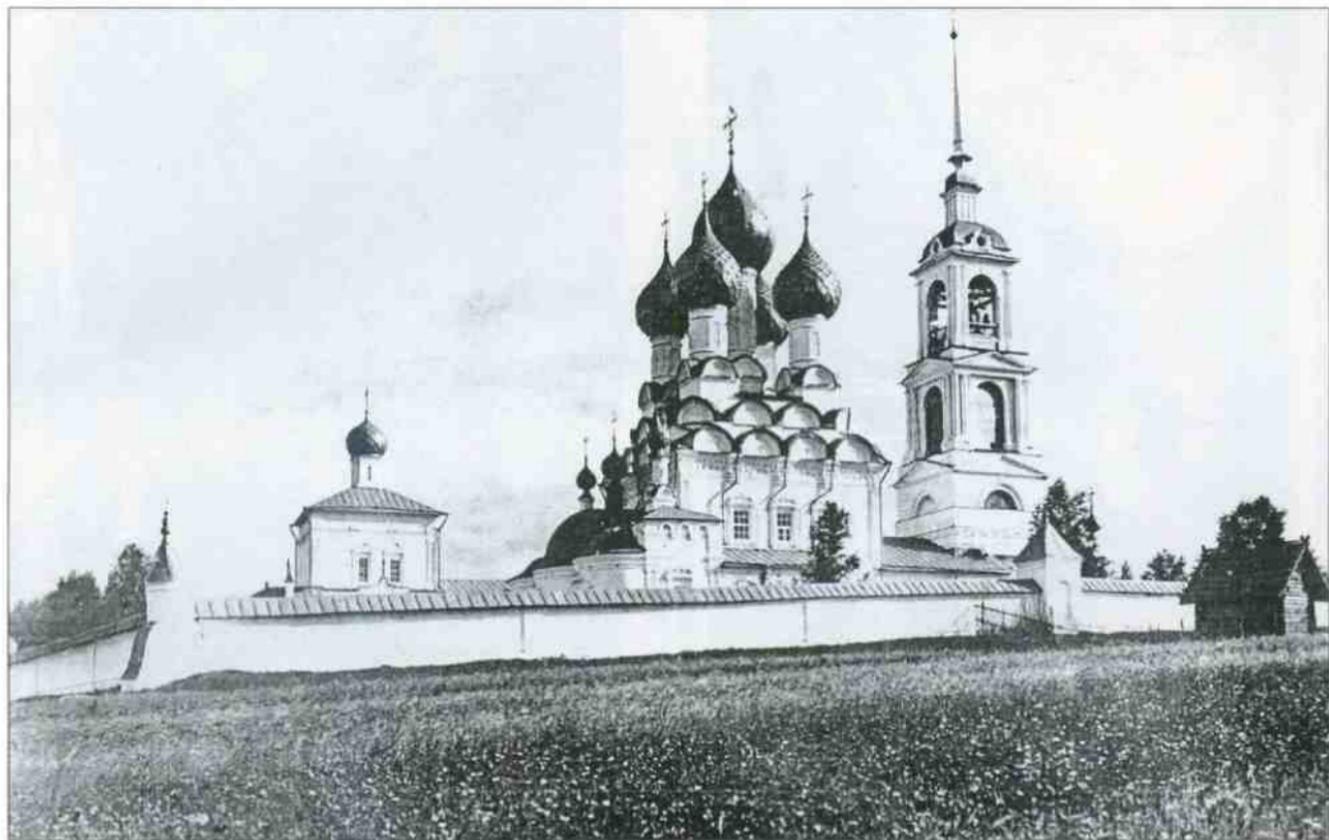
*К статье "Особенности архитектурно-конструктивного решения
церкви Рождества Христова на Городище в Костроме"*

Церковь Рождества Христова на Городище. Вид с юга.
Фото И. Стрельбицкого, 1995 г.

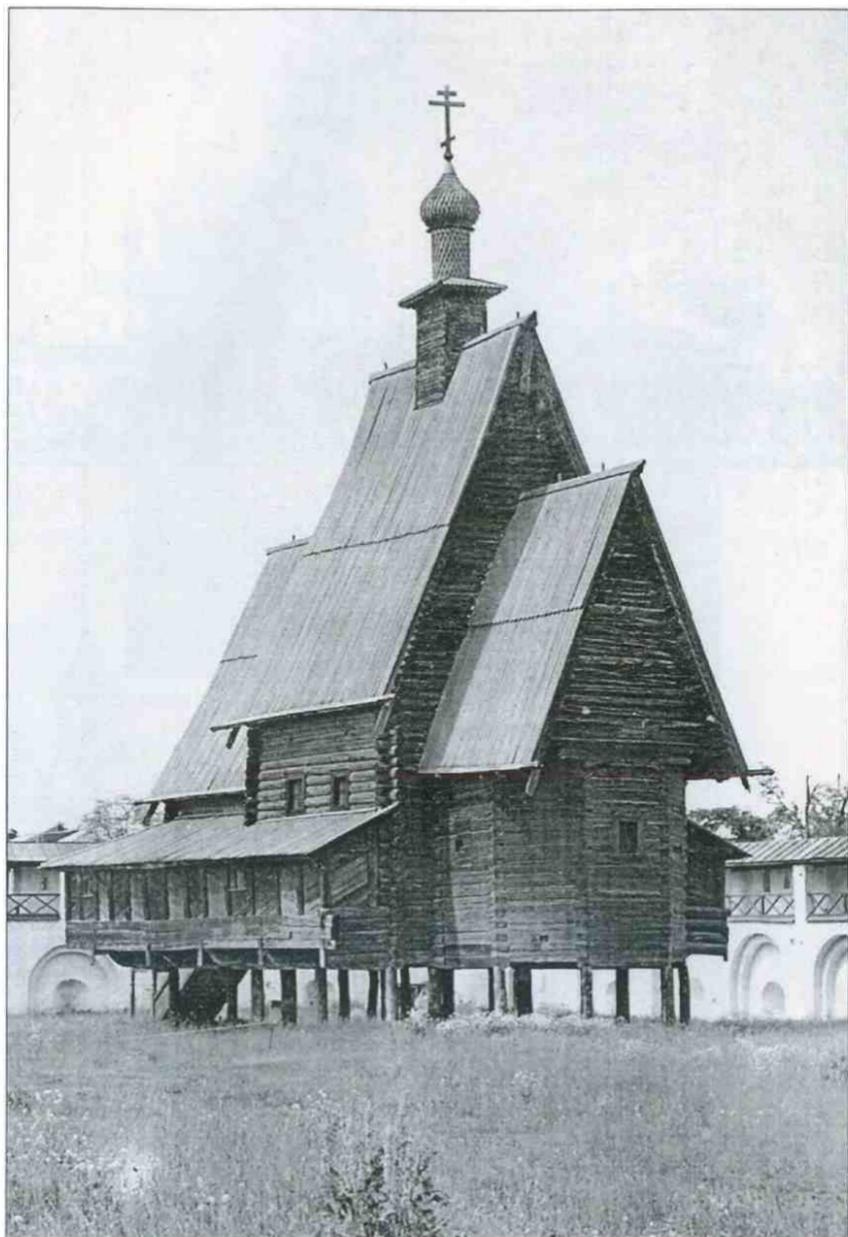

Перекрытие церкви. Фото И. Стрельбицкого, 1995 г.

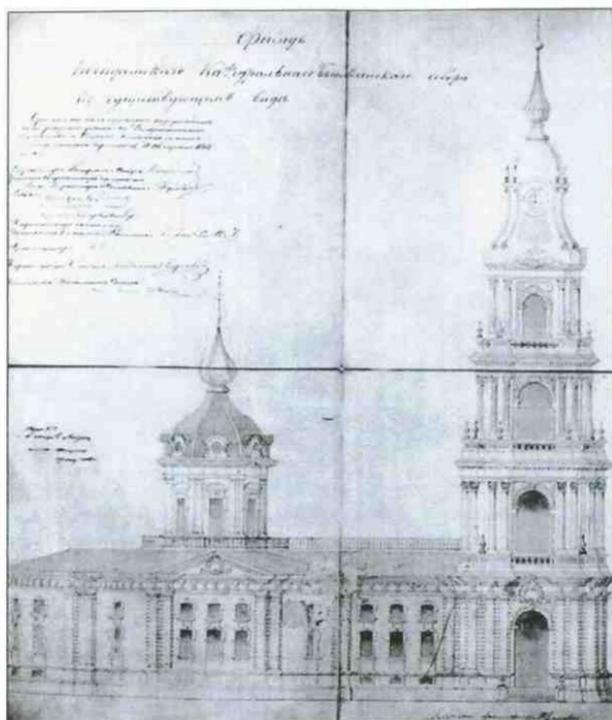

Храмовый комплекс в с. Ликурга. Фото В. Кларка, 1908 г.

*К статье "О времени постройки церкви Спаса Преображения
из с. Спас-Вежи Костромской области"*

Церковь Спаса Преображения из с. Спас-Вежи. Фото В. Рудченко, 1998 г.

Северный фасад Богоявленского собора в Костроме.
Обмерный чертеж 1864 г.

Воскресенская церковь в Нерехте. Рисунок В. Турыльдина из его альбома
"Виды города Нерехты", 1850 г. (ГИМ, отдел ИЗО, № 68315/А 371).

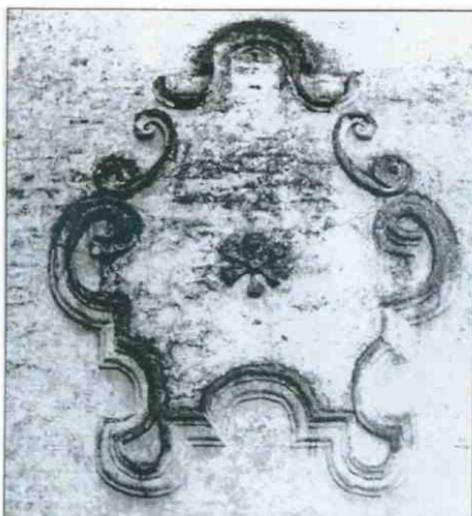
Соборный ансамбль в Костроме. Фото нач. XX в.

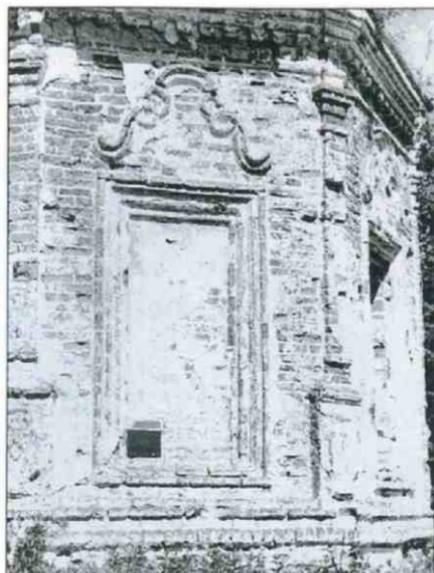
Соборный ансамбль и Гостиный двор
с колокольной церкви Спаса в Рядах. Фото нач. XX в.

Церковь Троицы в с. Зашугомье. Вид с севера.
Фото Е. Барановского, 1972 г.

Междуэтажный картуш на северном фасаде церкви Троицы.
Фото Е. Кудряшова, 1979 г.

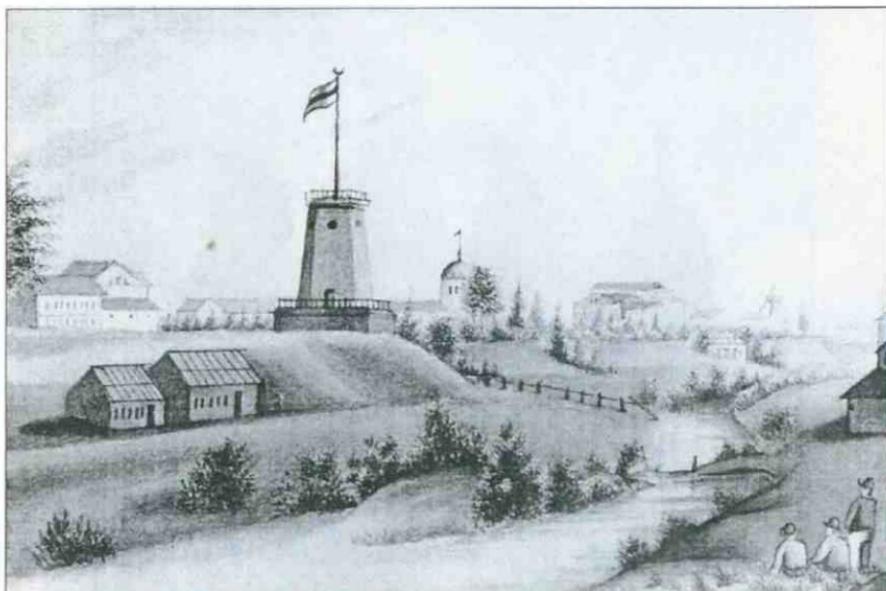
Церковь Николая из с. Чалово. Окно апсиды.
Фото Е. Кудряшова, 1979 г.

Собор Рождества Богородицы в Солигаличе. Южный фасад.
Фото В. Рудченко, 2001 г.

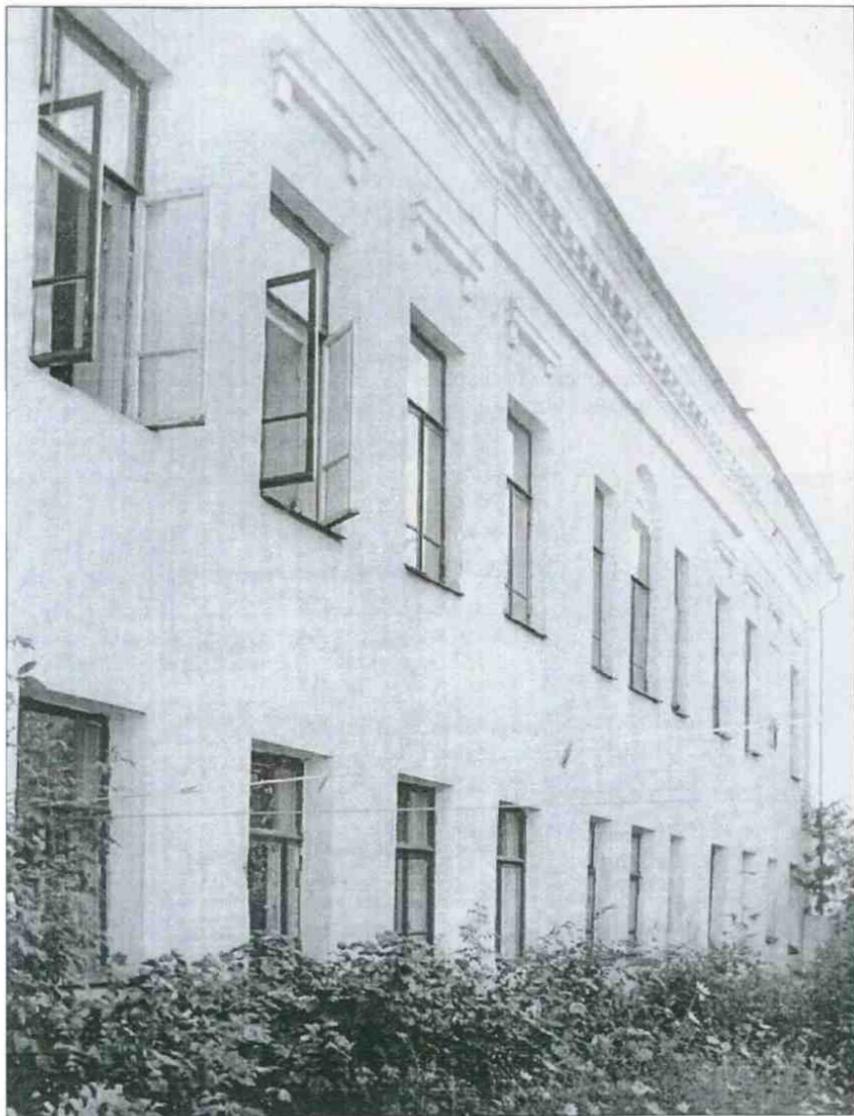

Полотняная фабрика в Нерехте. Фото Е. Кудряшова, 1976 г.

"Присутственные места и общественный сад с усадьбою г. Приклонского".
Рисунок В. Турыльдина из его альбома "Виды города Нерехты", 1850 г.
(ГИМ, отдел ИЗО, № 68315/А 371).

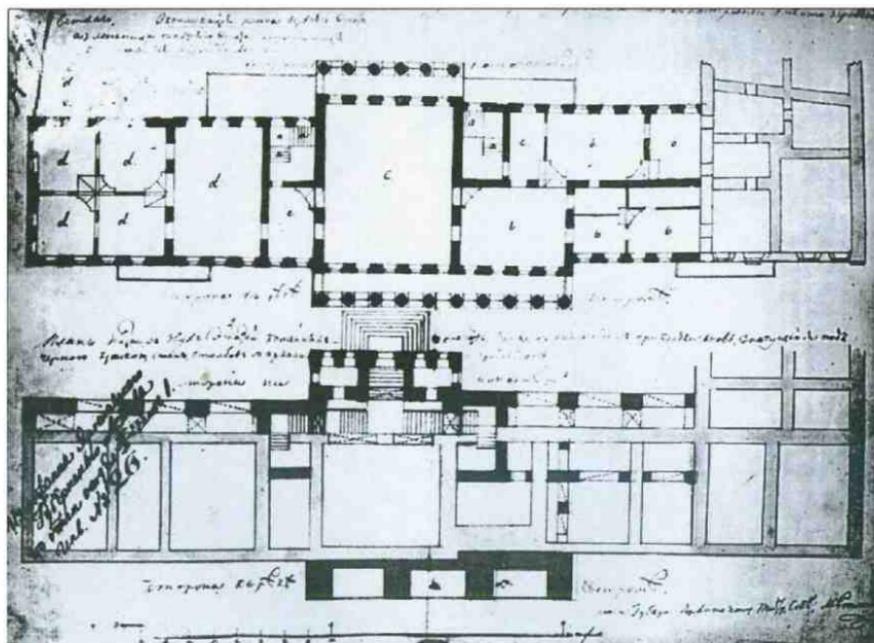
*К статье "Н.И. Метлин. Материалы
к творческой биографии архитектора"*

Полицейское управление в Костроме. Западный фасад.
Фото Н. Каменева, 1973 г.

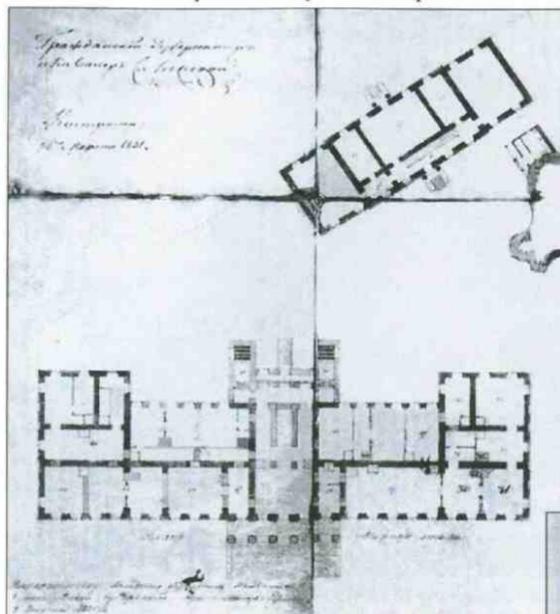

Вид Ипатьевского монастыря с Архиерейским корпусом, перестроенным по проекту Н. Метлина, 2-я тр. XIX в.

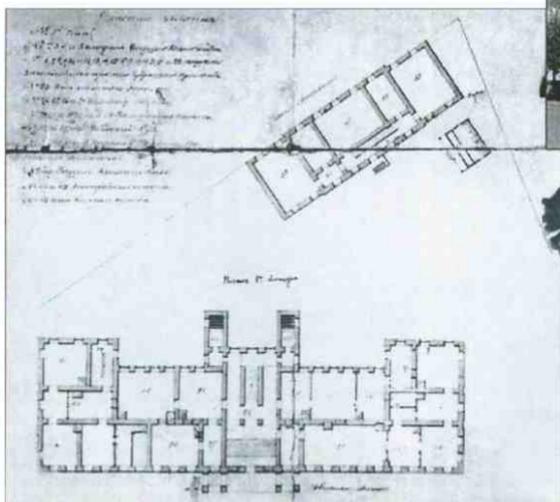

Н. Метлин. Проект перестройки Архиерейского корпуса.
Планы 1-го и 2-го этажей.

К статье "О работе нижегородского губернского архитектора И.Е. Ефимова в г. Костроме"

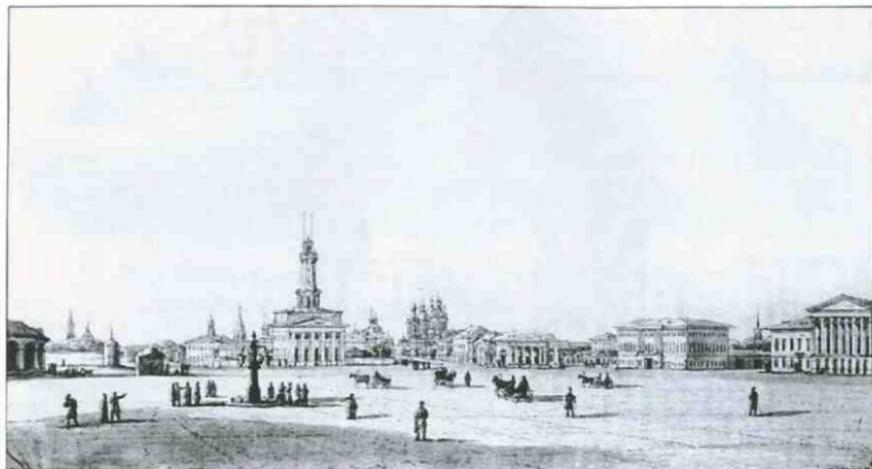

Присутственные места и архив. Планы первых этажей зданий. Обмер И. Ефимова, 1831 г.

Присутственные места и архив. Планы первых этажей зданий после перестройки, 1833 г.

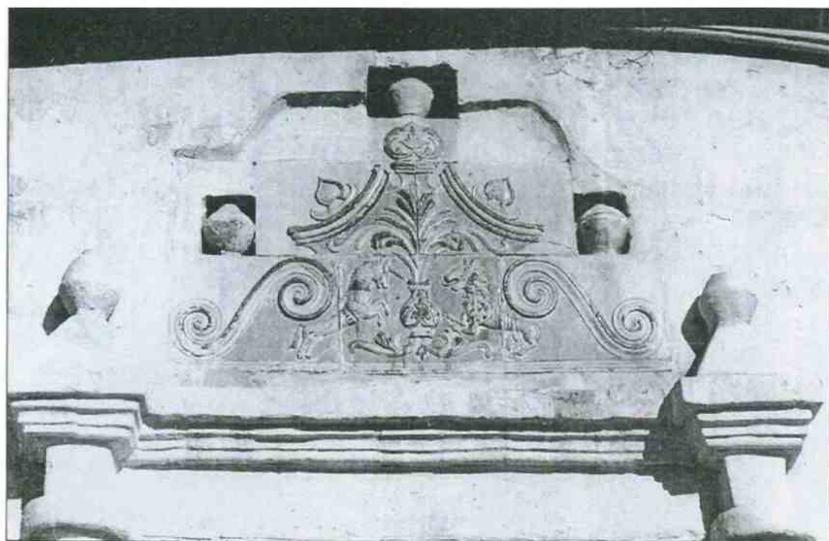
К статье "Новые данные о доме С.С. Борцова в Костроме"

Вид Екатеринославской площади в Костроме.
Рисунок Н.Г. Чернецова, 1838 г.

Дом С.С. Борцова. Фото В. Рудченко, 1996 г.

Фрагмент наличника одного из окон Благовещенской церкви в г. Юрьевце.
Фото из собрания Юрьевоцкого краеведческого музея.

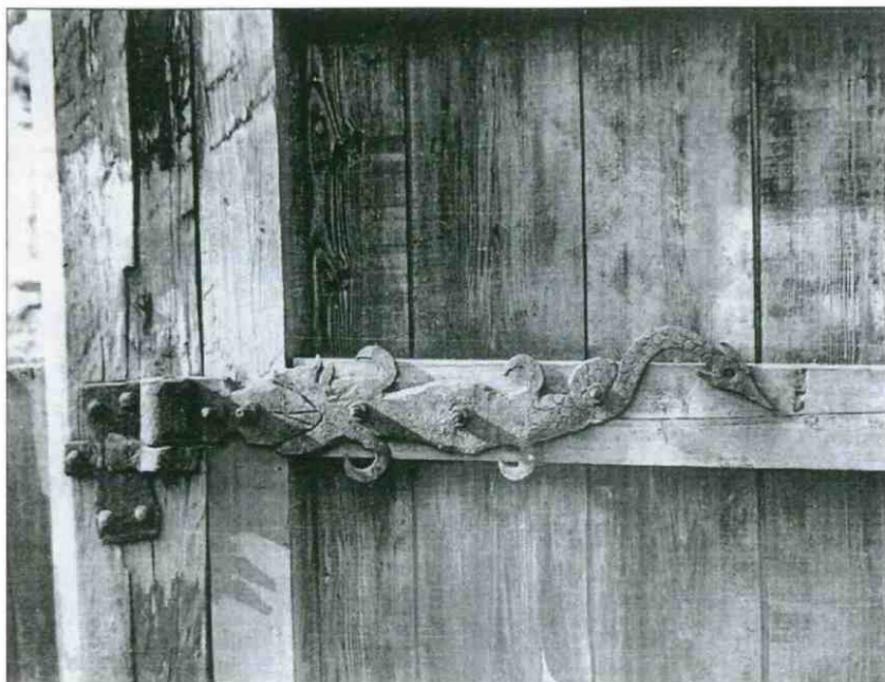

Сирин. Изразец с фасадов
Благовещенской церкви в
г. Юрьевце. Фото из собрания
Юрьевоцкого краеведческого музея.

Павлин. Изразец с фасадов
Благовещенской церкви в г. Юрьевце.
Фото из собрания
Юрьевоцкого краеведческого музея.

К статье "Редкий вид жиковин из Костромы"

Жиковина с ворот дома по ул. Клубной в Костроме.
Фото Е. Кудряшова, 1968 г.

Жиковина с калитки ворот. Фото Е. Кудряшова, 1968 г.